

Л. И. АНЦЫФЕРОВА

**РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ
И ПРОБЛЕМЫ
ГЕРОНТОПСИХОЛОГИИ**

**ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Людмила Ивановна Анцыферова
Развитие личности и
проблемы геронтопсихологии
Серия «Достижения в психологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9416680

*Л. И. Анцыферова. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. Издание 2-е, исправленное и дополненное: Институт психологии РАН; Москва; 2006
ISBN 5-9270-0094-0*

Аннотация

Книга представляет собой фундаментальный труд, посвященный разработкам в области методологии психологии, психологии развития личности и геронтопсихологии, проблем мышления и мудрости человека. Автор – известный российский психолог, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный член РАО, доктор психологических наук, профессор Людмила Ивановна Анцыферова. Во второе, значительно дополненное издание, вошли как ранние работы, посвященные теории личности К. Левина, исследованиям мышления в Вюрцбургской школе, теории интеллектуальных операций О. Зельца, так и самые последние разработки Л. И. Анцыферовой по психологии мудрости и проблемам постижения человеком своего призвания.

Книга предназначена для психологов, педагогов, геронтологов, социальных работников и для широкой читательской аудитории.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие к первому изданию	6
Раздел первый. Теории личности и вопросы методологии психологии	11
Глава 1. Методологические принципы и проблемы психологии	11
Глава 2. О динамическом подходе к психологическому изучению личности	26
Глава 3. Личность в динамике: некоторые итоги исследования	36
Глава 4. Психологическое учение о человеке: теория Б. Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы	51
Глава 5. О теории личности в работах Курта Левина	64
Глава 6. Проблема психологической активности и научное наследие Анри Валлона	75
Глава 7. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Людмила Ивановна Анцыферова **Развитие личности и проблемы** **геронтопсихологии. Издание 2-** **е, исправленное и дополненное**

© Институт психологии Российской академии наук, 2004, 2006

* * *

Заслуженный деятель науки РФ, почетный член РАО, доктор психологических наук, профессор Людмила Ивановна Анцыферова (фото конца 1970-х годов)

Предисловие

Первое издание книги Л. И. Анцыферовой «Развитие личности и проблемы геронтопсихологии», вышедшее в издательстве «Институт психологии РАН» в 2004 году, стало заметным событием в научной жизни российской психологии. В нем впервые в такой полной и систематизированной форме были собраны важнейшие разработки последних десятилетий, посвященные фундаментальным проблемам психологии личности и психологии развития. Впервые отечественная геронтопсихология была представлена широким кругом проблем, связанных с экзистенциальными вопросами смысла жизни человека, творческой реализации, объективных и субъективных трудностей пожилых людей. Являясь крупнейшим специалистом по истории зарубежных теорий личности, обладая глубокой философской культурой мышления, имея в своей научной биографии опыт проведения конкретных эмпирических исследований и оказания психологической помощи людям, автор смогла сконцентрировать в психологической концепции личности многое из того продуктивного, что накоплено не только в отечественной, но и мировой психологии о различных периодах развития личности, включая период поздней зрелости.

Необходимость подготовки второго издания вызвана прежде всего высокой востребованностью работ Л. И. Анцыферовой: первое издание быстро разошлось по всем российским регионам. Интерес к ее фундаментальному труду проявили не только профессиональные психологи, но и специалисты из смежных с психологией областей знания. Кроме того, книга может рассматриваться достаточно полным пособием по психологии развития, психологии личности, истории психологии для студентов, обучающихся психологическим и педагогическим специальностям.

Второе издание дополнено новым разделом «Проблема мудрости и теории мышления», в который вошли две главы, посвященные исследованиям мышления в работах Огюста Зельца и представителей Вюрцбургской школы – О. Кюльпе, А. Майера, И. Орта, К. Марбе, Х. Ватта, Н. Аха, А. Мессера, К. Бюлера и др., а также главы, содержащие развернутый анализ проблемы мудрости человека. Книга содержит как авторскую разработку системного подхода к психологическому исследованию личности, так и анализ теорий личности.

Издание иллюстрировано фотографиями из семейного архива Людмилы Ивановны Анцыферовой.

Директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАО, профессор А. Л. Журавлев

Предисловие к первому изданию

История появления этой книги, с одной стороны, связана с подготовкой к юбилею ее автора. Предполагалось, что собранные вместе научные работы Людмилы Ивановны Анцыферовой, опубликованные за последние двадцать лет в «Психологическом журнале» и в некоторых научных трудах Института психологии РАН, будут подарком юбиляру. Однако, когда эта работа была проделана, отдельные, лишь на первый взгляд, разрозненные публикации как-то сами собой сложились в цельную книгу, способную стать, мы уверены, заметным событием в психологическом сообществе для всех, кто будет ее читать.

Потребность в новой книге, с другой стороны, зрела давно, и юбилей – это только повод к осуществлению этой задачи.

Имя Людмилы Ивановны Анцыферовой является одним из известнейших в современной отечественной психологии. Отдельные страницы ее профессиональной биографии хорошо освещены в настоящем издании. Мы не будем их повторять, отметив только самые основные вехи ее научной судьбы.

Окончив в 1948 году Московский университет им. М. В. Ломоносова, Людмила Ивановна поступила в аспирантуру МГУ. Ее научным руководителем был Сергей Леонидович Рубинштейн. Работать в секторе, возглавляемом С. Л. Рубинштейном, Л. И. Анцыферова начала в 1956 году. Если учесть, что в 1972 году сектор психологии в полном составе (в те годы им руководила профессор Е. В. Шорохова) перешел из Института философии в только что открытый в академии наук Институт психологии, то из этого следует, что Людмила Ивановна проработала, никуда не уходя с того места, на которое определили ее судьба и научная одаренность, почти 50 лет! Она автор трех монографий. Множество коллективных монографий и сборников научных трудов подготовлены ею в качестве ответственного редактора. Людмила Ивановна 17 лет была заведующей: сначала – сектором философских проблем психологии, затем – лабораторией психологии личности. Много сил она отдала и отдает «Психологическому журналу» – в течение девяти лет она была заместителем главного редактора.

Однако главное дело Л. И. Анцыферовой состоит, конечно, в ее огромном вкладе в развитие психологической науки. Даже структура и тем более содержание настоящей книги позволяют составить представление о масштабах проделанной работы.

Научное творчество Л. И. Анцыферовой охватывает большой круг проблем, в разработке которых достигнуты крупные научные результаты, сделавшие ее имя высоко авторитетным в психологическом сообществе. Среди них надо выделить три главных, стержневых научных направления, над которыми все эти годы продолжается творческая работа мысли, продуцируются новые идеи, развиваются и уточняются исследовательские подходы. Это проблемы методологии, истории и особенно психологии личности.

Продолжая начатую С. Л. Рубинштейном линию разработки методологических основ психологии, Л. И. Анцыферова внесла существенный вклад в развитие этого направления отечественной науки. Она уточняет и развивает конкретно-психологическое содержание принципа общественно-исторической детерминации психики человека, расширяет личностный смысл принципа единства сознания и деятельности, обосновывает необходимость соединения системного подхода с принципом развития. Само развитие начинает пониматься и осмысливаться как системный процесс. Большую научную значимость представляют ее методологические и теоретические разработки по психологии развития. Это и вопрос об общих закономерностях развития, и о системной его организации, и о внутренних источниках и потенциалах развития, и об условиях их накопления и реализации в процессе жизни.

Большая заслуга принадлежит Л. И. Анцыферовой в анализе современной зарубежной психологии и разработке принципов такого анализа. В этих исследованиях обосновыва-

ется системно-исторический подход к развитию психологического знания, который предполагает учет макро– и микросоциальных детерминаций, влияние личности самого создателя, ее своеобразия, мировоззренческих установок на содержание развиваемой ею теории. Л. И. Анцыферова одной из первых отечественных ученых обратилась к осмыслению творчества ряда известных западных психологов-персонологов, основателей оригинальных теорий личности, психотерапевтических школ и научно-практических направлений.

Опираясь на принцип субъекта рубинштейновской научной школы, используя богатый эмпирический и психотерапевтический материал зарубежных и отечественных исследователей личности, Л. И. Анцыферова выходит на оригинальную проблематику и концепцию личности, которая систематически разрабатывается в ее работах последних десятилетий. Суть этой концепции состоит в понимании личности как развивающейся системной целостности, для которой развитие – основной способ существования, способ ее бытия. Развитие понимается как многоформный, многомерный, разнонаправленный процесс, включающий позитивные новообразования, психологические потери и сложнейшие механизмы компенсации. Главным для динамической концепции личности является, во-первых, идея непрерывного развития на протяжении всей жизни человека и, во-вторых, зависимость развития личности от меры ее собственной активности.

Людмила Ивановна, бесспорно, является классиком отечественной геронтопсихологии, понимаемой ею в контексте психологии развития и совершенствования личности. Являясь одним из ведущих специалистов по зарубежным теориям личности, Л. И. Анцыферова использует это богатство знаний для тонкого и уникального анализа тех психологических возможностей, которые дает личности (а не только ведет к утратам) возраст поздней зрелости. Она отмечает, что в концепции Х. Томе интегрированы положения К. Левина о психологическом единстве человека и окружающего его мира, некоторые установки когнитивной теории поведения, и напоминает об идеях Г. Мюррея о тематическом структурировании личностью своих жизненных ситуаций и его собственные оригинальные подходы к изучению личности в мире повседневной жизни путем психологической биографии, подробно рассказывает о деталях проведения и значении Боннского геронтологического лонгитюда (Bonner Langsschnittstudie uber das Altern), начатого в 1961 г. под руководством Лер и продолжавшегося более двух десятков лет.

Научное творчество Л. И. Анцыферовой отличает искренний интерес к самым трудным вопросам человеческого бытия: болезнь, смерть, старость, суровые жизненные испытания. Именно поэтому ее работы особенно нужны людям. О многом говорят даже их названия: «Человек перед лицом жизни и смерти», «Психологические приобретения и потери человека в период поздней зрелости», «Личность в трудных жизненных условиях...». Концепцию развития Л. И. Анцыферовой отличает вера в конструктивные силы человека. Страницы ее работ содержат яркие и впечатляющие рассказы о случаях, когда приходилось оказывать реальную психологическую помощь обратившимся к ней людям. Читая эти описания, начинаешь понимать, что, пожалуй, только она и могла оказать такую помощь в тех конкретных случаях: найти именно то слово или слова, которые лечат душу в самых трагических жизненных условиях. Людмила Ивановна находит эти слова. За ними стоит знание глубинных основ психологии, жизненный опыт и огромная любовь к людям.

Самые ранние из приведенных в книге работ относятся к началу 1980-х годов. Читая труды Л. И. Анцыферовой этого периода, можно заметить, как трудно было ей публиковать статьи, в которых честно и профессионально анализировались работы зарубежных исследователей личности, однако Людмиле Ивановне удавалось выделять и утверждать то положительное знание, которое отличает работы известных персонологов, психоаналитиков, когнитивистов. К настоящему времени она является ведущим специалистом по научному

творчеству Э. Эриксона и Х. Томе, ее статьи содержат уникальный анализ работ К. Юнга и Л. Колберга и других известных психологов – не только зарубежных, но и отечественных.

Сильное впечатление производят публикуемые здесь аналитические обзоры деятельности научных подразделений, руководимых Л. И. Анцыферовой. Из содержания статей начала 1980-х следует, что под руководством Л. И. Анцыферовой в тот период работали такие классики отечественной психологии как Я. А. Пономарев, Е. А. Будилова, А. В. Брушлинский, Д. Н. Завалишина. Рассматриваются первые книги И. А. Джидарьян, Т. И. Артемьевой, И. И. Чесноковой, Г. С. Тарасова, В. Г. Асеева. В начале 1990-х появляются новые имена, и все имена Людмила Ивановна стремится упомянуть, обо всех молодых сотрудниках сказать несколько важных слов.

Особой теплотой наполнены воспоминания Л. И. Анцыферовой о А. В. Брушлинском. Статья «И жизнь, и слезы, и любовь» свидетельствует о том, каким хорошим психологом, внимательным к мелочам и способным понимать главное является Людмила Ивановна. Стоит задуматься над ее выводом о том, что Институт психологии РАН во многом обязан Андрею Владимировичу самой возможностью своего сохранения в самые трудные годы.

Жизненная задача самой Л. И. Анцыферовой, просвечивающая через всю предложенную здесь ретроспективу ее научного творчества, вырисовывается как активная позиция в помощи личности, как обращение к творческим силам и высшим потребностям человека при точном знании того, что эти силы и потребности существуют. Она говорит о жизни человека как особой, свойственной ему благодати. Ее жизненный опыт, высочайшая научная компетентность позволяют ей обратиться к читателю с такими словами: «Люди, берегите себя. В вашей душевной жизни находит продолжение жизнь множества людей, окончивших свой земной путь. Они живут в форме ваших воспоминаний, образов, мыслей, чувств, способов поведения. Делайте же в самых трудных и даже трагических ситуациях выбор в пользу жизни».

Л. И. Анцыферова является создателем психологической концепции старости. Она отмечает, что за последние два десятилетия психологи собрали значительный материал, выявляющий характеристики психологического облика людей в возрасте от 60 до 90 лет и более, замечая при этом, что любой период жизни человека, особенно время поздней зрелости и старости, следует рассматривать в контексте целостного жизненного пути индивида. Хотя нельзя недооценивать силу социальных воздействий, но все же человек способен быть свободным по отношению к своей исторически преходящей действительности и к давлению общества: потенциал человека выходит далеко за те пределы, которые ставит его развитию общество.

Концепция Л. И. Анцыферовой основана на пересмотре широко распространенного среди психологов представления о поступательном развитии личности как об «одноколейном», однонаправленном движении душевной жизни. Наряду с позитивными силами автор выделяет «неадаптивные тенденции», относя к ним плохое сенсорное развитие, своеволие, безжалостность, виртуозность в узкой сфере деятельности, фанатизм, распыление своих сил в необъятном множестве занятий; самонадеянность, не согласующуюся со способностями человека, а также пагубные для развития тенденции: отстранение от мира; компульсивные действия; привычка тормозить свое поведение; инертность; преобладание стратегий отказа от решения актуальных задач и использования благоприятных возможностей; недоступность для всего окружающего; отсутствие заботы о новом поколении; презрение к миру.

Л. И. Анцыферовой выделены типы продуктивного старения, которые связаны с преимущественной ориентацией на творчество и реализацию духовно-нравственных отношений. Она убедительно, всем своим творчеством выступила против распространенного в обществе представления о людях в их поздние годы как о беспомощных, болезненных существах, неспособных самостоятельно принимать решения, успешно выполнять обществен-

ные функции, приносить пользу обществу, против стереотипного представления о старых людях как однородной группе, у которой индивидуальные различия стираются. Она напоминает читателю очень яркое грузинское проклятие: «Пусть в твоём доме никогда не будет стариков».

Обосновывая свою концепцию развития, Л. И. Анцыферова утверждает, что социально-психологическое развитие человека не ограничено какими-то определенными периодами его бытия, оно осуществляется на протяжении всей жизни и что в продолжении жизни человек не исчерпывает всех своих резервных возможностей, потенциала своего развития. Психическое развитие человека настолько многомерно, что практически невозможно выявить все его проявления, качества и возможности. Сам процесс развития не сводится к одному поступательному развитию: развитие – это единство разных типов изменений, парциальных и системных, преходящих и стабильных, позитивных и негативных. Инволюционные изменения сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера, направленными на преодоление деструктивных явлений в геронтогенезе. Автор отмечает: есть основания полагать, что новые линии развития порождает не возраст сам по себе, а богатство жизненного опыта, глубина и полнота его осмысления человеком в сочетании с масштабностью пережитых социально-исторических событий. Она говорит о разных темпах личностно-психологического развития человека, о том, что успешность его социально-психологического развития во многом зависит от того, насколько он сам выступит как субъект своей жизни. Те знания и умения, которыми овладевает человек, имеют гораздо большее значение, чем просто знания и умения – это одновременно и расширение жизненных возможностей, и выработка многоуровневой позиции личности по отношению ко всему окружающему.

В концепции Л. И. Анцыферовой содержится искренний интерес и позитивное отношение к трудным обстоятельствам жизни и ценность опыта, когда личности удается справиться с трудностями.

В период после 1991 г. Людмила Ивановна, обратившись к работам западных коллег, напомнила о тех реальных трудностях для развития личности, которые несут с собою капиталистические общественные отношения. Она пишет: «Быстро миновал период “перестройки” советского общества. Наступила эпоха построения нового общественного строя, ориентированного на капиталистические общественные отношения, на рыночную экономику с жестким механизмом конкуренции. Психологи должны быть готовы предвосхитить, найти условия для смягчения тех негативных феноменов, с которыми столкнулись западные психотерапевты».

В более поздних публикациях Л. И. Анцыферова отмечает, что неопределенность положения не уменьшается, негативные процессы не ослабевают. И сама формулирует проблему: «На какие же актуальные вопросы должны быть готовы ответить психологи, какие последствия новой социальной ситуации, касающиеся развития личности, должны они предвидеть, имея в виду перспективу установления капиталистических отношений?»

Людмила Ивановна способна ответить на этот и многие другие очень трудные вопросы, обращаясь к богатому опыту мировой психологии, опираясь на свой жизненный опыт. Она беззаветно служит науке на всех уровнях служения: как теоретик и историк, как крупный методолог и как практик, реально помогающий людям, – своими работами, словом и самим своим обликом человека искреннего и цельного.

В справедливости этих утверждений читатель сможет убедиться сам, ознакомившись с книгой. Многая Вам лета, Людмила Ивановна!

*Действительный член РАО, профессор К. А. Абульханова
Доктор психологических наук М. И. Воловикова
Кандидат психологических наук И. А. Джидарьян*

Член-корреспондент РАО, профессор А. Л. Журавлев

Раздел первый. Теории личности и вопросы методологии психологии

Глава 1. Методологические принципы и проблемы психологии

Методологические основы отечественной психологии включают систему взаимодействующих методологических принципов, содержание которых постоянно обогащается по мере развития психологического знания. Психологи ведут работу над принципами отражательной природы психики, диалектико-материалистического монизма, детерминизма, общественно-исторической обусловленности психики, сознания, личности человека. Проводятся дискуссии о содержании принципов развития, взаимообусловленности психики и поведения, сознания и деятельности человека, деятельностного подхода, о специфике системного подхода в психологии. Научная деятельность сектора философских проблем психологии Института психологии АН СССР в прошедшие десять лет развивалась в общем русле дальнейшей разработки этих принципов и поисков новых методологических приемов психологического исследования.

Здесь представлены некоторые результаты исследования, над которыми работали сотрудники сектора.

Проблемы объективных оснований и онтологического статуса психики

Одной из самых важных методологических проблем советская психология всегда считала вопрос об объективных основаниях существования психики, о тех объективных существенных связях психики с миром, которые характеризуют ее природу на разных уровнях существования. Системный подход в диалектико-материалистическом понимании необходимо включает принцип выявления системных оснований психики, сознания, личности человека. Определения психики как функции мозга, отражения объективной действительности, ее субъективного образа, включенного в детерминацию поведения человека, общественно-исторической обусловленности психических явлений раскрывают ряд существенных оснований психики. Но эти основания в психологическом плане еще недостаточны для полного преодоления идеалистического обособления сознания от мира. Фундаментальным основанием психики и сознания, поведения, общения и созидательной деятельности выступает человек, общественный индивид, который живет реальной полнокровной жизнью в качестве действующего, общающегося, сознающего, созерцающего существа. Однако введение в системное основание психологии индивида может оказаться методологически плодотворным лишь при рассмотрении самого индивида в системе существенных для него связей – в системе общества. В концепции, выдвинутой К. А. Абульхановой, традиционная проблема связи общества и психики индивида переформулируется как вопрос о соотношении индивидуального и общественного и получает свое решение в положении о том, что само социальное существует в двух формах: бытия общества, различных социальных групп и индивидуального общественного бытия. Жизнь индивида с самого начала выступает как индивидуальный способ преобразования и дальнейшего развития общественной сущности.

С этой точки зрения сознание человека порождается и формируется как психологический механизм включения индивидуального бытия в жизнь общества [3, 4].

С этими методологическими положениями логически связаны выдвинутые в последнее время новые способы решения проблемы связи биологического и социального в развитии человека, выводы о том, что именно психологический уровень организации человека опосредствует воздействие социальных условий развития индивида на его природные (биологические) характеристики, которые в ходе социоантропогенеза выступили продуктом истории. В этом плане процесс «социализации» в ходе онтогенеза человека должен рассматриваться как дальнейшее преобразование конкретно-историческими общественными условиями того природного в человеке, в котором нашли свое выражение самые общие условия его общественного существования. Эти позиции противоположны всем теориям, резко отделяющим в психическом развитии человека две стадии или два рядоположных фактора – биологический (натуральный) и социальный [25].

Введение в психологию в качестве реального основания живого действующего, переживающего, осознающего человека, обладающего индивидуальным способом социального бытия, открывает возможности исследования в психологическом плане индивида как активного субъекта своей деятельности и своего внутреннего субъективного мира, который путем реорганизации собственных реальных, психически опосредствованных деятельных взаимоотношений с миром изменяет свое сознание, мир своих переживаний. Из этих положений следуют, как нам представляется, важные философские выводы: диалектика психики и поведения, сознания и деятельности оказывается диалектическим единством сознающего и действующего, переживающего, созерцающего и творящего человека. Выступая как активный субъект индивидуализируемых им самим систем общественных отношений, человек становится личностью, обладающей не только социальной и психологической общностью с другими членами общества, но также социальной и психологической уникальностью [38] настолько, насколько уникальна система его материальных и идеальных отношений с миром, насколько уникален его способ воспроизведения себя в своих творениях и в бытии других людей.

Введение реального индивида в центр системы оснований психического позволяет выдвинуть следующие важные методологические положения. Первое из них касается онтологического статуса психики, который раскрывается как специфический структурный уровень организации жизненных явлений [34–36]. Второе положение подчеркивает необходимость соотносить психическое (как определенный уровень организации жизнедеятельности человека) не просто с физиологическими процессами мозга, но с целостной системной организацией человека как организацией средств, способов, механизмов включения сознающего и действующего человека в мир природы и общества (Л. И. Анцыферова). Как подчеркивает Б. Ф. Ломов, развивая системный подход в психологии, человек выступает частью ряда существующих в мире систем – физической, биологической, социальной. Но важно подчеркнуть, что вхождение индивида во все эти системы происходит не автоматически – он должен активно освоить и развить свою изначальную природную определенность в качестве эффективных средств включения в эти разные системы.

Разработка принципа развития

Специальное направление методологических исследований было посвящено статусу принципа развития в психологии в связи с современными представлениями о природе психики и все более отчетливо осознаваемой в настоящее время необходимостью перейти от структурно-статичных приемов ее исследований к раскрытию процесса психической жизни человека.

Бытие общественного индивида отличается крайней динамичностью и пластичностью, обусловленной высокой изменчивостью индивидуальных ситуаций поведения человека, – поведения, выступающего как решение непрерывного потока жизненных задач. Необходимость отражать, прогнозировать, предвосхищать и, если нужно, предотвращать изменчивость условий разных форм социально обусловленной деятельности человека породила особый – фундаментальный, основной – способ существования психики: в качестве непрерывного (континуального), постоянно развивающегося процесса [23, 25, 26]. Это положение по-новому раскрывает значение принципа развития в психологии: он выходит далеко за рамки возрастной, детской, педагогической психологии и определяет самую природу психики человека, способ ее функционирования, присущую психике эмерджентность, т. е. способность переходить в новые качественные состояния, нести в себе зародыши будущих психических свойств индивида.

Разработка принципа развития осуществлялась как решение ряда важных методологических проблем. Это проблемы детерминации психического развития, вопрос о возможности представить сам процесс развития в качестве целостного диахронического объекта, обладающего системными свойствами, это также вопрос о механизмах разрешения характерного для психического развития противоречия между преемственностью, непрерывностью развития и его членением на качественно различные стадии. Обстоятельной разработке была также подвергнута проблема связи стадий развития с формирующейся психологической организацией. Продвижение в исследовании многих из этих проблем обусловило постановку новых вопросов психологии развития, таких, например, как вопрос о соотношении микро– и макроразвития [9, 10, 20, 24, 27].

В противоположность любым финалистским концепциям психического развития, рассматривающим его как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (этап индивидуальности в концепции Э. Эриксона, операциональный интеллект в теории Ж. Пиаже и т. д.), мы исходили из положения о безграничности психического развития индивида [10]. В этом плане впервые в психологии развития было раскрыто Брушлинским значение марковского понятия развития как «развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было заранее установленному масштабу» [2, с. 476]. С этой точки зрения, психическое развитие – непрерывный процесс порождения все новых и новых эталонов развития [27].

Из положения о психическом развитии как совершающемся безотносительно к заранее заданному масштабу следует важный вывод о том, что для объяснения психического развития оказывается недостаточным механизм обратной связи, поскольку он изначально предполагает сличение достигнутых результатов с заранее заданным эталоном, что характерно главным образом для репродуктивного, а не творческого развития – развития в истинном смысле слова, в ходе которого сам индивид порождает новые цели, новые идеалы и новые критерии своего поступательного движения [12, 26].

Каковы же *движущие силы этого развития*, какова его *детерминация*? На современном уровне психологической науки ясно обнаружилась ограниченность жесткого линейного детерминизма, опирающегося на представление о цепи причин, а также вероятностного или стохастического детерминизма. Более того, существенного углубления требует и сформулированный в психологии принцип преломления внешних причин через внутренние условия.

Выдвинутая В. Г. Асеевым [20] системно-уровневая концепция детерминации развития психики и ее функционирования направлена на возможно полное раскрытие диалектики внешнего и внутреннего, субъективного и объективного в этих процессах – против гипертрофии как внешней, так и внутренней детерминации поведения человека. Эта концепция исходит из положения о том, что в процессе психического развития возникают и разрешаются двоякого рода противоречия: между личностью (субъектом) и внешними условиями ее

деятельности, с одной стороны, и между внутриличностными образованиями – с другой. Эти противоречия имеют сложную, «совмещенную» структуру. Так, противоречие между сложившимися у личности свойствами (функциональными возможностями) и объективно требуемыми от нее качествами лишь в единстве с противоречием между притязаниями индивида (принятыми им самим трудно достижимыми целями) и недостающими личностными ресурсами может породить устойчивое «поле детерминации», под влиянием которого специфическим образом актуализируются и вступают в действие конкретные ситуативные противоречия.

Такой подход позволяет перейти от плюралистического представления об аморфной множественности факторов и противоречий развития к изучению их организации. Она включает по крайней мере два уровня. К первому из них относятся факторы, определяющие общее направление и сферу развертывания процессов развития. Это основные, главные предрасполагающие, относящиеся к сфере потенциалов развития факторы. Другой уровень образуют факторы исполнительные, осуществляющие развитие, выполняющие функцию средств направленного развития. Так, мотивационная установка человека на формирование у себя определенных черт личности – и требуемых, например, профессией, и лично горячо желаемых – определяет выбор конкретных ситуаций поведения и деятельности, формирует механизм «оттормаживания» свойств, противоречащих этой установке, и механизм мобилизации функциональных ресурсов организма, повышает сензитивность личности к определенным внешним воздействиям и т. д.

Позитивная роль противоречий в детерминации прогрессивного, нормального развития личности не может быть, однако, абсолютизирована, существует «мертвая зона» противоречий, не ведущих к развитию, и зона противоречий, порождающих дисгармоничное, аномальное развитие (например, чрезмерная дистанция между желаемым, идеалом и слабыми функциональными возможностями индивида). Наконец, важным фактором развития может выступить гармоническое разрешение противоречий, а также синергия усиливающих друг друга противоречий (противоречие между требуемой и отсутствующей формой поведения, усиливая противоречие между несформированным личностным качеством, регулирующим это поведение, и желанием субъекта его иметь, детерминирует развитие личности) [9, 10].

В соответствии с представлением о психическом как непрерывно развивающемся процессе сама его детерминация понимается в процессуальном плане. Идет ли речь о ходе решения задачи или формировании психического свойства личности, детерминация этих процессов не существует в изначально готовом виде, но непрерывно формируется на всех этапах осуществления психических процессов. Проблемы детерминации психического развития очень остро стоят применительно к выявленным его общим закономерностям. К ним относятся гетерохронность развития разных компонентов психологической организации индивида, разный темп их развития, периоды спада и подъема в разные возрастные периоды, меняющиеся сочетания прогрессивных, регрессивных и стагнативных тенденций развития на разных этапах жизненного пути. Предстоит большая и кропотливая работа по выяснению детерминант этих процессов. Несомненно, что изменения социального содержания жизни человека вносят существенный вклад в детерминацию этих процессов. На определенное влияние биологических факторов указывает установленный факт развертывания генетической программы индивида на протяжении всей его жизни. Диалектика взаимодействия этих двух факторов – социального и биологического – заключается в их опосредствовании оценочно-смысловым отношением человека к собственной жизни, к появляющимся у него изменениям и новообразованиям. Подход к психическому развитию как диахронической целостности, членимой на стадии и этапы, выдвигает *вопрос о механизмах перевода от стадии к стадии и к более высоким уровням развивающейся системы, о соотношении проходимых стадий с организацией развивающегося объекта*. Для решения этих вопросов

привлекается разработанное в философии и принятое в психологии понятие (кроме стадийного) функционального развития, совершающегося в пределах одного и того же уровня сложности организации. Функциональное развитие понимается как включающее процессы микроразвития, которые ведут к накоплению элементов новых стадий в рамках уже достигнутой. Факт появления элементов позднейших стадий в структуре более ранних (и сохранение компонентов пройденных этапов в составе новых уровней организации) твердо установлен в широком диапазоне от психологии личности до зоопсихологии (где эти явления носят название преадаптации и персистентности [10, 34, 35]). Новейшие исследования в области психологии мышления, выполненные М. И. Воловиковой под руководством Брушлинского, вскрыли феномен так называемого «немгновенного инсайта», т. е. процесса постепенного перехода микро– в макроразвитие. Эти факты заставили поставить новую проблему *сопоставительного анализа выявленных в психологии закономерностей механизмов и критериев макро– и микроразвития* (Д. Н. Завалишина). В результате раскрыты существенные различия критериев и характеристик этих двух типов развития и поставлена задача исследования механизмов перехода от микроизменений к системным, многоуровневым макроизменениям или, по выражению Завалишиной, к «психическим ароморфозам».

При решении вопроса о связи процесса развития с формирующейся психологической организацией Пономарев [35, 36] выдвинул общее философское положение о преобразовании этапов развития явления в структурные уровни его организации и ступени дальнейших развивающихся взаимодействий. Обоснованный на обширном материале, начиная от развития интеллекта и кончая историческим развитием познания, данный принцип представляет собой один из вариантов системно-генетического подхода в психологии. Может быть предложен и другой вариант такого подхода. Он выражается в принципе расслоения, дифференциации первоначально диффузной одноуровневой целостности психического на все более четко отграничивающиеся друг от друга уровни, структуры, механизмы. Происходит последовательное перемещение эпицентра психологической организации индивида, развивающегося в своей деятельности те «эмбриональные закладки» компонентов будущих психологических органов личности, которые сложились на первых этапах ее социальной жизни. Постоянно действующий механизм выделения новых частей целостной психологической системы требует формирования механизмов интеграции личностной системы, усиление действия которых – одна из центральных тенденций развития личности (Анцыферова). Этот вариант системно-генетического подхода требует освоения психологией философского учения о диалектике целого и его частей.

Сформулированные положения существенно отличаются от получивших за последнее время распространение в зарубежной психологии так называемых «иерархических теорий» развития мышления и обучения (Пиаже, Вернер и др.), защищающих тезис о превращении последовательных этапов обучения и развития интеллекта в иерархическую систему. В этих теориях, во-первых, не акцентируется качественное преобразование генетически более ранних и простых образований в составе позднейших, высших уровней, а во-вторых, психическое развитие рассматривается как тяготеющее к некоторому конечному состоянию (операциональный интеллект – у Пиаже, мышление взрослого цивилизованного человека – у Вернера), что противоречит накопленным к настоящему времени фактам продолжающегося развития мышления взрослого человека.

Проблемы формирования и развития личности

Новое содержание принципа развития, понимание психики как живого, непрерывно развивающегося процесса, структурно-уровневая концепция детерминации, системно-гене-

тический подход получили дальнейшее продвижение при разработке проблем формирования и развития личности [6, 9, 12–16, 19, 32, 37, 40] и др.

В соответствии с системным подходом необходимо было прежде всего найти объективные основания личностно-психологического бытия человека в мире. Такими основаниями могут быть лишь потребности существования и развития общества, которое должно формировать у своих членов устойчивые психологические структуры, преодолевающие ситуативность поведения и кратковременность моментов активности, периодов психического напряжения, вызываемых на уровне животного мира преходящими органическими потребностями. При этом в самих индивидах должны были сложиться природные основания, природные предпосылки устойчивых побуждений к общественной жизни, к установлению и расширенному воспроизведению межиндивидуальных, личных отношений, реализующих и развивающих общественные отношения. «Именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало – и повседневно воссоздает – существующие отношения» [1, с. 440]. *Анализ побудительной, потребностно-мотивационной сферы личности* и занимает одно из центральных мест в научном поиске сектора. В этой сфере следует искать механизмы устойчивого личностного бытия индивида, его постоянно напряженной душевной жизни. Эти механизмы лежат в духовных – ненасыщаемых, устойчивых потребностях человека. В созданной сектором психологической концепции потребностей (И. А. Джидарьян, Г. С. Тарасов [31–33, 37, 38]) раскрываются новые стороны диалектики индивидуального и общественного в формировании личности, которое может быть представлено как двуединый процесс ее растущей суверенности, автономности и в то же время все более полного развития в индивидуальной форме универсальности родовой человеческой сущности. В этом процессе потребности человека, все более одухотворяясь, выступают как важнейшие механизмы включения человека в социальную действительность и как особые внутренние субъективные механизмы детерминации, механизмы социально-психологической культуры индивидуализированного существования человека в обществе. Общество создает условия для удовлетворения витально-организмических потребностей индивида, прежде чем их интенсивность достигнет крайних пределов. Поэтому в процессе их удовлетворения у человека отсутствуют резкие перепады психического напряжения. В результате «жизненные силы» человека могут концентрироваться вокруг иных – духовных потребностей. В них социальная природа человека выражена в наиболее концентрированном виде и поэтому все духовные потребности человека – связанные с эстетической, теоретико-познавательной деятельностью, этическим поведением – имеют в своей основе потребность в общении.

Разработка *проблемы потребностей с позиций принципа отражения* привела к выдвиганию положения о многоуровневости строения отражательной природы потребностей. Богатство психологического содержания потребностей, обусловленное сложностью и многомерностью их предмета, зависит от того, насколько многосторонним и многоуровневым будет эмоционально-смысловое прочтение или отражение предмета потребности. В этом активном, социально детерминированном взаимодействии с предметом духовных потребностей личность выступает не как существо страдательное, одержимое нуждой, находящееся во власти предмета потребности. Возникшая нужда подвергается личностной оценке, осмысливается, интерпретируется личностью в целостной системе ее устойчивых психологических отношений к миру. И мера страдательности, претерпевания определяется самой личностью, которая в случае необходимости применяет способы психологической защиты против чрезмерной зависимости от предмета потребности и испытываемой нужды. В содержании потребности получает отражение не только предмет потребности, но и осуществляемая по отношению к нему многоуровневая деятельность. Только объективируясь

в практическом действии или поступке личности, потребности обретают свою подлинную психологическую реальность.

Любая духовная потребность может быть представлена как иерархическая система различных мотивов. В процессе удовлетворения потребности происходит последовательная смена различных мотивов, изменение их иерархической структуры. В этом плане следует говорить о процессуальности эстетической, познавательной, этической мотивации. При этом в процессе развертывания такой мотивации происходит не редукция или разрядка напряжения, а возрастание побудительного потенциала духовной потребности, обусловленное интеграцией нескольких последовательно вступающих в действие мотивов. В результате личность все более содержательно и многосторонне включается в сферу духовной деятельности. Таким образом, в противоположность концепциям, рассматривающим потребность только как первый толчок, изначальное побуждение к деятельности, доказывается, что структура потребностей человека – процессуальна, она как бы повторяет себя в структуре деятельности, проходя через все ее этапы. В разных фазах деятельности меняется организация побуждений, их напряженность. Важно подчеркнуть, что в ходе процессуально-деятельностной развертки духовной потребности потребление ее предмета происходит не как его обеднение, исчезновение, но как утверждение и обогащение. Психологический анализ художественного творчества, процессов восприятия эстетических ценностей показывает, что творчески активные тенденции характеризуют не только проявления духовной потребности в актах созидания эстетических ценностей, но и в актах их «потребления» – через раскрытие нового содержания потребляемого предмета, через создание на его основе собственных творений. Известное положение К. Маркса о том, что производство есть также и потребление, открывает новые направления психологического анализа связи потребления и созидания. В этом смысле эстетические, как и любые иные духовные потребности, выступают антиподом потребительского отношения к жизни, препятствующего разностороннему и гармоничному развитию личности.

При исследовании строения потребностно-мотивационной сферы личности острым методологическим вопросом продолжает оставаться проблема связи биологических потребностей, побуждений и социальных духовных видов мотивации личности. В западной психологии даже некоторые гуманистически ориентированные персонологи первичными, основными считают биологически-организмические потребности или мотивации – от них по закону функциональной автономии якобы отщепляются, обретая свою суверенность, высшие социальные мотивы. Принципиально иное решение предлагается с позиций системно-генетического подхода и понимания природы человека как продукта истории: социальные, духовные потребности уже с раннего онтогенеза существуют у ребенка в неразвитом аморфном виде, проявляясь, например, в повышенной чувствительности к человеческому лицу и голосу, в потребности в новых впечатлениях. И в нормальных условиях социального и психического развития созревает и развивается вся целостная побудительно-потребностная система индивида, хотя ее эпицентр и изменяется на разных этапах развития (Анцыферова). В этой системе безграничным оказывается рост ненасыщаемых духовных потребностей, которые проникают и в чисто витальные потребности человека.

Характерное для общего направления исследований сектора сочетание системно-структурного с *процессуально-динамическим подходом к личности* [12] обусловило, в частности, постановку проблемы изучения разных мотивационных стратегий поведения. Выявлено несколько таких стратегий – как способствующих, так и препятствующих прогрессивному развитию личности. Среди первых особенно выделяются стратегии поиска трудностей, риска, направленные на обследование, прощупывание собственных возможностей. Ко вторым относятся «ситуативные стратегии», характеризующиеся сужением временной сферы деятельности, а также стратегии импульсивного поведения. Обнаружены также

неадекватные мотивационные стратегии, свидетельствующие о дисгармоничном строении личности, например выбор целей, находящихся значительно выше или ниже функциональных возможностей данного индивида, высокая мобилизация функциональных возможностей для достижения легко доступных целей. Предстоит выяснить, как связана типология мотивационных стратегий с уровнями социального и психологического развития личности, с типологией ее целостной жизнедеятельности.

Другая проблема касается *строения мотивационной сферы личности*. В этой области разработано представление о диалектике потенциальных и актуальных форм мотивации [19]. Есть основания говорить о существовании по крайней мере трех зон мотивации. Центральной – актуальной (или актуализированной) здесь является зона, в рамках которой неудовлетворенные потребности, выступая в форме высокозначимых мотивов, вызывают активную и напряженную деятельность человека. Эта зона находится в окружении двух зон потенциальной мотивации. Одна из них содержит потребности, для удовлетворения которых пока нет возможностей и которые не могут вызвать никакой адекватной им деятельности. Другая потенциальная зона включает постоянно и легко удовлетворяемые потребности, значимость предметов которых, как правило, недостаточно осознается личностью и часто недооценивается, но утрата которых сразу обнаруживает их высокую личностную ценность.

Область актуальной, активно действующей мотивации в свою очередь включает несколько зон, среди которых ведущее место занимает зона высокозначимых, но с предельным напряжением удовлетворяемых мотивов; она намечает перспективу развития личности, которая, преобразуя себя и окружающие условия, стремится перевести высокозначимое в область пониженной значимости.

Предложенная модель выступает как конкретизация структурно-уровневой концепции детерминации и в то же время сама обеспечивает дальнейшее движение психологического знания от абстрактно-теоретического уровня к конкретно-эмпирическому, входя в теоретическую основу практической психологии личности. Зона высокозначимых, вызывающих развертывание напряженной деятельности мотивов и образует то устойчивое детерминационное поле, которое определяет действие ситуативных влияний, в том числе формирующих воздействий. Управление развитием личности, разработка способов повышения ее социальной активности должны строиться с учетом особенностей этих разных форм мотивации. Так, создание атмосферы успеха, поощрение может повысить уровень мотивации с трудом выполняемой деятельностью, но окажет демобилизирующий эффект, если деятельность выполняется без особого напряжения, – в этом случае более действенным выступит порицание, наказание, которое, однако, не должно распространяться на потенциальные сферы мотивации [21].

При изучении мотивационной системы личности одним из наиболее существенных является вопрос об условиях и механизмах ее развития. Психология, строящаяся на основе диалектического материализма, отвечает на него принципиально иначе, нежели западная персонология.

В этой дисциплине широкое распространение получила, как известно, гуманистическая теория потребностей А. Маслоу. Она постулирует существование у человека целостной инстинктоидной иерархической системы потребностей, включающей базальные низшие потребности (потребности нужды) и высшие потребности (ценности бытия). Единственным механизмом движения личности по этой мотивационной иерархии Маслоу считает последовательную актуализацию все более высоких потребностей по мере удовлетворения нижележащих. Удовлетворенные потребности, согласно Маслоу, исчезают феноменологически из сознания, переходя в потенциальную форму, присущую также мотивам, находящимся значительно выше их в иерархии потребностей.

«Единственный обобщенный принцип, который связывает всю множественность человеческих мотивов, – пишет Маслоу, – это тенденция новой и более высокой потребности возникать по мере того, как низшая потребность завершает свое существование, удовлетворяясь» [42, с. 55]. Этот принцип получил широкое распространение, а между тем сам Маслоу под давлением неоспоримых фактов в конце концов признал ее несостоятельность. Во-первых, оказалось, что существование человека в «хороших условиях», т. е. обеспечивающих удовлетворение всех базальных потребностей типа нужды, отнюдь не вызывает стремления личности к высшим ценностям. «Хорошие условия, хотя и обеспечивают эффект роста для большинства людей, оказывают также и плохое, даже катастрофическое воздействие на некоторую, пусть небольшую, их часть», – пишет Маслоу [43, с. 245]. «Теперь для меня стало ясно, – заключает он, – что награда базальных потребностей – недостаточное условие для метамотивации, хотя и может быть необходимой ее предпосылкой. Есть индивиды, у которых награда базальных потребностей совмещается с “экзистенциальным неврозом”, с бессмысленностью существования и т. д. Кажется, что метамотивация не следует автоматически за удовлетворением основных потребностей. Следует говорить также о дополнительной переменной “защиты против метамотивации” [там же, с. 300]. В то же время оказывается, что в условиях, не обеспечивающих удовлетворение потребностей в безопасности, любви, уважении и даже поддержании организмического существования, «некоторые люди неизвестно почему движутся по направлению к Б-ценностям» [там же, с. 140].

Нужны, следовательно, иные методологические основания для объяснения динамики и развития мотивационной системы личности, нежели те, которые замыкают его детерминацию во внутренних отношениях потребностей. Иная система методологических координат создается пониманием личности как индивидуализированной формы существования тех общественных отношений, которые человек реализует в своем поведении, созидательной деятельности, общении, созерцании. В процессе материальных и идеальных отношений с другими людьми, различными социальными общностями складывается структура мотивов человека. От контура тех социальных отношений, которые образуют индивидуальный способ жизни человека и включают формирующие и воспитательные воздействия, зависит становление личности во всей целостности психосоматического ее бытия, в том числе содержание потенциальной и актуальной сфер мотивации. И физиологические, и духовные потребности, имея природные предпосылки, должны быть сформированы общественным способом существования индивида, конкретно-исторический характер которого определяет и меру их побудительности, и строение устремленной в будущее потенциальной мотивации.

Высокому уровню мотивации личности должны соответствовать ее функциональные возможности, хорошо развитые способности, богатые потенции. В противном случае психологическое развитие личности может пойти аномальным путем и воспрепятствовать ее полноценному социальному развитию. Один из аспектов гармонического развития личности – это взаимосогласованность все более сложных целей с растущими возможностями человека.

Формирующийся в секторе подход к *способностям и их развитию* (Т. И. Артемьева [13–17]) критически направлен на все еще распространенное в психологии одностороннее их понимание лишь в плане профессиональной ориентации, т. е. как совокупности таких свойств личности, которые делают ее пригодной к эффективному выполнению конкретных, сложившихся в обществе форм профессиональной деятельности. Такое понимание способностей узко даже с точки зрения социологического подхода. Это не значит, что отвергается основное положение советской психологии о формировании способностей в деятельности. В него внесены существенные коррективы. Во-первых, обосновано положение о том, что прогрессивное развитие личности осуществляется не во всякой деятельности – ее условием выступает проблемная, личностно значимая, интересующая человека успешная деятельность. Во-вторых, согласно новейшим экспериментальным исследованиям, необходи-

мые и важные компоненты способностей могут формироваться не только в развернутой во внешнем плане деятельности, но и при выполнении действий во внутреннем, мысленном плане, плане представлений. Основной же вывод заключается в том, что в процессе овладения определенной деятельностью и достижения высокого совершенства ее выполнения происходит формирование и развитие не только актуальных, необходимых для исполнения данной деятельности способностей, но одновременно складывается и расширяется обширная сфера потенциальных способностей индивида. Детерминация накопления этой сферы потенциалов снова многомерна.

Овладевая определенной деятельностью, личность всегда в силу своей творческой ориентации выходит за пределы ее узких требований. Если деятельность превышает предваряющее ее сознание, то еще больше в своем актуальном выполнении она превышает заложенные в ней исторически ограниченные способности. Каждая деятельность может выполняться качественно новыми способами, требующими каждый раз новых способностей. С этой точки зрения плодотворным оказывается рассмотрение в рамках развития способностей психологических эффектов монотонии при изучении, например, психодинамических свойств индивида. Такие эффекты выражаются в тенденции постоянно варьировать монотонные действия – это значит, что даже рутинная, однообразная деятельность дает некоторое пространство для выявления универсальной сущности человека. И самыми существенными для раскрытия формирования потенциальной сферы способностей человека оказываются два следующих механизма. Выполняя любую деятельность, человек выступает в ней как родовое существо, реализующее и в ее узких рамках полноту своих многообразных отношений к миру (познавательных, эстетических, этических и т. д.), предполагающих развитие соответствующих способностей. И далее, каждая деятельность человека – это только часть его целостного бытия, в процессе которого проявляется и формируется сфера способностей. Потенциальная сфера способностей указывает на перспективу развития целостной личности. Она же обеспечивает быструю организацию (по типу инсайта) и стремительное развитие под влиянием настоятельных, неожиданно возникающих требований к новым видам деятельности общества принципиально новых актуальных способностей. Важно также подчеркнуть, что и профессиональная деятельность обеспечивает полноценное развитие способностей лишь в меру того, насколько в ней происходит развитие целостной личности и ее передвижение на новый уровень социального бытия.

Это положение выступило как вывод из исследований в методологическом плане *общих условий формирования и развития личности*. В условиях нашего социалистического общества, в центре которого стоит человек труда, наиболее полноценное и разностороннее развитие личности происходит в его *профессиональной деятельности*. В нашей психологии предпринимаются работы по выявлению психологических характеристик разного рода трудовой деятельности, по формированию мотивов труда, по созданию психологических портретов личности представителей разных профессий. Но совершенно недостаточно раскрывается «движение» личности в профессиональной деятельности, и через нее в «пространстве» своего целостного социального бытия, в системе общественных отношений социалистического общества.

В ходе профессионального становления личности происходит расширение и обогащение всей системы жизненных отношений человека, который поднимается на новый уровень социального бытия, достигая переживания полноты жизни и эмоционального благополучия.

В качестве нового принципа исследования личности и ее развития в векторе выдвигнут *принцип общения* [33]. Понятия общения и личности оказываются непосредственно соотносимыми в силу общественного способа жизни человека, поскольку человеческая общественная связь, как отмечает Маркс, не противостоит отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной жизнью, его собственным богат-

ством и наслаждением. Развиваемое в секторе понимание общения исходит из положения о существовании двух его форм. Первая из них – средство организации деятельности; в качестве предмета психологического анализа в этом случае выступают психологические функции общения в ходе выполнения деятельности, место субъект-субъектных отношений в ее структуре и т. д. Вторая форма общения связана с удовлетворением особой духовной потребности человека в другом человеке. Общение – одна из самых существенных побудительных сил личности, источник ее внутренней активности, лежащий в основе формирования наиболее значимых личностных структур индивида. Общение – психологическая основа диалогичности природы личности, внутренний мир которой функционирует как скрытый диалог человека с внутренними аудиториями, организованными по социальным образцам (юридической, педагогической, сценической и др.). Перед этими аудиториями или перед отдельным собеседником личность может занять различные позиции – утвердить, оправдать, возвысить себя, убедить другого, определить место собственного отношения к миру применительно к оценочно-смысловым позициям своих собеседников и т. д. Значение этих позиций для развития личности определяется не формальными, но содержательными характеристиками своих позиций: только отстаивание ценностных отношений к миру, отвечающих передовому мировоззрению, прогрессивным тенденциям развития общества, обеспечивает прогрессивное развитие личности, ее духовного мира.

В общении отчетливо выражены две основные, уже выделенные ранее тенденции развития: личность стремится воссоздать себя в смысловых системах других личностей, занять особое место в их личностном пространстве, воссоздать в формах своего «я» ценностно-смысловые позиции круга своих собеседников и в то же время оттолкнуть чужое и чуждое, отторгнуть в себе то, что стихийно вошло во внутренний мир, но не принимается человеком как субъектом своего внутреннего мира. Противоречие между этими двумя тенденциями и создает продуктивную напряженность личностного общения.

И профессиональная деятельность, и общение – это лишь компоненты целостного многомерного способа бытия человека в мире.

Необходимо выявить оптимальные способы организации этой целостности, которые обеспечивали бы гармоничность и многосторонность развития личности. Выдвинуто положение о том, что высокое развитие одного из существенных и социально ценных личностных способов связи индивида с миром делает его стержнем построения всех иных отношений. Формирующиеся на его основе качества личности «заряжают собственным высоким потенциалом другие свойства личности, значительно повышая уровень их развития и, взаимно обогащаясь, обеспечивают гармоничность ее функционирования...» [10, с. 17]. Здесь в новом аспекте выступает системно-уровневая концепция детерминации развития: возникший эпицентр развития личности создает сильнейшее «детерминационное поле», которое определяет направленность развития и средства его реализации.

Создание такого мощного «детерминационного поля» – цель воспитательных воздействий, которые, меняясь по своему содержанию и форме, выступают необходимым способом развития личности на всех этапах ее жизненного пути. *Разработка* в секторе *психологических основ воспитания* [23, 38] привела к выявлению принципов оптимальной стратегии поведения, в которой должны интегрироваться два по-разному ориентированных способа. В первом из них акцентируется система социальных требований к личности, до уровня которой нередко стихийно подтягиваются ее возможности. Второй способ делает целью развитие способностей, мотивов, личностных качеств индивида. Эти способы должны образовать единую стратегию. В диалектическом единстве должны находиться и другие стороны воспитательного процесса: содержательно-смысловые воздействия на личность (убеждение, разъяснение, внушение в процессе общения) необходимо гармонично сочетать с организацией реального опыта трудовой и внеуродовой деятельности. По содержательной ориентации

диалектическая структура воспитательных воздействий должна быть направлена на формирование личности как активного субъекта своего целостного социального бытия, способного не только творчески решать поставленные перед ним цели, но и самому выдвигать новые задачи, в том числе и своего собственного развития. Эта активность субъекта предполагает высокое развитие самосознания, структура которого (самопознание, оценочно-смысловые отношения к себе, саморегуляция) и основные этапы формирования подверглись монографическому исследованию И. И. Чесноковой [39–41].

Исследования позволяют выделить несколько *диалектически связанных тенденций развития личности* и ее психологической организации. Первая пара тенденций выражается единством принципа творческой ориентации личности с принципом «гомеостатического» ее регулирования. Тенденция к устойчивости, к сохранению и воспроизведению уже сложившейся психологической системы сочетается со стремлением к качественному преобразованию личности, к постоянному ее выходу за пределы себя. Эти принципы позволяют сделать два заключения. Во-первых, механизм обратных связей, не раскрывающий появления новых мотивов и целей, недостаточен для объяснения развития. Второй вывод подчеркивает недостаточность сложившихся к настоящему времени понятий психологической теории деятельности для адекватного выражения сути психического развития. В систему этих понятий не укладывается, в частности, сформулированное А. Н. Леонтьевым положение об опережении деятельностью сознания.

Другая сопряженная пара тенденций такова: формирующаяся личностная система, психологические свойства личности уже на ранних этапах индивидуального пути человека обретают свою логику развития; личность начинает порождать собственную среду развития и тем самым воспроизводит те типы общественных отношений, которые, может быть, уже давно объективно ушли в прошлое. Эта тенденция дополняется другой, идущей в противоположном направлении, – по мере развития личности в структуре ее свойств все большее место начинают занимать те, которые сформировались как реакция индивида на собственные личностные черты и формы поведения. От самой личности зависит дальнейшая судьба обнаруженных ею собственных новообразований.

Философские принципы и методологические проблемы психологии получили разработку применительно не только к современному срезу психологической науки – они выступают также в качестве способов анализа ее становления, обогащаясь и дополняясь на этом материале новыми подходами.

Вопросы истории и теории развития психологии

В области истории и теории развития психологии значительно разработан принцип единства исторического и логического, положение о ведущей роли философских проблем психологии в построении психологической теории и ее историческом исследовании, а также системно-исторический подход, включающий принцип детерминизма (Л. И. Анцыферова, Е. А. Будилова [7, 8, 11, 28–30]).

Системно-исторический подход отражает многоуровневую детерминацию сменяющих друг друга психологических теорий. Реализованный на материале истории психологических концепций личности в западной психологии он включает три уровня анализа. Первый, науковедческий, касается условий возникновения, круга проблем, системы понятий, специфики практики, породившей ту или иную теорию. Движение теории личности изучается в рамках исторического среза общественного развития всего человечества и данного конкретного общества в зависимости от социальных требований и господствующей философии. В теориях выявляются пласты различной «древности». Раскрывается зависимость теорий от эпохальных исторических событий, преломление их личностью творца теории. На втором

уровне системный подход утверждает принцип исторической изменчивости объекта изучения – личности, обладающей системным качеством совокупностей социальных связей, в которую включена личность. Полнота учета этих связей, научность подхода к ним – критерий оценки теорий личности. Принцип историчности объекта исследования разработан на материале теорий аномального развития личности в западной персонологии: сексуальные психоневрозы викторианской эпохи отразились в концепции З. Фрейда, неврозы отчаяния и пессимизма, тревожности и престижности в мире беспощадной конкуренции капитализма породили экзистенциальные теории личности, концепции К. Хорни и Г. Салливена, неврозы потери идентичности при вынужденном резком переходе из одной социальной группы в другую, характерные для США, легли в основу теории идентичности Э. Эриксона.

Третий уровень системно-исторического анализа относится к внутренней организации личности. Здесь позиции теоретика определяются решением вопроса о связи истории индивидуального развития личности с ее сложившейся организацией. Принципы системного подхода реализованы при исследовании материалистических теорий в зарубежной психологии: уровень развития материалистической методологии определяется учетом полноты и системности существенных объективно определяющих психику индивида связей с объективной действительностью [11].

Центральное место в разработке принципа единства исторического и логического, куда входит также вопрос об отражении исторически меняющегося объекта психологического анализа в движении теорий, занимает проблема связи между психологией и ее историей. Решение этой проблемы представлено в положениях о том, что психологические теории прошлого можно правильно понять только с позиций более высокого уровня развития науки, в рамках которого развиваются тенденции, содержащиеся в ранее созданных теориях. При этом каждая последующая ступень в развитии психологической теории порождает новую оценку истории психологии, раздвигает границы исторического исследования, в новом качестве представляет полученные в прошлом знания.

Разрабатываемый принцип включает также находящиеся на стадии разработки вопросы о смене в ходе истории психологии разного типа знаний и законов, о критериях уровня развития сменяющих друг друга теорий, об изменении понятийного строя психологических теорий, о связи исторических и прогностических исследований в психологии.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. 2-е изд., т. 3.
2. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. 1.
3. Абульханова-Славская К. А. Соотношение индивидуального и общественного как методологический принцип психологии личности. // В кн.: Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 34–82.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
5. Анцыферова Л. И. Материалистические идеи в зарубежной психологии. М., 1974.
6. Анцыферова Л. И. Личность и деятельность. // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на словацком языке). С. 195–202.
7. Анцыферова Л. И. О некоторых новых методологических тенденциях в современной зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1976. № 5. С. 55–69.
8. Анцыферова Л. И. Развитие системного подхода и методология историко-теоретического исследования в советской психологии. // Актуальные проблемы истории и теории психологии. Ереван, 1976.

9. *Анцыферова Л. И.* Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. 1978. № 1. С. 37–50.
10. *Анцыферова Л. И.* Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 3–20.
11. *Анцыферова Л. И.* Историко-методологические принципы исследования психологических концепций личности // Психология в странах социализма. Берлин, 1980 (на немецком языке). С. 300–307.
12. *Анцыферова Л. И.* О динамическом подходе к психологическому исследованию личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.
13. *Артемьева Т. И.* Социальная обусловленность развития способностей // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974. С. 170–186.
14. *Артемьева Т. И., Асеев В. Г.* Соотношение актуального и потенциального в формировании способностей личности // Комплексное изучение человека и формирование всесторонне развитой личности. М., 1975.
15. *Артемьева Т. И.* Методологический аспект проблемы способностей. М., 1977.
16. *Артемьева Т. И.* Психология способностей и всестороннее формирование личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 142–155.
17. *Артемьева Т. И.* Взаимосвязь потенциального и актуального в развитии личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 67–86.
18. *Асеев В. Г.* Об истоках человеческой мотивации // Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
19. *Асеев В. Г.* Мотивация поведения и формирования личности. М., 1976.
20. *Асеев В. Г.* О диалектике детерминации психического развития // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 21–37.
21. *Асеев В. Г., Спивак Е. В.* Мотивация поведения и социалистическое соревнование // Социально-психологические проблемы социалистического соревнования. М., 1978. С. 50–63.
22. *Асеев В. Г.* Единство содержательной и динамической сторон личности в воспитательном процессе // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 198–222.
23. *Брушлинский А. В.* О мышлении как процессе // Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975. С. 3–9.
24. *Брушлинский А. В.* Диалектико-материалистический принцип детерминизма и проблема деятельности // Методологические проблемы психологии в европейских социалистических странах. Братислава, 1975 (на-словацком языке). С. 171–182.
25. *Брушлинский А. В.* О природных предпосылках психического развития человека. М., 1977.
26. *Брушлинский А. В.* Мышление и прогнозирование. М., 1979.
27. *Брушлинский А. В.* О формировании психического // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 106–126.
28. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. М., 1972.
29. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в историко-теоретическом исследовании // Проблемы теории и истории развития психологии. М., 1973. С. 58–73.
30. *Будилова Е. А.* Методология, теория и эксперимент в трудах С. Л. Рубинштейна (к 90-летию со дня рождения) // Вопросы психологии, 1979, № 3. С. 106–114.
31. *Джидарьян И. А.* О биологическом и социальном в связи с классификацией человеческих потребностей // Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975. С. 281–287.
32. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.

33. Джидарьян И. А. Психология общения и развитие личности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 127–158.
34. Пономарев Я. А. Психология творчества и педагогика. М., 1976.
35. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
36. Пономарев Я. А. Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 63–80.
37. Тарасов Г. С. Проблема духовной потребности. М., 1979.
38. Тарасов Г. С. Формирование «психологической близости» и «уникальности» личности в процессе воспитания // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 235–256.
39. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М., 1977.
40. Чеснокова И. И. Онтогенетические особенности самосознания личности // Принцип развития в психологии. М., 1978. С. 316–336.
41. Чеснокова И. И. О психологических основах самовоспитания. – В кн.: Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 223–234.
42. Maslow A. H. Toward a psychology of being. Princeton, 1968.
43. Maslow A. H. The farther reaches of human nature. N. Y., 1971.

Глава 2. О динамическом подходе к психологическому изучению личности

В настоящее время в психологической науке одно из центральных мест заняла проблема личности. Представители общей, социальной и педагогической психологии, специалисты в области индивидуальных различий, ученые, работающие в сфере психологии труда, патопсихологии, нейропсихологии и т. д. направляют свои исследования на анализ психологической организации личности, изучение различных психических образований, выяснение их функций, раскрытие условий формирования различных свойств личности. Однако в этих исследованиях, как нам представляется, недостаточно раскрывается *динамика* психической жизни личности. Между тем личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Даже для того, чтобы сохранить устойчивость определенных своих параметров, особо важных для ее существования именно как личности, – жизненных целей, ценностей, принципов, морально-нравственных качеств, – она должна в условиях быстро и многообразно меняющейся социальной действительности менять свои различные психологические качества.

Исследовать динамику психической жизни личности – значит изучить разные формы существования и осуществления личности во времени, раскрыть *психологические механизмы* этого осуществления. Психологические механизмы можно представить себе как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования. Важно подчеркнуть, что психологические механизмы выступают как способы преобразования организации личности лишь потому, что они являются механизмами реальных или мысленных преобразований взаимоотношений индивида с обществом, с миром в целом.

Ведущей формой становления, осуществления и развития личности является социально значимая деятельность, которую мы понимаем в самом широком смысле этого слова – как создание духовных и материальных ценностей. Целью так понимаемой деятельности может быть производство материального продукта, но она может оказываться направленной на создание совсем иного «предмета» – теплого, доверительного, дружеского отношения с другим человеком или же на установление «психологической дистанции» между ним и собой. В других случаях целью и результатом деятельности может выступить переоценка собственных ценностей, работа над упорядочением своего внутреннего мира, переосмысление своего прошлого и т. д. В этом понимании деятельность представляет собой основной способ существования человека в мире, личности – в обществе. Лишь в целях научной абстракции условно можно говорить просто об изучении деятельности. Адекватнее вести речь о действующем индивиде, о личности, находящейся в состоянии деятельности (отличном, например, от состояния претерпевания, страдания). С этой точки зрения деятельность может быть понята как динамическое многофазное развертывание личности, как особый тип последовательности личностных преобразований, как закономерная смена ее функциональных состояний.

Особенностью такой деятельной развертки личности во времени является то, что личность в своем движении заставляет двигаться, развертываться, преобразовываться окружающую ее действительность – преобразовываться целенаправленно, в соответствии со своими замыслами. В этой диахронике своего действительного развертывания личность стремится не только к созданию определенного продукта, но и к обретению оптимального личностного

состояния – эмоционального подъема от содеянного, радости завершения, чувства особой полноты существования человека-деятеля, создателя.

Если взять в качестве модели предметно-преобразующую деятельность, то становится очевидным, что личность, развертывающаяся в деятельности, вызывает особую форму движения мира вещей, им не свойственную. Она заставляет их двигаться не только по их собственной логике (которая, конечно, включается в детерминацию деятельности и должна как можно полнее учитываться личностью), но и по логике своего человеческого и личностного существования – уникального существования в мире. Поэтому движение вещей в системе деятельной личности – совершенно новый вид движения предметного мира. Участвуя же в совместной деятельности с другими людьми – а это самая типичная ситуация деятельного существования личности, – человек преобразует социальные ситуации не только в соответствии с их логикой, но и с логикой своего индивидуального, социально обусловленного существования.

Структуру своего деятельно-личностного развертывания индивид осваивает и вырабатывает, формируясь в различных социальных системах общества. Для определенных видов деятельности общество выработало четкую структуру их протекания и сделало эту структуру предметом осознания людей. Осознать же ее было необходимо для передачи другим членам общества путем обучения. Ибо одна из главных функций осознания (хотя и не единственная) – обеспечить возможность широкой и экономной передачи выработанных в обществе знаний, умений, духовных ценностей и т. д. через обучение. Многие виды профессионально-трудовой деятельности имеют такую социально фиксированную структуру. Однако иные виды деятельности лишь в самых общих чертах организуются обществом и структура их еще не раскрыта ни в социологическом, ни в психологическом плане. Таковы те формы деятельности, целью которых является установление определенного межличностного отношения. До сих пор почти не исследовано, через какие фазы и стадии должна пройти коммуникативная деятельность, чтобы оказалась достигнутой именно та цель общения, к которой стремился человек, каковы оптимальные стратегии и тактики для установления и (или) прекращения дружеских отношений или отношений сотрудничества. В случаях затруднений или ошибок в этой сфере обычно прибегают к формуле «такт должен подсказать, что делать в подобных ситуациях». Но психологическая сущность такта не раскрыта, не выяснены те формы поведения, в которых реализуется тактичность как социально-психологическое свойство личности, не выявлены и психологические механизмы, регулирующие тактичное поведение.

Еще значительнее пробелы в понимании структуры тех видов деятельности, которые связаны с попытками личности переосмыслить и согласовать свои ценности, соотнести свои различные оценочно-смысловые отношения к миру, разобраться в себе.

В психологии выделена лишь самая общая психологическая структура деятельности, построенная в основном на основе изучения предметно-практической трудовой деятельности. За последние годы в результате изучения таких сложных видов деятельности, как деятельность оператора, знания о психологическом ее составе заметно обогатились. Четко выявлена также и роль специально организованного обучения в овладении этой сложно-структурированной деятельностью. Но не только эта, а и всякая деятельность человека в обществе социальна не только по своему содержанию, но и по способу членения. Развивающемуся человеку совсем не просто начать жить в деятельности в соответствии с ее логикой. Проведенные исследования показывают, что ребенка нужно специально обучать усмотрению связи мотива деятельности с ее целью: такая связь отнюдь не самоочевидна. Удержание принятой цели, ее сличение с полученным результатом – всему этому нужно обучиться на ранних этапах индивидуального развития.

На более же поздних стадиях развития человек сам должен учиться структурировать и организовывать свой деятельный способ существования в мире, самостоятельно создавать психологические приемы оптимальной реализации своего деятельного существования. Поясним на примере, о каких приемах идет речь. У личности на этапе взрослости существует обширная временная перспектива все более отдаленных целей, существует идеал, которого он хочет достичь. Достижение этого идеала требует значительных усилий, предварительного решения множества иных задач. И нередко человек оказывается неспособным удержать свою временную перспективу, он теряет веру в возможность достижения некогда горячо желаемой цели. Одним из психологических механизмов удерживания такой перспективы является как бы «опрокидывание» уходящей вдаль линии целей на настоящее и усмотрение в актуальных наличных ситуациях элементов, частиц, блоков отдаленного идеала, которые только постепенно будут принимать его очертания.

Следует также иметь в виду, что идеальная цель, будучи реально достигнута, редко узнается как таковая. Происходит это потому, что личность всегда исторична в смысле обусловленности не только меняющимися конкретно-историческими общественными условиями своего существования, но и историей своей собственной жизнедеятельности. Она перерастает свой идеал, еще не достигнув его. В результатах своей деятельности личность выявляет столь богатое содержание, что оно не укладывается в контуры прежнего идеала. Этот факт наглядно раскрывает недостаточность модели предметно-практической деятельности, в которой результат должен совпасть с целью, для анализа целостного деятельного существования личности в обществе.

Другой психологический прием оптимального структурирования личностью своей совокупной жизнедеятельности заключается в правильном построении системы тех целей, которые выступают в качестве ступеней достижения идеала. Если эти цели расположены в один иерархический ряд, так что достижение каждой последующей определяется предыдущей, то блокирование любой из них остановит поступательное движение к идеалу и будет переживаться личностью как непреодолимое препятствие, как жизненный крах. Следовательно, личностная стратегия не должна строиться по модели однолинейного детерминизма или цепочки причинно-следственных связей, она должна предусматривать необходимость создания некоторой системы взаимодополняющих и подкрепляющих друг друга промежуточных целей.

Вводя эти соображения о психологических стратегиях и тактиках осуществления ранних форм активного отношения личности к социальному и природному миру, мы уже перешли к вопросу о необходимости разработки динамической модели развертывания личности в процессе деятельности. До недавнего времени в психологии выделялась и исследовалась статичная структура деятельности, представляющая ее одномоментный срез. В недрах инженерной психологии вызрела необходимость подвергнуть специальному изучению последовательность этапов деятельности. Разработка в психологическом плане проблемы целеобразования – точнее было бы говорить о развитии цели в процессе деятельности – обогатила элементами динамики исследование деятельности. Но в процессе деятельности еще очевиднее происходит формирование, развертывание и развитие мотивов. При этом имеется в виду не общий принцип формирования новых мотивов в деятельности. Речь идет о выяснении того, что же происходит с мотивационно-потребностной регуляцией деятельности в период от начала до завершения деятельности, до получения желаемого результата. Исследования показывают, что в ходе конкретной деятельности та потребность, которая выступила в качестве побуждения деятельности, содержательно раскрывается – проходит свои фазы, свои спады и подъемы [7]. Потребностное состояние личности раскрывается при этом как многоуровневое образование, разные уровни которого, имеющие различное содержание, проявляют себя в различных фазах деятельности. Нельзя не согласиться с В. Д. Шадрико-

вым [14], в работах которого подчеркивается, что мотивация пронизывает собой всю деятельность, не ограничиваясь ее начальным этапом. Но каковы же закономерности движения мотивации в этом процессе? Обсуждая этот вопрос, нельзя не обратить внимания на некоторые парадоксы психологической теории деятельности, развивающейся в отрыве от изучения развертывания в деятельности личности. Многочисленные работы показали, что существуют закономерные отношения между динамикой потребностного состояния личности и целью ее деятельности. Кларк Халл назвал эту закономерность «градиентом цели»: чем ближе желанный предмет, тем больше стремится приблизиться к нему индивид. Такая же закономерность неоднократно подчеркивалась в работах школы К. Левина: узник, просидевший десять лет в заключении, бежит оттуда за десять дней до освобождения. Эти факты, однако, не исследуются в контексте психологической теории деятельности, ибо личность там фигурирует в минимальной степени – точно так же, кстати, как при изучении различных психических процессов. Между тем не лишено оснований предположение, что число ошибочных операций или действий будет возрастать на завершающих стадиях выполнения какой-то деятельности при условии достаточно высокой мотивированности как следствие появившейся поспешности. Это положение возможно также превратить в методический инструмент для определения уровня мотивированности целью: если в период, непосредственно предшествующий получению нужного результата, темп действий не участится, можно сделать заключение о невысоком уровне мотивации деятельности или о мотивации, внешней по отношению к самому ее содержанию.

Развертывание в деятельности мотивационно-потребностной сферы личности может быть прослежено даже применительно к такому типу деятельности личности, который иногда относят к «живому созерцанию». Такова эстетическая, музыкально-перцептивная деятельность, образующая процесс восприятия музыки. Исследования [13] показывают, что в ходе восприятия музыки у слушателя развертывается интонационное обследование музыкального предмета. Через интонирование, внутреннее пропевание собственные эмоции предстают перед слушателями как психическая реальность, к которой вырабатывается определенное отношение. Эта музыкально-перцептивная деятельности побуждается специфической духовной потребностью, включающей в себя целую систему побуждений, которые получают свою развертку в ходе последовательного оперирования музыкальным предметом.

Среди частных духовных потребностей применительно к сфере музыки можно выделить потребность в сильном душевном напряжении, только зарождающиеся эмоции и чувства, потребность сопоставить свои эмоции с теми, которые вызывает музыка, найти новый язык для выражения своих переживаний, потребность вычерпать предметно-социальное содержание музыки, потребность в катарсисе и др. Конечно, эти потребности выражают и полимотивированность эстетической деятельности, но на разных этапах музыкально-перцептивной деятельности меняется организация побуждений, в действие вступают новые потребности. Не менее сложной, несомненно, является и динамика разных форм потребностей в процессе практической предметно-преобразующей деятельности, а также в деятельности теоретической. Эта проблема еще ждет своей разработки. Таким образом, с позиций положения о раскрытии, развертывании целостной личности в деятельности потребность понимается не просто как изначальное побуждение к деятельности и не только как убывающее в ходе деятельности психическое напряжение, но как динамический процесс последовательной смены в разных фазах деятельности разных потребностей, связанных в единое целое ценностным отношением личности к предмету деятельности.

В деятельности получает свою развертку не только мотивационно-побудительная сфера личности. Деятельность – это также диахроника функциональных состояний и свойств личности. Разные фазы деятельности требуют последовательного включения разных свойств личности, перехода ее от одного функционального состояния к другому.

Обычно психологи при изучении личности профессионала выделяют определенную иерархию свойств, требуемых профессией, но важно исследовать, какова закономерная реорганизация этой системы в процессе деятельности, требующей выдвижения на первый план то одного, то другого свойства личности.

Понимание деятельности как диахронической, всегда в каких-то хотя бы моментах «расширенного воспроизводства» социально-психологической организации личности на всех ее уровнях строится на положении о том, что всякая деятельность – это отрезок жизни целостной личности, и этой части жизненного процесса свойственна та же напряженность протекания, которая характеризует большие отрезки жизни человека. Представляется, что правомерно говорить о критических и сензитивных периодах в ходе отдельной конкретной деятельности. Несомненно, что критическим является переход от скрытого подготовительного этапа деятельности к началу реальных преобразований. Житейская мудрость, воплощенная в словах «лиха беда начало», отражает этот факт. Самый первый, скрытый этап деятельности характеризуется переживанием влечения, за которым следует особая пристрастность восприятия окружающей действительности. Деятельность может оборваться на этом этапе, и в каждом из нас временами угасает в самом начале какая-то деятельность. Это значит, что момент перехода от скрытых этапов деятельности (включающих и этап принятия решения) к началу реального ее выполнения требует определенного, иногда значительного усилия со стороны личности, несмотря даже на безусловность принятого решения. Ведь это – решимость личности на встречу с миром, в которой всегда есть момент непредсказуемости, есть опасность потерпеть неудачу даже при самых благоприятных условиях и возможностях. Особая напряженность или критичность этого этапа выявляется в ситуациях, где объектом деятельности является выяснение, изменение или установление отношений личности с другими людьми. В психологическом плане этот критический этап деятельности крайне слабо исследован. Основная психологическая трудность указанной фазы деятельности – прежде всего мотивационного порядка: мотивация оказывается недостаточно сильной, чтобы личность начала двигаться в пространстве именно этой деятельности. Система побуждений личности может ослабнуть и на любом ином этапе ее деятельного осуществления.

В то же время оказывается, что продолжения и завершения деятельности требуют не только внешние обстоятельства, но и сам человек. Он знает необходимость этого. Знает – но эмоции, некогда придававшие ему силы, угасли, пропал интерес, понизился уровень психического напряжения, и способности, формирование и функционирование которых обеспечивается напряженной динамикой психической жизни, кажутся утерянными.

Применительно к этим случаям особенно актуальным становится вопрос о механизмах: активности личности, о ее способности выйти за свои пределы, подняться над собой. В подобных ситуациях говорят о необходимости сделать волевое усилие, проявить свои волевые качества. Но ведь это усилие воли должно иметь какой-то психологический механизм, которым личность должна владеть. Этот механизм можно представить себе прежде всего как поиск и привлечение личностью других мотивов, которые бы усиливали, дополняли или полностью замещали действие мотива угасающего.

Но процесс поиска новых мотивов – это лишь как бы фасад того сложного психологического механизма, который приводится в действие личностью для успешного продолжения деятельности. В своем фундаменте механизм этот выступает как усилие индивида вписать свое занятие в более широкую систему социальных отношений, осмыслить ее место в более широком контексте социальной действительности и тем самым отыскать новый ее смысл, найти новые побуждения в универсальности своих общественных отношений.

Некоторые эмпирические исследования показывают, что дополнительные мотивы человек ищет прежде всего через мысленное обращение к значимым для него людям, через актуализацию тех значимых социальных отношений, которые когда-то способствовали фор-

мированию его ценностей и которые сами стали входить в число этих ценностей. В этой способности человека произвольно создавать новые системы мотивов заключаются истоки активного внутреннего начала личности. Свобода личности, рассматриваемая в психологическом аспекте, заключается в познании необходимости действовать определенным образом, но при этом личность должна быть также мотивирована действовать в соответствии с необходимостью и способна сама сформировать эту мотивацию.

Личность существует, осваивая способ своего движения – изменения, развития, совершенствования, – в разных структурах деятельности, в разных ее формах. Было бы, однако, неадекватно представлять себе личность как простую совокупность систем, регулирующих многообразные виды ее социально значимой деятельности. Личность – всегда целостность, которая развивается, формируя в своей организации все новые и новые части, каждая из которых обладает качеством породившей ее целостности, подразумевает существование ранее выделившихся частей и несет в себе возможность возникновения новых. Иначе говоря, складывающиеся психологические механизмы, возникающие обобщенные отношения личности к миру находятся в системной зависимости друг от друга. Характеризуя закономерности развития целостных систем, В. Г. Афанасьев пишет: «Итак, всякая целостная система, целое, от простой до самой сложной, всегда существует как единство, взаимодействие различного рода компонентов, единство противоположностей. Каждая часть целого – это иное другой части, а эта другая – третьей и т. д.» [3, с. 75]. Разумеется, отдельные части целостной живой психологической организации личности обладают определенной долей автономии и могут получать преимущественное развитие по отношению к другим и даже гипертрофироваться. Но определяющими для них все же будут их взаимосвязи со всей системой в целом, поскольку «целостная система – это такая система, в которой внутренние связи частей между собой являются преобладающими по отношению к движению этих частей и к внешнему воздействию на них» [с. 67].

Эти положения дают возможность понять высокую устойчивость психических свойств личности даже на ранних этапах жизненного пути человека. Исследования показывают, что даже в условиях индивидуальной воспитательной работы весьма трудно бывает уже в ранние годы детства переделать нежелательные социально-психологические черты личности (замкнутость, недоверчивость, несправедливость) [12]. Дело заключается в том, что переделывать приходится не одно свойство, а целостную личностную систему индивида.

Понимание личности как активного деятеля, который целостно включается в способ своего деятельного осуществления, позволяет поставить проблему изучения того, как осуществляется функциональная взаимосвязь разных типов деятельности в психологической организации личности и что представляют собой психологические механизмы ее интеграции. Точнее этот вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом соотносятся и связываются друг с другом различные способы динамического существования личности в пространстве разных форм деятельности. Одним из характерных механизмов нам представляется процесс «вклинивания» в доминирующую в данный момент деятельность (реально выполняющуюся и занимающую центральное место в функционировании личности) деятельностей, которые можно назвать субдоминантными. Действительно, осуществляя какую-либо деятельность, личность, может быть, никогда не занимается только ею. Одновременно происходит актуализация различных звеньев латентно протекающих деятельностей. Организация субдоминантных форм деятельности до сих пор не исследована, но наблюдения показывают, что она своеобразна, отличается разорванностью, несвязностью. Лишь отдельные ее компоненты «всплывают» в сознании, вклиниваются, как нечто инородное, в процесс доминирующей деятельности. Переживаясь иногда как досадные помехи, уход мысли в сторону, отвлечение внимания, такие феномены в действительности обозначают обогащение неявных деятельностей актуально протекающей. Ее результаты как бы опускаются в пласт

субдоминантных действий, связываются с совсем иными психологическими системами личности. Этот выход из психологического пространства деятельности, направленной на сознательно поставленную цель, переживается как потеря мысли, которую часто так и не удается вспомнить. Но впоследствии оказывается, что она воспроизводится как очень уместная и удачная при совершенно ином занятии. В то же время вклинивание латентных пластов в актуальное занятие обогащает его, придает ему творческий характер.

Всплытие в памяти, вклинивание в сознание действий, переживаний, ситуаций, условий, личностных состояний, характерных для субдоминантных деятельностей, – важное условие интеграции личности. Это и есть процесс функционирования внутренних связей личностной системы, в результате которого каждая ее часть выступает как нечто иное (инобытие) других частей¹.

Если в значительной мере вся организация личности приходит в движение, когда личность включается в целенаправленную деятельность, если в деятельности развивается и формируется личность, порождая все новые и новые части своей целостности, выступающие как «различия внутри единства» [2, с. 725], то не следует ли предположить, что ее направленность, ценностные ориентации, диспозиции и т. п. складываются и функционируют в единстве с различными психическими свойствами личности, с ее эмоциональными, волевыми, перцептивными, мнемическими и интеллектуальными характеристиками. Можно предполагать, что содержание и структура ценностных ориентаций, долговременных целей личности, ее направленность должны иметь «свое иное» в качественных особенностях эмоциональных, мнемических, интеллектуальных и перцептивных процессов². Если вспомнить выдвинутую Б. И. Додоновым типологию направленности личности [8], то может оказаться, что ярко выраженная альтруистическая направленность предполагает иной тип мышления и памяти человека, чем, например, направленность гностическая. Из развиваемых положений следует также, что при резком и значительном изменении ценностных ориентаций личности, ее смысловых установок должны произойти качественные изменения и в ее психических процессах. Не лишено, например, оснований предположение о том, что наблюдающиеся в период старости качественные изменения процессов памяти, влекущие ее ослабление, не столь жестко определяются именно биологическими факторами, как это обычно считается. В определенных случаях основной может быть социально-психологическая причина. Утрата или даже предвосхищение потери больших жизненных целей, которыми жил человек, укорочение его временной перспективы, иначе говоря, утрата своего реального будущего будет деструктивно влиять на процессы запоминания и воспроизведения. Это значит, что память выступает не как закрепление, сохранение прошлого, а как операция перенесения того, что переживается в настоящем, в свое личное будущее. Чем более обширными и уходящими в отдаленное будущее целями живет личность, тем более совершенными будут психологические механизмы ее восприятия, памяти, мышления.

¹ Можно наметить и другой механизм интеграции личности. Начнем рассуждение с известного в психологии явления «переноса» (или трансфера) выработанных в прошлом действий на новые ситуации. Предполагается, что такой перенос осуществляется лишь в моменты, когда человек в своем настоящем встречается с новой задачей, требующей актуализации в измененном виде своего прошлого опыта. Конечно, этот процесс, который точнее было бы назвать «ретрофером», имеет место. Но существует и иная разновидность переноса – перенос опережающий, когда человек экстраполирует на будущие ситуации и применительно к возможным деятельностям те или иные результаты доминирующей деятельности. Наблюдения показывают, что нередко люди намеренно распределяют по сферам возможных деятельностей то, что оказалось достигнутым ими на разных этапах своего основного занятия.

² Такая постановка проблемы открывает возможность организации нового направления в исследовании личности. В этой связи можно указать на работу Е. С. Махлах [10], в которой делается попытка раскрыть связь между памятью и волевыми качествами личности.

Доминирующую в данный период времени деятельность не следует смешивать с ведущей деятельностью, в которой главным образом и происходит многостороннее развитие личности, ее изменение и совершенствование.

Основное значение ведущей деятельности в определении жизненного пути личности заключается в том, что именно она открывает человеку пути к включению в новые сферы жизни общества, вводит его в новые социальные структуры и позволяет установить новые все более богатые социальные связи – те личные, индивидуальные отношения с другими людьми, которые, по словам К. Маркса, создали и постоянно воссоздают общественные отношения [1, с. 440]. Если на более ранних этапах развития личности общество через особую институционализированную систему включает индивида в расширяющиеся социальные системы общества (детские воспитательные учреждения, школа, институт), то на стадии взрослости человек сам должен сформировать у себя способ дальнейшего поступательного движения в системе общественных *отношений*. Таким способом и выступает его ведущая деятельность. С общественной точки зрения ее отличает качество социальной активности, она высоко результативна.

Психологические же ее характеристики таковы: она эмоционально захватывает человека, и вся целостная организация личности начинает двигаться, раскрываться, дополняться в ее пространстве, а это и значит, что сам индивид начинает отождествлять себя с ней. Поэтому достигнутые в ней успехи переживаются личностью как удачи на целостном жизненном пути.

Эта деятельность эмоционально не истощает себя в своем обогащенном результате. У человека возникает, по выражению П. Жанэ, эмоция триумфа по поводу содеянного. Если же деятельность переживается как навязанная извне, индивид, закончив ее, испытывает лишь облегчение. Возникающие препятствия, промахи, ошибки порождают самый напряженный поиск новых стратегий, формируется способность конструктивно справляться с состояниями психической напряженности.

Если подлинная жизнь личности, как это глубоко замечает М. Бахтин, находится как бы в точке несовпадения человека с самим собой [4, с. 79], в области выхода индивида за пределы себя, то именно в ведущей деятельности это несовпадение, опережение личностью себя выступает всего отчетливее. Ведущая деятельность удовлетворяет потребность человека в ярких, сильных переживаниях, она развивает и обогащает эмоциональную жизнь личности. Свою ведущую деятельность сам человек переживает как выражение своего подлинного «я», как воплощение и доказательство своей суверенности. Именно ведущая, эмоционально насыщенная, захватывающая, «интересная», отмеченная высокой активностью личности деятельность выступает как важнейший фактор гармонизации, взаимосогласования и интеграции различных частей, структур и свойств личности. Ведущая, «стержневая», высоко развитая деятельность, реализующая ярко выраженное отношение человека к миру, способствует подтягиванию до своего уровня других видов активного отношения личности к действительности, вызывает развитие разносторонних ее способностей. Этот общий принцип был подтвержден эмпирическими исследованиями на материале разных типов эмоциональной направленности личности [8]. Именно наполненная личностной значимостью деятельность способствует, как показал это В. С. Мерлин, интеграции психодинамических свойств человека и тех его свойств, которые выражают некоторое социально-психологическое отношение личности к миру [11].

В системе социалистических общественных отношений ведущая деятельность индивида выступает обычно как его профессиональная деятельность, и это обстоятельство значительно усиливает формирующее воздействие на личность данного способа ее деятельного существования. Эмпирические исследования показали, как в ходе успешного профессионального становления происходит наиболее полноценное развитие личности, совершается

расширение и совершенствование сложной системы ее социальных связей и социально-психологических отношений, личность поднимается на новый уровень социального бытия, достигается переживание полноты жизни и эмоционального благополучия [5, 6].

Разумеется, совпадение ведущей и профессиональной деятельности в значительной степени определяется господствующими общественными отношениями. Опыт исследования личности в условиях антагонистических общественных отношений обнаруживает двухполюсное строение сферы ее ценностных ориентаций. На одном полюсе находятся институционализированные формы социальной жизни, занятие своей профессией в условиях мнимой коллективности, ориентированной на достижение власти, богатства, преуспевание любой ценой, требующей конформизма и отказа от подлинного «я». На другом полюсе помещается так называемая частная жизнь – быт, личное потребление, дружба, развлечение и т. п., – которая только и связывается с выявлением полной индивидуальности, с реализацией истинного «я» личности. Вся внутренняя динамика личности и разворачивается как колебания между этими двумя полюсами. Не найдя средств для самовыражения, не достигнув самоутверждения в частноиндивидуалистическом секторе своего бытия, личность переключается на институционализированные формы своих занятий, на сферу «дела», которая требует демонстрации не свойственных человеку чувств и мнений и в результате вызывает движение сознания индивида к противоположному полюсу [9].

Эта дихотомичность сознания человека, разорванность сферы ценностных ориентаций личности преодолевается в социалистическом обществе, ставящем своей главной целью и считающем высшей ценностью всестороннее развитие личности, максимальное выявление индивидуальности человека в его социально значимой деятельности. Характерное для общества социализма теснейшее слияние профессионально-трудовой, общественно-политической и организационно-управленческой деятельности в сфере жизни каждого члена общества делает человека реально причастным к построению социальных систем своей институционализированной и неинституционализированной деятельности. В результате у человека формируется адекватное реальному социальному положению личности чувство своего подлинного личностного существования. Свое органичное включение в общественное управление собственной совокупной жизнедеятельностью человек переживает как ответственность и за свой жизненный путь, и за судьбу своего общества.

Разумеется, обеспечиваемое и требуемое нашим обществом многостороннее включение личности в различные сферы общественной жизни не совершается само собой, оно требует от личности значительных психологических усилий по преобразованию, совершенствованию и развитию себя. Ведь деятельность в новой сфере общественных отношений предполагает выделение новой части в системе личности, формирование как бы нового психологического органа, в составе которого в новом качестве должны выступить уже сформированные ранее или только наметившиеся свойства личности, дополняемые заново складывающимися ее характеристиками. Хорошо известное каждому состояние высокой психической напряженности, которое знаменует овладение личностью новым для нее способом своего деятельного существования, можно считать индикатором активизации самим человеком обширных систем своей психической жизни, актуализации в симультанном виде сложившихся многообразных систем собственных жизненных отношений с миром.

Итак, мы наметили некоторые пути реализации динамического подхода к личности как живой подвижной системной целостности, которая разворачивает, совершенствует, развивает себя в социально значимой совокупной деятельности, реализующей многообразные общественные отношения.

Литература

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч., 2-е изд., т. 3.
2. Из рукописного наследия К. Маркса // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 12.
3. *Афанасьев В. Г.* О целостных системах // *Вопросы философии*, 1980, № 6. С. 62–78.
4. *Бахтин. М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
5. *Борисова Е. М.* Психологические аспекты формирования личности передового советского рабочего // *Вопросы психологии*, 1977, № 6. С. 40–48.
6. *Борисова Е. М.* Раскрытие творческих возможностей человека в трудовой деятельности // *Психолог на предприятии. Научная организация труда, производства и управления в легкой промышленности.* М., 1979. Вып. 1. С. 27–38.
7. *Джидарьян И. А.* Эстетическая потребность. М., 1976.
8. *Додонов Б. И.* Эмоции как ценность. М., 1979.
9. *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980.
10. *Махлах Е. С., Рапопорт И. А.* Соотношение памяти и волевых качеств личности // *Вопросы психологии*, 1980, № 1. С. 125–129.
11. *Мерлин В. С.* Опыт изучения онтогенеза интегральной индивидуальности // *Вопросы психологии*, 1976, № 5. С. 88–95.
12. Отношения между сверстниками в группе детского сада / Отв. ред. Т. А. Репина. М., 1978.
13. *Тарасов Г. С.* Проблема духовной потребности. М., 1979.
14. *Шадриков В. Д.* Психологический анализ деятельности. М., 1979.

Глава 3. Личность в динамике: некоторые итоги исследования

Пути становления процессуально-динамического подхода в психологии

В 80-е годы XX в. в психологической науке, как отечественной, так и зарубежной, произошли существенные изменения, связанные с формированием нового подхода к изучению психики, личности и сознания. Для его обозначения воспользуемся термином, предложенным известным немецким психологом Х. Томе. Группируя существующие концепции личности в крупные блоки, он выделил наряду с когнитивным направлением и теорией личностных черт процессуально-динамический подход, привлекающий внимание все большего числа психологов.

В теоретико-методологическое основание динамического подхода вошли – частично в преобразованном виде – различные концептуальные традиции, по-разному раскрывающие смысл понятия «динамика». Но у них есть общий знаменатель – они акцентируют непрерывность, динамичность, изменчивость, напряженность, противоречивость, постоянное движение душевной жизни человека. Важные идеи о динамике мышления, сознания личности разработаны в трудах А. Бергсона. Основой психической жизни он считает живую, непрерывную, постоянно изменяющуюся текучесть психической реальности. Эта текучесть выступает как поток «тесно проникающих друг в друга образов» [10, с. 119], как смена чувств, образующая «несмолкаемую мелодию нашей внутренней жизни» (там же, с. 179), как переход друг в друга психических состояний, из которых каждое содержит в себе предшествующее ему и подготавливает следующее за ним. Подчеркивая целостность душевной жизни человека, Бергсон утверждает, что в форме текучести психических состояний совершается непрерывное изменение личности, ибо «всякое психическое состояние отражает личность в целом» (там же, с. 14). При этом удержание в актуальном психическом состоянии предшествующих ему моментов порождает, согласно Бергсону, не просто изменение, но рост психического. Однако динамику психического он рассматривает вне тех реальных взаимоотношений человека с окружающим миром, которые только и могут наполнить новым содержанием движущуюся мысль. По его мнению, действия и общение способствуют формированию лишь поверхностного слоя личности, не затрагивая ее глубинной сути.

Некоторые зарубежные психологи (Дж. Сингер (J. Singer) и Дж. Коллиджен (J. Kolligian)) [40] считают, что идеи Бергсона оказали влияние на У. Джемса (W. James), который ввел в американскую психологию понятие и проблему «поток сознания». В 70-х годах в США вышел сборник «Поток сознания» [41], начались экспериментальные исследования сознательного и бессознательного потока мысли, внутреннего диалога, многоуровневого течения мыслей при решении сложных задач в ходе операторской деятельности. Интерес к изучению потока сознания в американской психологии был подготовлен информационным подходом, который ориентировал психологов на изучение процессов переработки информации. Сыграло роль и укрепление позиций ментализма. Главным же стимулом выступил тот факт, что самый тщательный учет условий поведения не обеспечивал предсказания его результатов, если была неизвестна «логика» движения душевной жизни человека. Подход Джемса к сознанию был воспринят как теоретическое обоснование нового подхода к психике. В 1986 г. вышла книга, посвященная жизни и научному творчеству Джемса. Ее значение американские психологи оценивают так: она напоминает нам о том, что «повестка дня современной психологии в значительной части была создана первым и, может быть, величайшим американским психологом» [40, с. 537]. Стали разрабатываться проблемы взаимосвязи импульсивных и целенаправленных мыслительных процессов. Возник интерес к выявлению разных паттернов текущего личного опыта.

Для понимания методологических позиций современного динамического подхода существенно то, что процессуальность психической жизни личности изучается в системе реального взаимодействия человека с миром.

Для современных исследований характерно изучение движения состояний, мышления, чувств личности в условиях деятельности, общения, поведения. Новый пласт психологического движения личности в пространстве деятельности выявляется при изучении процессов целеполагания и целедостижения, когнитивно-эмоциональной подготовки человека к действию, отслеживания им течения собственного поведения, оценки промежуточных результатов и т. п. В научный оборот наряду с понятием потока сознания введено понятие «поток поведения» [39].

В отечественной психологии процессуально-динамический подход существует в разных вариантах. Вместе с генетическим и функционально-динамическим подходом («актуал-генез»), а также с принципом развития он входит в методологическую основу широкого круга исследований, направленных на раскрытие условий формирования, изменения, становления разных параметров психического склада личности, на описание этапов и стадий развития ее интеллекта, характера, мотивов и потребностей [2, 3].

Особый вариант процессуально-динамического, а точнее – процессуального подхода был разработан в 50-х годах XX в. на материале мышления С. Л. Рубинштейном. Для него этот подход был производным от решения вопроса о природе психики. Согласно С. Л. Рубинштейну, основная характеристика психического – процессуальность. Иными словами, психика существует всегда в форме процесса – непрерывного, гибкого, изменчивого, порожденного постоянным взаимодействием человека с окружающей действительностью. Психическое как процесс представляет собой отнюдь не пассивное течение мысленного содержания, а *особую психическую активность субъекта*, направленную на анализ мира, на дифференциацию значимого и незначимого в нем, на синтез, обобщение обнаруженных свойств объектов. Эта концепция далее была развита А. В. Брушлинским [12]. Выполненные под его руководством исследования позволили выявить в психическом как процессе движение не только познавательной, но и мотивационно-потребностной составляющей. Процессуальный подход способствует пониманию психологических механизмов, тех «тонких движений души», которые реализуют прогресс мышления, развитие мотивации, совершенствование саморегуляции, изменение представлений о себе.

Новую плоскость в пространстве процессуально-динамического подхода открывает изучение преобразований личности на разных этапах жизненного пути. В мировой психологической науке созданы интересные концепции развития личности в масштабах жизни на основе лонгитюдных исследований, психотерапевтической практики, изучения паттернов становления, взросления и старения личности (П. Балтес, Д. Левинсон, У. Лер, Х. Томе, Э. Эриксон и др.). Значимый вклад в выявление психологических детерминант деформаций жизненного пути личности вносят юридические психологи (Ю. М. Антонян, А. Р. Ратинов и др.). Начинают разворачиваться психобиографические исследования, изучаются индивидуальные варианты развития личности. Осуществляется типологический подход к жизненной стратегии личности [1].

Процессуально-динамический подход, наконец, включает в себя традиции, идущие от психодинамических теорий, представители которых имманентной характеристикой душевной жизни человека считают ее напряженность, порождаемую разнонаправленностью побудительных тенденций, напором присущей психике активности, рассогласованием сознания и бессознательного.

Личность как субъект индивидуальной истории, жизненных выборов, целеполагания

Строя жизненный путь, человек руководствуется определенной системой представлений о своем прошлом, настоящем и будущем. Представления эти нередко содержат заблуждения и иллюзии, но именно они лежат в основе долговременной регуляции личностью своей жизни.

За последнее десятилетие в мировой психологической науке значительно возрос интерес к формам представленности во внутреннем мире человека окружающей действительности и его собственной индивидуальной истории. Все большее распространение получают психобиографические методы изучения личности. Введено понятие автобиографической памяти как свидетельства о последовательности событий, создающей условия для формирования уникального склада личности.

В русле психобиографического подхода ведутся и наши исследования «субъективной картины жизни». Изучалось отражение в самосознании личности жизненных событий, относимых человеком к прошлому, настоящему и предвосхищаемому будущему. А. А. Кроник разработал оригинальные биографические методики – каузометрическое интервью, оценивание пятилетней жизни, дихотомическое шкалирование жизненного пути и др. В результате раскрыта событийная структура картины жизни, выявлены типы связей между событиями (причинно-следственные и инструментально-целевые), определены показатели мотивационного и ролевого статуса событий. Показана возможность по уровню субъективно переживаемой насыщенности событиями отдельных периодов жизни определять психологический возраст человека. Сочетание психобиографического и лонгитюдного методов позволило определить в картине жизни несколько различных по степени устойчивости слоев, вскрыть процесс переоценки человеком значимости конкретных событий, перемещения их из области малозначимых биографических эпизодов в сферу «композиционного ядра» картины жизни или, напротив, лишения событий высокого статуса.

Практика психогигиенической консультации, работающей в рамках психобиографического подхода к анализу личности, показала, что успешность реализации человеком своей жизни существенно зависит от сформированности у него сквозных причинно-целевых связей между прошлым, настоящим и будущим [9]. Личность должна как бы стягивать динамические тенденции, идущие из пережитого и предстоящего в своем настоящем [22]. Такая динамическая картина жизни – предпосылка поступательного развития личности. Изучение инвалидов и лиц, страдающих тяжелыми заболеваниями, позволило обнаружить различные деформации картины их жизни: разорванность связей между временными параметрами жизни – оторванность будущего от настоящего и прошлого, обесценивание прошлого, поглощенность лишь настоящим, замыкание основных причинно-целевых связей лишь между минувшими событиями. Изучены неврозы, порождаемые этими деформациями: нереализованности (в своем прошлом человек не видит ни значительных достижений, ни ярких переживаний); опустошенности (отсутствуют актуальные связи между событиями в настоящем); бесперспективности (минимум предвидимых событий, ожиданий, планов) [21].

Для устранения деформаций картины жизни разработаны методы психокоррекции, получившие название «биографический тренинг» [20]. Человека учат делать биографические открытия, переосмысливать значимость событий прошлого, переносить фрагменты психологического будущего в актуально-действенную сферу личности и тем самым создавать новую мотивацию к активной жизни. Разработан также методический прием «Альтернативные графики жизни», помогающий человеку либо признать правильность избранного пути, либо принять решение о его изменении. Критерием решения является предполагаемая

насыщенность событиями различных жизненных программ, детерминируемая, как показали исследования, ведущими ценностями личности.

В одной из работ, выполненных в нашей лаборатории, изучались механизмы профессионального самоопределения будущих учителей [24]. Оказалось, что яркую картину предстоящей трудовой жизни, насыщенную событиями, масштабными и рациональными замыслами, порождает ценностное отношение человека к профессии как к призванию. Такая картина жизни сохраняется у «призванных» и через три года после начала трудовой деятельности. У студентов же, а затем молодых специалистов, выбравших профессию не по призванию, картина жизни оказалась обедненной событиями.

Ведущая роль ценностей при исследовании механизмов жизненных выборов была показана Л. С. Кравченко [19]. Под влиянием собственных ценностей личность не осмысливает ситуацию со многими возможностями как не содержащую вариантов и сама создает поворотные события своей жизни, утверждающие ее позиции. Событийный анализ жизненного пути неизбежно выводит психолога в широкое пространство человеческих взаимоотношений, ибо каждое событие связывает друг с другом причастных к нему людей, образующих «событийные группы» [22]. Эти группы бывают чисто ситуативными, но часто вплетаются в причинно-целевую ткань жизни личности.

Разработаны игровые полу-проективные методики, которые позволяют определять стратегии и тактики общения значимых друг для друга людей, а также устанавливать, каким образом достигается взаимопонимание между людьми и поддерживается их психологическая близость, каковы истоки возникающих конфликтов и способы их предотвращения [22].

Значительный интерес представляет анализ тех пожеланий, которые человек адресует себе и другим людям, реально или потенциально значимым для него. Большинство участников опроса «себе и другим» желали окружающим людям побольше доброты, порядочности, понимания. Сами же они хотели быть более уверенными, сильными, спокойными. Такую преобладающую в нашем обществе позицию А. А. Кроник назвал «утверждением себя в более мягком окружении» [22]. Предстоит выяснить динамику взаимопожеланий людей в последующие периоды нашей общественной жизни, провести кросскультурные исследования.

Новым направлением наших исследований в рамках изучения личности как конструктора своего жизненного пути стало исследование ее в качестве субъекта целеполагания. Многие события, выделяемые человеком в картине своей жизни, являются осуществлением поставленных им целей. В русле проблемы «личность и процесс целеполагания» в лаборатории начаты исследования, касающиеся связи когнитивного стиля личности («импульсивности – рефлексивности») с особенностями постановки и достижения целей [34].

Результаты первого этапа исследований показали, что на особенности процесса целеполагания когнитивный стиль оказывает влияние лишь в сочетании с некоторыми обобщенными, мировоззренчески насыщенными отношениями личности к действительности, входящими, в частности, в содержание фактора «радикализм – консерватизм». Предстоит определить влияние на специфику целеполагания других параметров личности – компенсирующих или усиливающих недостатки когнитивных стилей.

Самосознание – условие развития личности как субъекта жизни

В современной психологической науке проблемы самосознания, самооценки человека, его внутреннего мира и переживания себя активным началом в общении с миром начинают занимать ведущее место. Вопросы осознания, самосознания, рефлексии так или иначе затрагиваются во всех наших работах. Однако некоторые из них непосредственно направлены на анализ феномена самосознания, на выявление условий осознания своего внутрен-

него мира. Результаты исследований базируются на практике психологической консультации семейных пар, на анализе автобиографий, дневников, мемуаров, наблюдений и самонаблюдений.

Вопреки когнитивистскому подходу к самосознанию, для которого осознание личностью ранее скрытых от нее своих особенностей лишь расширяет границы ее знаний о себе, в исследованиях лаборатории доказывалось, что самосознание обладает значительным, а иногда даже мощным мотивационным потенциалом и порождает процессы самопреобразования, развития личности, изменения ею своего жизненного пути [36]. Осознание личностью собственных способностей выступает как снятие барьера между актуальным и потенциальным в ее психологической организации. Потенции личности актуализируются, осознанные способности, если выразаться понятиями теории установки, объективируются. Личность выявляет в них новые грани и включает в свою ценностно-смысловую структуру.

На материале изучения нравственного самосознания показано, что осознание себя не может быть беспристрастным, поскольку всегда включает вопрос о ценности личности. В этой связи поставлена новая проблема адекватности самосознания. Выявлены некоторые условия, ведущие к ошибкам нравственного самосознания, к преднамеренному самообману [35, 36].

Выдвинута гипотеза о том, что в развитии нравственного самосознания существуют сензитивные периоды, которые подготавливаются противоречиями в нравственном опыте личности, проблемными моральными ситуациями. Однако сами по себе моральные трудности, согласно гипотезе И. И. Чесноковой, еще не делают личность сензитивной по отношению к идущим извне попыткам оказать помощь. Результаты работ в области психологии мышления, выполненные в лаборатории, позволяют предполагать, что до тех пор, пока субъект сам не поймет сути нравственных противоречий, не поднимется на достаточно высокий уровень анализа нравственной задачи, он останется равнодушным к адресуемым ему советам и нравственным подсказкам. От степени адекватности осознания личностью своих нравственных коллизий зависит возможность их преодоления.

Несмотря на то, что степень адекватности самосознания – важнейшая характеристика личности, указывающая на уровень ее развития, методы ее определения в общей психологии разработаны очень слабо, причем в основном они касаются самооценки. В нашей лаборатории предпринята попытка создать инструмент для определения адекватности самосознания взрослых людей. Суть приема заключается в сопоставлении объективных данных о личности, полученных при помощи 16-факторного опросника Кэттела, с ее субъективными представлениями о своих особенностях. Они выявлялись посредством специально созданных самооценочных шкал, включающих те же самые черты личности, что и опросник Кэттела. Вычисление коэффициента сходства двух профилей привело к значимым и незначимым различиям между ними: в большинстве случаев обнаружилась неточность самосознания. При исследовании были найдены некоторые приемы, актуализирующие установку на осознание собственных особенностей личности и внутриличностных противоречий [18].

Обобщение результатов работы в психологической консультации, а также многочисленных материалов теоретических и эмпирических исследований позволило сформировать представление о внутреннем мире личности как находящемся в состоянии постоянного напряжения. По классическим психодинамическим, особенно психоаналитическим теориям источником такого постоянного напряжения являются борьба влечений, рассогласование и амбивалентность мотивов. Однако не менее весомый вклад в дисгармонию душевной жизни, как показали исследования Е. С. Калмыковой, вносят альтернативные, противоречащие друг другу позиции и мнения, приблизительно равные по своей значимости для личности. Одним из важнейших источников формирования таких прямо противоположных друг другу установок выступает механизм идентификации человека со значимыми для него лицами.

В процессе идентификации субъект усваивает и позиции, нередко вступающие в противоречие с его собственными установками. Возникший душевный разлад может устранить лишь сама личность, сопоставляя противоречащие друг другу позиции и принимая конкретные решения. Исследования, однако, показали, что человек часто не осознает своих внутренних противоречий, но они вместе с тем вызывают у него чувство повышенной тревожности, которое распространяется на многие сферы жизнедеятельности и деструктивно влияет на его поведение. Практика консультирования свидетельствует о том, что одним из условий адекватного осознания себя и разрешения внутренних противоречий личности является ее доверительное общение с консультантом [17].

Активность личности в сфере мотивации. Особенности нравственной мотивации

Движущие силы поведения личности, возникающие в процессе ее жизни, в определенной мере складываются на уровне безотчетной душевной деятельности, часто с неадекватным осознанием. Но в своей основной части мотивация как многомерное психологическое образование «строится» личностью с помощью рефлексивных процессов. Личность вырабатывает отношение к возникающим у нее побуждениям, импульсам, влечениям, соотносит их со своими возможностями, с идущими извне требованиями и собственными представлениями о должном, с вероятностью успеха мотивированного действия. Процесс превращения побуждения в потенциальный, а затем реально действующий мотив был детально изучен в нашей лаборатории А. А. Файзуллаевым [33]. Это – многоэтапный, насыщенный коллизиями процесс, включающий осознание, закрепление формирующегося мотива в ценностно-смысловой сфере личности и реализацию его в поведении.

Новейшие исследования все более подтверждают положение о том, что истоком мотивации выступают не только потребности. Любые личностные образования обладают своим мотивационным потенциалом. Углубляется и конкретизируется положение С. Л. Рубинштейна о всеобщей мотивационной значимости отражаемых явлений. Показана мотивационная валентность интегрированного представления личности о себе [35], личностной идентичности человека, выработанных субъектом стратегий поведения, формирующихся способностей [4].

Изучение закономерностей побудительной сферы личности привело к созданию В. Г. Асеевым оригинальной концепции мотивации [51]. Эта концепция построена на основе обобщения результатов эмпирических исследований, проведенных в условиях трудовой, учебной и спортивной деятельности. Содержание концепции раскрывается в следующих теоретических положениях. Мотивация полимодальна. Она интегрирует в себе параметры желательности, необходимости, возможности реализации действий, долженствования. Только при достаточно высоком уровне побудительности и устойчивости этих параметров обеспечиваются непреодолимость стремлений, положительное отношение к деятельности и успешность ее выполнения.

Существует взаимосвязь между содержательно-смысловыми и динамическими характеристиками движущих сил поведения. Речь идет о том, что реализация тех или иных действий зависит от соотношения личностью содержательно-смысловой значимости действий со значимостью затрат, необходимых для их выполнения, и степенью готовности к ним.

Обоснованы положения о структуре мотивационной сферы субъекта, которая раскрывается через топологические понятия различных «зон» мотивации, «границ» между ними и «барьеров», возникающих на пути актуализации мотивационных возможностей личности. В ходе исследований выделены актуальная и потенциальные зоны мотивации. Потенциальные зоны содержат побуждения, заключающиеся в отдаленных целях и идеалах личности,

а также в ее уже удовлетворенных желаниях и потребностях. Раскрываются приемы, способствующие расширению актуально-действенной сферы мотивации за счет «втягивания» в нее потенциальных мотивов, а также идущих извне социальных стимуляций и побуждений. Здесь в понятиях потенциального и актуального выявляется та же значимость в жизни личности «сквозных» мотивационных связей между прошлым, настоящим и будущим, которая подчеркнута в работах А. А. Кроника. Проанализирована активность личности в актуально-действенной зоне ее мотиваций. Именно в ней происходит интеграция уже сложившихся мотиваций с направленными на субъекта воздействиями и стимуляциями. Личность постоянно находится в динамике благодаря собственным потребностям, желаниям, интересам. Вместе с тем она подвергает мотивационной интерпретации условия своего поведения.

На основе изучения учебной и трудовой деятельности в работах данного направления раскрыты психологические механизмы, условия интеграции управленческих стимуляций и их включения в мотивационную сферу человека. Все они должны быть достаточно значимыми для личности, соответствовать ее ценностям, не слишком отличаться друг от друга по силе и поддерживать мотивационный эффект предыдущих стимуляций. Показано, что синтез мотивов и стимуляций в единую систему происходит лишь в определенной зоне побуждений человека, которая получила название «интегративная зона мотиваций».

В противоположность распространенному представлению о том, что некоторая исходная система мотивов определяет весь процесс деятельности, исследования, проведенные в нашей лаборатории, показывают, что каждый последовательный момент, период и звено деятельности должны иметь свое специфическое мотивационное обеспечение. Его недостаточность снижает эффективность деятельности [28]. При организации стимулирующих воздействий должна учитываться полимодальность мотивации: важно подкреплять модальность необходимости и долженствования, раскрывать перспективы совершенствования личности, способствовать поднятию уровня ее самооценки и актуализировать потенции [8].

Новым направлением исследований лаборатории является изучение мотивационных аспектов текущего и перспективного планирования, своеобразия модальностей мотиваций, идущих из настоящего и будущего личности [32]. Показано, что деятельность, реализуемая в границах настоящего, регулируется преимущественно мотивационными модальностями необходимости (содержательно-смысловой план) и готовности к действию (динамический план). В действиях же, порождаемых отдаленными целями, преобладают содержательные характеристики высокой желательности и динамические характеристики прогнозирования значительных психологических затрат.

Изучение различных модальностей мотиваций содержательного и динамического типа проводится в рамках аналитического подхода к мотивации в мировой психологической науке, представители которого усматривают истоки напряженности внутреннего мира личности, увеличения психологического расстояния между настоящим и будущим в расхождении содержательного и динамического в ее побуждениях. Результаты работ, выполненных под руководством В. Г. Асеева, свидетельствуют о том, что часто сам человек препятствует возникновению жестких границ между настоящим и будущим; он совершает действия, которые не только подчинены актуальным целям, но и образуют этапы достижения отдаленных перспектив [32].

На основе модальностно-зональной концепции мотивации разработана теоретическая модель мотивационных резервов личности, их блокирования и путей актуализации. Дается представление об особенностях мотивационной регуляции деятельности, осуществляющейся на пределе возможностей человека. Изучение напряженных видов деятельности позволило выявить два предела (порога) возможностей субъекта. Первый – объективный (абсолютный) порог; выход за его пределы приводит к серьезным нарушениям в психофизиологических системах организма. *Второй* – субъективный, относительный, тактический.

Между этими порогами личность формирует зону, состоящую из систем охранительных механизмов, психологических барьеров, блокирующих деятельность задолго до достижения объективного порога. Выделены разные типы как содержательно-смысловых, так и функционально-динамических барьеров. Таковы содержательные барьеры сверхвысокой и чрезмерно низкой значимости требуемых действий, а также динамические барьеры, порождаемые антиципацией сильных перегрузок, несовершенством стратегий поведения, несформированностью умений. Искусство создания мотивирующих воздействий состоит в том, чтобы актуализировать реальные резервы личности, но не выйти за объективные пределы ее возможностей. Осуществить это можно при повышении или понижении значимости результата за счет привлечения новых личностных смыслов, путем формирования новых стратегий поведения, совершенствования умений. Главная задача состоит в том, чтобы были задействованы все модальности мотивационной системы, а отдельные мотивы действовали синергично, усиливая друг друга.

Изучение деятельности, реализуемой личностью у пределов мотивационных (содержательных и динамических) возможностей, открывает широкие перспективы для анализа изменения ее сознания, появления особой логики поведения, временной перестройки смысловой сферы. Так, исследование операторов в условиях длительной непрерывной деятельности показало, что по мере приближения функциональных резервов человека к объективному пределу происходит резкое сужение ценностно-смыслового поля сознания. Значимость установки на выполняемую деятельность сохраняется при блокировании всех иных личностных отношений – к другим, к себе, окружающему (Е. Д. Туманов).

Концепция зонального строения движущих сил поведения выступила теоретическим инструментом, позволившим анализировать особенности нравственной мотивации личности. Известно, что общественные нормы задаются человеку императивно, безоговорочно. Но в индивидуальном сознании они представлены совсем по-иному. Формируя свои личностные нормы, человек учитывает особенности их регуляции обществом, виды контроля за выполнением и трудности следования им.

Изучение поведения людей в ситуации учебной и трудовой деятельности показало: у личности в сфере ее нравственной мотивации выделяется несколько зон. Центральное место занимает зона личностно значимых и неукоснительно выполняемых моральных норм. Рядом с ней располагается зона также значимых, но с определенным волевым усилием выполняемых предписаний. Кроме них обнаружены две зоны отступлений от нравственных норм. В первую входят незначительные нарушения, которые слабо контролируются обществом. Вторая детерминируется сверхзначимыми личностными мотивами, побуждающими человека как к аморальным, асоциальным действиям, так и к героическим поступкам [6].

Есть основания полагать, что динамика этих зон, их широта и содержание меняются в процессе морального развития, показателем которого является моральная ответственность как интегральная характеристика личности. Исследования, проведенные Т. Г. Гаевой, показали, что у лиц с высокой моральной ответственностью область строго выполняемых моральных норм весьма широка; люди творчески обогащают и дополняют нравственным содержанием свои действия. При низком же уровне моральной ответственности область нравственных нарушений весьма обширна [14].

На основе выполненных исследований разработаны рекомендации по оптимизации мотивационного потенциала личности в разных сферах деятельности.

Потребности личности и их развитие

Потребности – наиболее устойчивые побудительные структуры личности. Свою полную психологическую определенность они приобретают, становясь мотивами и реализуясь

тем самым в конкретном действии или поступке. Будучи по своей природе пассивно-активными образованиями, потребности выражают себя в деятельности и общении, в рефлексии и самоанализе. В этих различных формах активности личности они изменяются и развиваются. Теоретические обобщения позволили выделить два способа развития индивидуальных потребностей – экстенсивный и интенсивный [15]. Экстенсивное развитие достигается за счет увеличения числа потребностей и формирования новых способов их удовлетворения. Интенсивное же предполагает качественные изменения в структуре потребностей на основе более гармоничных связей между ними, взаимных стимуляций, возрастания их духовного потенциала и конкретизации в более социально значимых и нравственно высоких целях. Широко распространенная стратегия нравственного воспитания личности, направленная на формирование различных потребностей в личности, – в добре, справедливости, правде, сострадании к людям, – остается в рамках экстенсивного развития потребностной сферы. Стратегия, направленная на интенсивное развитие, предполагает ориентацию всей мотивационно-потребностной системы личности на определенные мировоззренческие позиции и принципы высокой нравственности. Иными словами, нравственность должна стать системообразующим качеством (основанием) всей сферы индивидуальных потребностей. С этой точки зрения может быть понята та остановка в движении потребностей вверх по иерархической лестнице, которую не мог объяснить А. Маслоу. Как известно, согласно его теории, удовлетворение каждой из нижележащих потребностей вызывает актуализацию вышележащих. Разделив их все на мотивы нужды и мотивы роста (самоактуализации, истины, добра, красоты), он выдвинул предположение, что полное удовлетворение первой группы потребностей должно привести к личностному росту человека на основе высших гуманных потребностей. Наблюдения, однако, не подтвердили этого предположения, о чем с грустью поведал сам психолог-гуманист. Из концепции интенсивного развития следует, что воспитываться должна одновременно вся система потребностей, так, чтобы высшие нравственные потребности входили в содержание мотивов безопасности, уважения, сопринадлежности. Теория автоматической актуализации вышележащих потребностей по мере удовлетворения низших исключает активность личности в сфере мотивационно-потребностного самоопределения. А между тем личность на любом этапе своего становления в конечном счете сама строит систему своих потребностей. Конечно, диапазон нравственной мотивации, свободного выбора и самоограничения в сфере личного потребления задан конкретно-историческими представлениями об аскетизме и пресыщенности как о противоположных нравственно-психологических типах потребностного поведения личности. Но именно личность совершает свой выбор в этом широком пространстве. Искусство воспитания, по мнению И. А. Джидарьян, состоит не только в том, чтобы сделать выбор в пользу нравственного содержания потребностей, но и в том, чтобы психологически подготовить субъекта к трудностям реализации поведения, регулируемого высшими потребностями. Недостаточное волевое развитие личности блокирует ее стремление к справедливости, истине, добру, порождает расхождение нравственных установок в сфере сознания и поведения. В результате социально-психологическое развитие личности деформируется, снижается нравственный потенциал всей системы потребностей. Его сохранение и развитие требуют высокой критичности мысли, способности к самоконтролю, силы нравственных чувств, стойкости жизненных позиций [15].

Личностные аспекты мышления

Мышление, напряженная умственная работа – важнейшее психологическое основание жизни личности в мире, каждый момент которого никогда не повторяется. Проблемные ситуации, порождаемые рассогласованием между ожидаемым и происшедшим, желаемым и

достигнутым, целями и средствами, инициируют процесс мышления, который с начала и до конца опосредствован ценностями личности, ее субъективными отношениями к возникшей задаче и к себе, характерологическими особенностями, мотивациями и эмоциями. В таком личностном аспекте мышление очень мало исследовано.

В зарубежных работах, нацеленных на анализ мышления как текучего непрерывного процесса, психологи улавливают лишь движение определенного когнитивного содержания. Исследования сотрудников нашей лаборатории показывают, однако, что мышление как процесс никак не сводится к спонтанному порождению одного мысленного содержания другим. За движением образов, мыслей, идей находится не только сознательная, но и особая безотчетная психическая активность субъекта, включающая процессы анализа и синтеза проблемных условий, интеллектуально-волевые усилия личности по выявлению нового содержания в объекте мышления. Мышление предстает как континуально-генетический процесс [11, 23]: каждая его стадия, этап вырастают из предшествующих, обеспечивая развитие и мыслимого содержания, и мыслящего субъекта. Включаясь в решение своих задач, личность вычерпывает новое содержание в ее условиях и тем самым опосредствованно воздействует на себя. В процессе мышления у нее появляются новые мотивации и интеллектуальные чувства, возникает иное отношение к решаемой задаче. В исследованиях этого направления, выполненных под руководством А. В. Брушлинского, раскрыта динамика неспецифической и специфической мотивации субъекта в ходе решения задач. Происходит не только спад и подъем мотивации в процессе мышления, но и формирование новых познавательных мотивов. Условиями их порождения выступают переформулирования задач, а также выявление новых свойств объекта, оцениваемых как значимые для продвижения решения. Вновь формирующаяся мотивация обеспечивает новые повороты мысли, открывает доступ к ее потенциальному, латентному содержанию и делает субъекта чувствительным к «подсказкам», содержащимся в ранее решенных задачах [12].

Обнаружено также, что на мотивацию значительно влияют отношение личности к себе, самооценка и связанный с ней уровень тревожности.

В ходе решения задач по мере повышения познавательной мотивации и накопления опыта выдвижения подтверждаемых прогнозов у большинства людей самооценка меняется, она становится более адекватной, изменяется и уровень тревожности, а вместе с тем оптимизируются стратегии решения задач [27].

Этот факт изменения относительно устойчивых особенностей личности, наблюдающийся не в лонгитюде, а в достаточно коротких временных рамках экспериментов, обнаружился и в других исследованиях.

Изучалась взаимосвязь когнитивного стиля личности (полезависимости – полнезависимости) и процесса мышления [30]. Результаты оказались парадоксальными. Стилиевые особенности личности у одного и того же человека меняются на прямо противоположные в ходе решения задачи. Проявления того или иного стиля (полезависимости – полнезависимости) обусловлены степенью продвинутости анализа задачи. То есть данный когнитивный стиль не определяет однозначно особенности мышления человека. Полученные результаты могут быть по-разному интерпретированы. Возможно, полезависимость – полнезависимость вообще не связана с чувствительностью к извне идущим «подсказкам». Такое объяснение, однако, расходится с данными исследований, подтверждающими, что полнезависимость связана с детальным анализом действительности (reality monitoring). В. В. Селиванов дает другое объяснение. В психологической организации личности значительное место занимают структуры, потенциально содержащие полярные характеристики. В проблемных условиях может произойти перецентрация этих структур, и психологическое лицо человека окажется изменившимся. Это объяснение формулируется как гипотеза, которая требует проверки.

Новые данные о личностных аспектах мышления как процесса были получены при изучении решения нравственных задач [31, 32]. Выступая в виде нравственных дилемм, эти задачи не имеют однозначного ответа, субъект сам должен выработать критерий решения, опираясь на свои мировоззренческие позиции и моральные ценности. Человек конструирует свое решение сам, а не выбирает ответ среди готовых альтернатив. Здесь обнаружилась та же закономерность, что и в ситуации жизненных выборов: альтернативы являются скорее «подсказкой», которая используется (или не используется) субъектом в зависимости от особенностей осмысливания им проблемной ситуации.

Мыслительный процесс – в силу диалогичности (или полилогичности) сознания человека – всегда включает моменты обращения к воображаемому собеседнику, рефлексии, аутокоммуникации. Этот факт стал исходным пунктом двух новых направлений исследований. Первое касается исследования стадий формирования рефлексии на разных уровнях возрастного развития (у взрослых и детей). Обнаружена определенная последовательность стадий формирования рефлексии в ходе мышления как процесса (Н. И. Бетчук). Второе направление – это изучение мышления в условиях диалога, в ситуации совместного решения задач [13].

Выделены различные формы субъект-субъектных отношений, принимающих иногда напряженный характер в процессе решения мыслительной задачи. Показаны условия выдвижения и смены лидера, возникновения кооперации и индивидуализации решения. Обнаружено мотивационное значение предлагаемых партнерами прогнозов для продолжения совместных поисков решения. Выявлен феномен специфической диалогической рефлексии – повторный анализ своего мышления участником диалога при неприятии позиции партнера по совместному решению задачи. Основной вывод этого цикла исследований таков: в процессе совместной познавательной деятельности субъект-объектные отношения доминируют над субъект-субъектными и подчиняют их себе. В связи с этим перед психологами возникают новые проблемы: в каких случаях при решении значимых задач субъект-субъектные отношения начинают господствовать над субъект-объектными, препятствуя продвижению решения? Как предотвратить появление феномена «симуляции несогласия с новым лидером» (В. А. Поликарпов), тормозящего процесс решения? Каким образом личность в ходе индивидуального решения задач подчиняет самосубъектные отношения ведущему гносеологическому субъект-объектному отношению?

Развитие личности как высшая форма ее динамики

Реализуемый в наших исследованиях процессуально-динамический подход к личности вбирает в себя разные грани исторически сложившихся традиций изучения ее жизни в становлении и изменении. Однако текучесть «Я», движение сознания и «подпочвенных» (В. Дильтей) психических процессов мы анализируем в координатах конкретной реальной личности, создающей свой уникальный жизненный путь через овладение обстоятельствами, контроль над собой и усилие утвердить свою необходимость в конкретно-историческом мире. Содержательность, масштабность, историческая значимость личности зависят от меры ее собственной активности и степени креативного отношения к жизни.

Сформированность личности как субъекта жизни в значительной степени определяет качество ее развития – важнейшей формы динамики личности. Изучению закономерностей развития разных сторон личности были посвящены две наши книги [25, 26]. Новый замысел касался анализа развития личности с привлечением содержания диалектических категорий, позволяющих вскрыть взаимосвязи изменчивого и устойчивого, потенциального и актуального в личности, выявить некоторые общие механизмы развития, раскрыть соотношение микро– и макроразвития.

Развитие личности в своем результативном выражении выступает как ее качественное преобразование, оно связано с повышением уровня организации, с возрастанием способности осуществлять себя в более сложной системе жизненных отношений и воспринимать по-новому мир: более структурированным, интегрированным и содержательным. Расширяются горизонты сознания, возрастает уровень самосознания. Совершенствуется искусство жить. Личность становится более автономной по отношению к включающим ее социальным структурам. Вместе с тем процесс личностного развития психологически драматичен. Он требует от личности мужества, чтобы подняться над собой, признать свою несостоятельность в определенных отношениях, обесценить ранее достигнутое, понизить или даже зачеркнуть значимость того, что недавно высоко ценилось. Процесс развития включает накопление новых возможностей, появление разнопорядковых новообразований в мотивационно-потребностной и познавательной сферах личности. Но одновременно – по мере вхождения человека в новые жизненные отношения – у него происходят психологические утраты прежних чувств, привязанностей, идеалов. Для того чтобы справиться с имманентными развитию дистрессами и использовать преимущества развивающих эустрессов, от человека требуется высокий уровень психической активности. При разработке категорий активности в психологии И. А. Джидарьян [16] раскрыла тесную связь активности личности с явлениями саморегуляции субъектом своих психических процессов, состояний и свойств, с преобладанием внутренней детерминации над внешней в процессе психического развития. Следует отметить, что уровень напряженности психической (в частности, познавательной) активности, который в большой степени зависит от темпераментальных характеристик человека, формируется, а не просто актуализируется в процессе жизни: происходит становление потребности в активности, развивается способность к ней.

Психическая активность – условие возникновения новообразований, изменений, преобразований. В то же время она – механизм сохранения самоидентичности личности, расширения, углубления и обогащения преемственности, субстанциональной основы развития. В психологии еще не анализировалась структура общей способности личности к развитию, но имеющиеся работы позволяют выделить по меньшей мере три входящие в нее частные способности. *Первая* — способность удерживать, сохранять все позитивное содержание своей истории, аккумулировать результаты развития. *Вторая* — способность актуализировать потенциальное содержание своего сознания, включать его в актуальные связи, обладать сензитивностью к непреднамеренным, случайным, стихийно возникшим результатам прошлой деятельности. *Третья* – способность создавать нечто новое и в мире, и в себе, расширяя при этом сферу потенциального.

Исследование личности и ее жизни в категориях возможности и действительности, потенциального и актуального позволяет вычленить важное звено в процессе личностного развития [4]. Потенциальное неоднородно и многослойно. Оно включает не только частные структуры (задатки, неактуальный опыт, малозначимые побуждения, функциональные возможности), но и сложные интегративные образования. Мы выдвигаем гипотезу, что в потенциальной сфере субъекта существуют личности, незавершенные в своем развитии, слабо структурированные. Эти «личности в потенции» отличны по своей индивидуальности от породившей их актуальной личности. Несостоявшиеся «личности» в определенных условиях способны актуализироваться, достраиваться и приводить к перестройке мироощущения человека, его чувства, самосознание, жизненные установки.

Преобразование потенциального в актуальное, в действительное – важный этап в процессе развития личности.

Привлечение философских категорий формы и содержания позволяет в обобщенном виде раскрыть напряженность и внутреннюю противоречивость процессов развития [7]. В философии под формой объекта понимаются его устойчивые характеристики, кото-

рые направляют и стимулируют развертывание изменчивого содержания. В психологическом плане устойчивыми характеристиками личности, ее «формой» могут быть сознательно-волевые установки, жизненные планы, позиции по отношению к себе и к миру. По логике этой формы осуществляется многоплановое взаимодействие человека с действительностью. Но порождаемые этим взаимодействием результаты несравненно богаче запланированных, они ведут к появлению многокачественных новообразований в «содержательных», изменчивых процессах. Содержание начинает выходить из-под контроля «формы». В этом и заключается один из драматических моментов развития, ибо личность отождествляет себя со своей «формой», противится ее деструкции и у пределов ее действия строит, по выражению В. Г. Асеева, пограничную или «буферную» зону, механизмы которой нейтрализуют или блокируют значимость изменений в пространстве «содержания». Преодолеть эти барьеры могут лишь интегративные психологические новообразования – результаты механизмов макроразвития. Их мотивационный потенциал превышает значимость прежних установок и позиций личности. На материале развития мышления в его связи с личностью Д. Н. Завалишина выделила три психологических механизма макроразвития [3]. *Первый* — порождающее взаимодействие субъектно-личностного и интеллектуального уровней душевной жизни человека: достижения когнитивного уровня ведут к возникновению новых потребностей, мотивов, стремлений, к повышению уровня самосознания и изменению общей картины мира. *Второй* — операциональная интеграция, структурирование вновь приобретенных и существовавших ранее разноуровневых психологических технологий. *Третий* — расширение и обогащение когнитивного обеспечения взаимоотношения личности с миром, образование интегративных структур жизненного опыта. Это – существенные механизмы формирования фрагментов новых устойчивых характеристик личности, ее новой «формы».

Обобщая результаты исследований, можно сделать следующие выводы. Значительные изменения реальных отношений с миром способствуют переходу личности на новый уровень бытия при условии ее сензитивности, высокой чувствительности к возможностям, заключающимся в новых для нее условиях, к запланированным и непреднамеренным результатам своей активности, к аккумулятивному опыту своего жизненного пути. Условиями поступательного развития личности являются ее рефлексивное отношение к себе, способность творчески относиться к прошлому и настоящему, соединять их с будущим сквозными динамическими тенденциями. Реальный жизненный путь личности – лишь частичная реализация ее возможностей. Личность масштабнее, значительнее, богаче своих дел и судьбы. Преодолевая противоречие развития между преемственностью и безотносительностью к заранее установленному масштабу, человек поднимается над своим исходным бытием и преобразует его в одно из условий конструирования новых путей жизни.

Литература

1. Абульханова-Славская К. Л. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Анцыферова Л. И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990. С. 7–17.
3. Анцыферова Л. И., Завалишина Д. Н., Рыбалко Е. Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 22–55.
4. Артемьева Т. И. Категории возможности и действительности в психологии личности // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 89–119.
5. Асеев В. Г. Структура мотивации поведения // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности: Темат. сб. науч. работ. М.: ИП АН, 1988. С. 5–8.
6. Асеев В. Г. Мотивационные механизмы нравственного поведения личности // Социально-психологическое и нравственное развитие личности. М.: ИП АН, 1988.

7. *Асеев В. Г.* Категория формы и содержания в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука. 1988. С. 138–153.
8. *Асеев В. Г., Шахова А. Н.* Психологические условия интеграции воздействий в производственном коллективе // Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда. М.: ИП АН, 1987.
9. *Ахмеров Р. А.* Организация биографического тренинга в условиях психологической консультации // Конструктивная психология – новое направление развития психологической науки и практики. Тез. докл. и сообщ. на 1-й научно-практической конференции, 4–6 июня 1989. Красноярск, 1989. С. 29–33.
10. *Бергсон А.* Введение в метафизику // Собр. соч. СПб., 1914. Т. 5.
11. *Брушлинский А. В.* Психология и проблема непрерывности развития // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1983.
12. *Брушлинский А. В.* О взаимосвязи мотивационного и процессуального аспектов мышления // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М., 1988.
13. *Брушлинский А. В., Поликарпов В. А.* Мышление и общение. Минск, 1990.
14. *Гаевая Т. Г.* Моральная ответственность как качество личности: Дис... канд. психол. наук. М., 1984.
15. *Джидарьян И. А.* Влияние нравственной мотивации на развитие и формирование потребностей личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1988. С. 26–30.
16. *Джидарьян И. А.* Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988.
17. *Калмыкова Е. С.* Внутриличностные противоречия и условия их разрешения: Дис... канд. психол. наук. М., 1986.
18. *Калмыкова Е. С.* Эмпирическая оценка адекватности самосознания // Психологические исследования социального поведения личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. С. 138–150.
19. *Кравченко Л. С.* Жизненный выбор личности (психологический анализ): Дисс... канд. психол. наук. М., 1988.
20. *Кроник А. А.* Психовозрастная коррекция и биографический тренинг // Актуальные вопросы психологии личности: Сб. науч. тр. советских и болгарских психологов. М.: ИП РАН, 1988.
21. *Кроник А. А., Ахмеров Р. А.* Мотивационная недостаточность как критерий деформации картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП АН, 1988. С. 136–140.
22. *Кроник А., Кроник Е.* В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я. Психология значимых отношений. М.: Мысль, 1989.
23. Мышление: процесс, деятельность, общение. М., 1982.
24. *Перетягько Л. Г.* Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект): Дисс... канд. психол. наук. М., 1991.
25. Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.
26. Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981.
27. *Радченко С. В.* Влияние самооценки на формирование познавательной мотивации в процессе решения мыслительных задач // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП РАН, 1988. С. 148–152.
28. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946.
29. *Рябинкина А. Я.* Психологические условия интеграции управленческих воздействий: Дисс... канд. психол. наук. М., 1988.

30. *Селиванов В. В.* Взаимосвязь когнитивного стиля и процессуальных характеристик мышления: Дисс... канд. психол. наук. М., 1988.
31. *Сластенина Л. В.* О психологических механизмах морального выбора // Психологические исследования социального развития личности. М.: ИП РАН, 1991. С. 92–107.
32. *Темнова Л. В.* Специфика мыслительного процесса решения нравственных задач: Дисс... канд. психол. наук. М., 1991.
33. *Улитова Е. С.* Мотивационный анализ поведения личности во времени: Дисс... канд. психол. наук. М., 1988.
34. *Файзуллаев Л. А.* Мотивационная саморегуляция личности. Ташкент: Фан, 1987.
35. *Харламенкова Н. Е.* Процесс целеполагания и жизненный путь личности // Психологические исследования социального развития личности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1991. С. 151–167.
36. *Чеснокова И. И.* К вопросу о единстве самосознания и мотивационной сферы личности // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. М.: ИП АН, 1988. С. 73–77.
37. *Чеснокова И. И.* Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности: Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 121–126.
38. *Howe M. J. A.* Biographic evidence and the development of outstanding individuals // *American Psychologist*. 1982. V. 37. P. 1071–1081.
39. *Pervin L. A.* The status and flow of behavior: Toward a theory of goals // *Personality: Current Theory and Research* / Ed. M. M. Page. Lincoln: Univ. Nebraska Press, 1983.
40. *Singer J. L., Kolligian J.* Personality: Developments in the Study of Private Experience // *Ann. Rev. Psychol.* 1987. V. 38. P. 533–574.
41. *The stream of consciousness* / Eds. K. S. Pope, J. L. Singer. N. Y.: Plenum, 1978.

Глава 4. Психологическое учение о человеке: теория Б. Г. Ананьева, зарубежные концепции, актуальные проблемы

О научном творчестве Б. Г. Ананьева написано немало работ [15, 16, 19, 20]. Поэтому при анализе его взглядов неизбежны повторения. Но рассмотрение их с нетрадиционных позиций позволяет дать им несколько другую интерпретацию.

Б. Г. Ананьев – создатель особого направления в отечественной психологии, которое соответствует тенденциям развития мировой психологической мысли. Дальнейшее развитие этого направления предполагает четкое определение его основной идеи и вместе с тем выявление проблемности и дискуссионности ряда положений.

Анализ работ ученого убеждает в том, что его концепция оказалась незавершенной в своей очень значимой части. Незавершенность – характерная черта большинства психологических теорий, но Ананьев только начал возводить некоторые из верхних этажей своей теоретической конструкции. Недаром он пишет «о подступах к теории индивидуальности» и начинает выходить за пределы исследований конкретно-исторического жизненного пути в более широкие и открытые пространства человеческой жизни. Но тут творческая мысль ученого трагически обрывается. Конечно, нельзя не отметить и тот факт, что социально-исторические условия, в которых осуществлялась научная деятельность Ананьева, наложила определенные ограничения на решение им тех или иных вопросов. Некоторые из ограничений он сумел преодолеть.

Своеобразие концепции Ананьева отчетливее выступает при ее сравнении с психологическими системами, существующими в мировой психологической науке. Однако не эти линии анализа являются главными. Основная наша задача – эксплицировать тот фундаментальный вклад, который был внесен Ананьевым в отечественную психологию, а именно: он впервые в нашей науке создал теоретико-экспериментальное *психологическое* учение о человеке. Он ввел категорию «человек» в систему психологических понятий, включил человека в предмет психологии. В статьях, написанных о нем, представлены и развиты важные аспекты проблем психофизиологических функций индивида, психических процессов, личности, субъекта деятельности, жизненного пути человека и его развития. Но все эти изыскания подчинены одному – изучению человека во всей его целостности, образуемой многообразием способов бытия, – соматическо-органического, нейродинамического, психофизиологического, психологического, субъектно-деятельностного, личностного, уникально-индивидуального. Данные способы бытия исследованы в динамике, в развитии, в жизненных связях друг с другом.

В большинстве зарубежных психологических концепций, именуемых у нас «теориями личности», категория личности встречается не часто, в основном используется термин «человек». И это понятно, поскольку эти теории построены на основе психотерапевтической практики. К психотерапевту же приходит человек во всей полноте своих жизненных проявлений, с нарушенной психомоторикой, нейровегетативными симптомами и т. п. Но жалуется он на нарушенные отношения с близкими, трудные жизненные проблемы. Для психотерапевта нарушения вегетатики и психофизиологических процессов – лишь симптомы невроза. Его задача – устранить причину симптомов, психофизические основания здорового человека его не интересуют.

В нашей же стране психотерапия не получила надлежащего развития. А традиции комплексного изучения человека не только в патологии, но и в норме были заложены еще в 20-е годы в Ленинградском психоневрологическом институте. Там В. М. Бехтерев и Н. М. Щело-

ванов организовали клинику – лабораторию раннего детства. В ней был разработан и применен, как пишет Ананьев, комплексный метод длительного изучения одних и тех же детей на протяжении всего периода раннего детства. Уже в 1928 г. были опубликованы результаты исследований [10]. В этом же году Н. Н. Рыбников впервые высказал идеи о необходимости создания возрастной психологии – периоде зрелости или взрослости. Новую дисциплину он предложил назвать «акмеологией».

На теоретико-экспериментальную разработку Ананьевым фундаментального положения о воздействии общественно-исторического процесса не только на личностные особенности человека, но и на его индивидуальные-организмические характеристики оказали влияние работы П. Ф. Лесгафта, который, как подчеркивает Ананьев, обнаружил существенную зависимость изменения структуры и динамики человеческого организма от экономических условий и процесса труда. Обобщая позиции Лесгафта, он пишет, что человек всегда выступает как целостный организм и общественный индивид одновременно. Истоками учения Ананьева о жизненном пути человека и последовательном возникновении в процессе жизни разных свойств характера послужили исследования, проведенные группой ученых Ленинграда в 1932–1936 гг. К несчастью, рукописи, в которых были представлены результаты таких уникальных исследований, по словам Бориса Герасимовича, погибли при блокаде Ленинграда. Увидели свет лишь две книги Ананьева «Психология педагогической оценки» (1935) и «Воспитание характера школьника» (1941).

Анализируя состояние мировой психологической науки, Ананьев высказывает неудовлетворенность тем, что возникающие в XX столетии новые направления не руководствуются принципом целостности человека и исследуют разные его уровни вне связи их друг с другом. Так, онтогенетика человека, изучающая его как индивида, ведет исследования параллельно персоналистике, анализирующей человека как личность. В то же время в зарубежной психологии появляются теории, создатели которых стремятся изучить в динамике и единстве разные «системы» человека. В Венском психологическом институте Ш. Бюлер, начав сначала разрабатывать проблему интеллектуального развития детей, затем приступила к выполнению грандиозного замысла – изучению развития человека на протяжении всей его жизни. В 1933 г. вышла ее широко известная книга «Течение человеческой жизни как психологическая проблема» [23]. В ней Бюлер выделяет три аспекта изучения жизненного цикла человека – биологобиографический; историю переживаний и изменения внутреннего мира; историю творчества как объективации сознания. Однако эволюцию многоплановой жизни человека она рассматривает изолированно от преобразования общественно-исторических условий и не раскрывает отношений между фазами разных направлений развития человека, что и отмечает Ананьев.

На рубеже 30-х годов в Париже начали публиковаться лекции П. Жанэ, посвященные разным стадиям развития личности. Его анализ начинается с «телесной личности», на основе которой постепенно происходит формирование личности как общественно-исторического феномена. Историко-эволюционный подход Жанэ к личности, включающий в процесс ее становления ступени психофизиологического порядка, импонирует Ананьеву. Определяя 30-е годы как период самоопределения советской психологии, он обращает внимание на концепцию Л. С. Выготского и опирается на его положение о наличии двух рядов развития человека – «натурального» и «культурного». Для Ананьева натуральный ряд – это процесс созревания, роста человека как индивида (целостного организма). При этом в натуральном ряду он выделяет две его составляющих, отличающихся друг от друга по критерию разной подверженности социальным воздействиям. Так, развитие интеллектуальных процессов всегда опосредовано конкретными средовыми условиями и воспитанием. И только элементарные психические функции (натуральный ритм, личный темп, непосредственное запечатление и т. д.) обусловлены генетически. Однако быстрое сплетение этих составляю-

щих позволяет говорить, по словам Ананьева, о полифакторном обусловливании онтогенетической эволюции человека.

В обозначенном выше научном контексте Ананьев и начинает вводить в предмет психологии человека во всей его целостности. Однако следует сразу сказать, что характерный для Ананьева способ включения категории «человек» в систему психологических понятий имеет существенные ограничения. Этот способ необходим, но недостаточен для полного раскрытия масштабности существования человека в мире. Методологические основания более широкого подхода будут обозначены в заключении как перспективы разработки категории «человек» в психологии.

Итак, в теории Ананьева человек исследуется как полисистемное образование, в котором ученый выделяет разные ипостаси. Первая из них определяется как индивид или целостный организм. Индивидуальные свойства человека выступают в виде сложнейшей совокупности различных – первичных и вторичных свойств. К первичным относятся соматические, нейродинамические, конституциональные, половые характеристики. Возникающие между ними в процессе жизни связи ведут к появлению вторичных индивидуальных свойств – сенсомоторной организации, темперамента, структуры органических потребностей, а также задатков. Прослеживая их дальнейшую интеграцию, Ананьев приходит к выводу о том, что темперамент и структура органических потребностей образует природные основания характера и мотивации поведения человека [5, с. 82]. Есть, однако, основания сомневаться в том, что простые органические потребности могут стать источником высших духовных, нравственных, эстетических потребностей и мотивов личности. Не логичнее ли полагать, что в «природном ряду» человека существуют праформы его высших стремлений, проявляющиеся у входящего в жизнь человека как его тяготение к ласке, нежности, любви. Между тем наша отечественная психология (в том числе детская) главное внимание уделяла познавательной сфере человека. Лишь в самых поздних работах А. В. Запорожца и Я. З. Неверович проблема эмоций у детей получила определенное развитие. Психическая жизнь человека интеллектуализируется и до сих пор. Неудивительно, что преимущественное внимание к интеллектуальным процессам характеризует и теоретико-эмпирические исследования школы Ананьева. Изучение путей развития эмоций, аффектов, чувств человека позволяет выявить новые корреляционные связи в структуре индивидуальных свойств и раскрыть их влияние на становление других форм существования человека.

Выделяя в целостности человека уровень его существования как индивида, Ананьев называет линию его развития *онтогенетической эволюцией*. В психологии под онтогенезом часто понимают лишь ранний период жизни человека. Ананьев отказался от этой традиции: линия онтогенеза пронизывает всю жизнь человека. Исследователь должен изучать и ранний, и поздний онтогенез [5, с. 103), а также связи между ними. С онтогенезом связана возрастная и половая эволюция человека.

Уже на уровне индивидуально-онтогенетической эволюции проявляются основные закономерности всех путей человеческой жизни: фазность, стадийность, цикличность, периодичность, гетерохронность, одновременность появления определенных процессов («декалаж», по Пиаже), единство эволюции и инволюции и т. д. Все эти закономерности характеризуют движение человека и в новой плоскости его бытия – в качестве личности. Согласно Ананьеву, в становлении и развитии личности решающую роль играют общественные отношения: экономические, политические, правовые, национальные, расовые, классовые, профессиональные и др. Совокупность этих отношений выступает для личности как система социальных ожиданий, требований, предписаний, ограничений, но также как поле возможностей и альтернатив.

Рассмотрение личности как производной от системы социальных отношений выдвигает на первый план фундаментальную проблему «личность и общество», включающую

вопрос о том, представляет ли личность основной и исходный элемент общества, его самостоятельную единицу или она поглощается иными социальными образованиями. Решение Ананьевым этой проблемы отражает распространенную в прошлые времена идеологию, принижающую роль отдельной личности в социальной системе. Он пишет: «...личность как общественный индивид не есть отдельная (саморегулирующаяся) система, не есть единственный элемент общества, из совокупности которых строится и с помощью которых функционирует общество. Такой структурной единицей, «элементом» общества является не отдельный человеческий индивид с его отношениями к обществу, а группа, взаимноответственные связи которой внутри нее и между другими группами, с обществом в целом создают коллектив» [5, с. 295]. Можно предположить: подобная позиция Ананьева объясняется распространенным представлением о том, что общественные отношения резко отделены от межличностных. Поэтому Ананьев и утверждает: «Именно общности, а не отдельные личности являются субъектами общественных отношений» [5, с. 28]. Конечно, общественные отношения имеют высокую степень обобщенности. Они кристаллизованы в социальных институтах, в законах и установлениях общества. Но реализуются они *в межличностных отношениях*, в поступках отдельных людей, субъективирующих социальные связи и запечатлевающих в них свою неповторимую личность. Именно в «общественном индивиде», в саморегулирующейся личности создаются истоки новых общественных отношений, радикальных преобразований общества. Конечно, осуществление новых идей зависит от того, насколько глубоко они будут присвоены определенными общностями и станут мотивами их поведения.

Одной из главных тенденций развития отечественной психологии, ярко выраженной в ряде серьезных теоретических разработок, является акцент на значимость возрастающей индивидуализации для дальнейшей эволюции общества, вариативности основных элементов общественной системы – индивида, личности. Разрабатывая эволюционно-исторический подход к личности, А. Г. Асмолов весьма обоснованно доказывает, что именно «проявления индивидуальности личности преимущественно отражают эволюцию системы к изменению и, будучи преадаптивными по своему эволюционному смыслу, обеспечивают потенциальные возможности новых вариантов дальнейшей эволюции данной социальной системы» [9, с. 23]. Утверждение уникального места личности в обществе содержится и в концепции, постулирующей наличие двух способов существования социального – в форме общества и в форме индивидуального бытия конкретного человека [1]. Специфическая социальность индивида в широком смысле слова действительно является неисчерпаемым источником инноваций, радикальных преобразований общества. Тем самым отнюдь не уменьшается значение общностей, различных социальных групп. В условиях совместной деятельности и общения происходит встреча людей, обладающих неповторимым жизненным опытом и оригинальным сочетанием личностных свойств. Эти встречи усиливают уникальность каждого, но, конечно, способствуют и накоплению общего фонда ценностей.

Говоря о дискуссионности положений Ананьева, принижающих значимость отдельного автономного человека, индивидуальной формы бытия социального в жизни общества, отметим, что эти положения расходятся с выводами ученого о важной роли активности личности в преобразовании общественных отношений, с его определением личности как субъекта (и объекта) исторического процесса. Именно с этих позиций разрабатывает Ананьев проблему строения и социального функционирования личности. Но прежде обратимся к представлениям ученого о развитии личности, которые также требуют обсуждения.

Согласно Ананьеву, личность начинает развиваться позже, чем индивид, – на рубеже 3-х летнего возраста. В этом пункте его взгляды расходятся с позицией Э. Эриксона, который к периоду младенчества, завершающегося первым годом жизни ребенка, относит формирование самого фундаментального, исходного личностного новообразования человека –

его доверительного или недоверчивого отношения к социальному миру и к самому себе. Положение Эриксона подтверждается эмпирическими исследованиями и обосновывается теоретиками, работающими независимо от него [6]. Основания для подтверждения более раннего начала личности можно найти в работах М. И. Лисиной, которая обнаружила феномен самосознания – явно личностную характеристику – у детей уже на первом году жизни. Этапность развития личности Ананьев связывает прежде всего со сменой ее статусов и ролей, т. е. общественных функций. Определяемые ими права и обязанности, включение в общественные отношения обуславливают формирование у развивающегося человека различных социальных качеств, интегрирующих многообразие психических процессов и вносящих свой вклад в структуру личности. Представления Ананьева о структуре личности строятся на основе двух главных положений: 1) структура личности постепенно складывается в процессе ее социального развития и в своей полностью развитой форме является продуктом всего жизненного пути человека; 2) интраиндивидуальное строение личности тесно связано с интериндивидуальной структурой того социального целого, к которому принадлежит человек. В соответствии с принципом перехода «интер» и «интра» Ананьев многократно подчеркивает конкретно-историческую сущность личности. Она является продуктом своей эпохи и жизни страны [5, с. 276–277]. Исходя из этого положения, Ананьев и считает основополагающими элементами ее структуры статусы (или положение в обществе), определяемый ими образ жизни, а также исполняемые роли. Кроме того, в личностной организации ученый вычленяет субъективные, сознательные отношения личности к обществу, к миру и себе, взаимопроникающие смыслы и значения, мотивы, нравственные установки. С нашей точки зрения, есть основания полагать, что многообразные «образующие» личности относятся к разным ее структурам и даже к разным уровням развития человека. Статусы и роли – компоненты социологической ее организации, а в психологическом плане они образуют те уровни или части личности, которые П. Жанэ назвал «персонажем», а К. Юнг – «персоной», т. е. той стороной личности, которую человек демонстрирует обществу.

Если личность воспринимает себя лишь в узких рамках статуса и ролей и ведет жизнь только в их границах, то она обедняет возможности своего развития. Утрата положения в обществе, привычных ролей нередко приводит к деперсонализации человека, к потере чувства самостождественности. Человек должен быть готовым к изменению места в социуме, овладению новыми ролями. К счастью, у многих людей существует потребность хотя бы временно погружаться в такие жизненные ситуации, в которых их общественное положение утрачивает всякое значение. Вспомним поведение ряда героев из кинофильма «Особенности национальной охоты», образ жизни в группах альпинистов и т. д. У участников подобных групп меняется структура сознания, самооценка, личность выступает новыми гранями. Пространство жизни расширяется. Вместе с тем нельзя недооценивать значимость социальных требований для развития у личности самоопределения, присвоения себе определенных статусов и ролей. В процессе социальной ориентации человек опробует свои возможности, соизмеряет тенденции и потенции, ищет ответ на вопрос «Кто я?». Разрабатывая учение о кризисе идентичности в эпоху юности, Э. Эриксон показывает, с какими трудностями сталкивается человек в преддверии самостоятельной жизни. Преодоление диффузности ролей – важнейшее условие перехода личности на новую стадию развития. Ананьев существенным образом дополняет характеристику периода ориентировки юного поколения в общественном мире. Дело в том, что эта ориентировка не сводится к выбору общественных функций. Как пишет Ананьев, социальная среда отнюдь не задает многие компоненты статуса: *они производятся самой личностью в процессе деятельности* ([5, с. 287], курсив мой. – Л. А.). Личность, следовательно, жестко не детерминирована структурой общества. Она своей активностью сообщает особое движение системе социальных связей, и в этом сози-

дании начинают намечаться контуры ее внутреннего мира, определенные позиции, берут истоки характерологические свойства.

И далее, наметив пути развития личности, Ананьев на новом витке своей мысли возвращается к проблеме развития человека как целостности. В процессе своего становления личность сообщает специфическое движение индивидуальным свойствам человека, преобразует их, способствуя их связям, которые многократно опосредуются социальными качествами личности. В результате организация личности включает в себя и структуру индивида в форме наиболее общих и актуальных для жизнедеятельности и поведения комплексов органических свойств [5, с. 305]. В свою очередь, индивидуальные изменения – возрастные и половые – выступают как факторы, влияющие на судьбу личности. Индивидуальные свойства определяют своеобразие последовательно формирующихся у личности коммуникативных, интеллектуальных, волевых, эмоциональных, рефлексивных свойств. В их формировании важнейшая роль принадлежит еще одной ипостаси человека – субъекта деятельности. Нельзя не указать на трудности, которые возникают при попытке разведения понятий «субъект» и «личность».

Ананьев считает, что субъект – всегда личность, а личность – субъект, но все же содержание этих понятий никогда полностью не совпадает. «Личность» релевантна общественным отношениям, а «субъект» – деятельности. В рамках данной концепции некоторые основания для разведения этих понятий действительно есть. Так, человека как личность определяет его принадлежность к той или иной расе, национальности, конфессии. В трудовой деятельности эти обстоятельства малозначимы. И все же причастность личности к определенному вероисповеданию или нации предполагает ее участие в обрядовых, культовых действиях. Эти трудности выразились в парадоксальном тезисе Ананьева, который акцентирует важнейшую роль личности в обществе: свою концепцию человека как субъекта деятельности он предваряет следующим положением – личность есть объект и субъект исторического процесса, объект и субъект общественных отношений, субъект и объект общения, субъект общественного поведения – носитель нравственного сознания [5, с. 86].

И все же, несмотря на некоторую диффузность понятия субъекта, основательная разработка этой проблемы Ананьевым в 50-60-е гг. XX столетия была значительным вкладом в отечественную психологию. В структуре ее методологии, теории и экспериментальной части образовался пробел, не заполненный и в наши дни: в категориальной системе психологии на протяжении нескольких десятилетий центральное место занимало понятие деятельности. Но при этом деятельность, как подчеркивает Ананьев, присоединяясь к позициям В. Н. Мясищева, изучалась в отрыве от деятеля. Между тем основания субъектного подхода были заложены в отечественной психологии работами С. Л. Рубинштейна, относящимися еще к 40-м годам, но прошло почти четверть века, прежде чем этот подход получил продвижение в исследованиях некоторых его учеников. Эти исследования органично вливаются в движение мировой психологической мысли. Крупными психотерапевтами и персонологами человек определяется прежде всего как субъект – иницирующее, креативное начало во взаимодействии с обществом, жизнью, миром, самим собой.

Адлер в индивидуальной психологии широко пользуется понятием субъекта, субъекта жизни. Даже своих пациентов он рассматривал как субъектов позитивной перестройки их личностей. Психотерапевт лишь подводит человека к осознанию необходимости самоизменения. Эриксон показывает, как личность постепенно создает себя своими выборами и начинает обогащать, изменять общество и даже задавать новое направление его историческому развитию. Субъектное качество человека образно выражает Фромм, определяя личность как единство мрамора и скульптора. Но эти ученые в большинстве своем не восходят от абстрактного рассмотрения человека – субъекта к его конкретной определенности.

Ананьев же пытается наполнить психологическим содержанием понятие субъекта. Прежде всего он выделяет множество форм активно-деятельного отношения человека к

миру – таких, как игра, учение, труд, боевая и спортивная деятельность, познание, общение, управление людьми, самодеятельность. Соответствующие им понятия входят в самую широкую категорию – общественное поведение. Динамике деятельности соответствует и динамичная структура ее субъекта. В ней выделяются: формирование замысла, постановка целей, выработка программ поведения и планов действий, выбор стратегий и тактик, проектирование будущего продукта деятельности, сопоставление полученного результата с антиципированным. Необходимыми условиями продуктивной деятельности выступают интеллект, воля и способности. Эти компоненты связывают структуру субъекта со структурой личности. Начав разрабатывать проблему субъекта деятельности, Ананьев поставил перед психологией много интереснейших задач. Вот лишь немногие из них. Предстоит выяснить своеобразие психологической структуры субъектов разных форм деятельности. Исследования в этой области помогут обогатить представления о психологическом функционировании субъекта деятельности. Еще более актуальной выступает проблема развития человека как субъекта и личности в ситуациях «со-действия», практического взаимоотношения с другими людьми. Вспомним концепцию Д. Б. Эльконина, согласно которой меняющаяся структура деятельного общения растущего человека с социальным окружением выступает генеральной линией его развития как личности. На высокую значимость для социально-психологического развития человека окружающих его людей обратил внимание А. Бандура [22]. В число важнейших форм деятельности он включил подражательную деятельность и создал концепцию научения путем наблюдения за действиями и результатами действий других людей. Действительно, наблюдение и подражание – важнейшие формы активности человека в процессе всей его жизни. Актуальность проблемы подражания как фактора становления человека-творца неоднократно подчеркивалась Б. Ф. Ломовым в профессиональных беседах с психологами ИП РАН.

Завершая анализ феномена «субъект», Ананьев вновь обращается к принципу целостности человека. Линия жизни человека в качестве субъекта существенно влияет на его онтогенетическую эволюцию, развитие психофизиологических функций (напомним о факте их двухфазного развития), совершенствование психомоторики, образование новых связей между разными свойствами организма. В свою очередь, особенности онтогенеза сказываются на судьбе субъекта деятельности.

Принцип целостности достигает своего апогея при выделении Ананьевым наиболее интегрированной ипостаси человека – его индивидуальности.

Но индивидуальность – довольно поздний результат жизненного пути человека. Поэтому целесообразно сначала обсудить решение Ананьевым проблемы движения человека по «дорогам» его жизни. Особенности подхода к этой проблеме нашего отечественного ученого отчетливее выступают при сопоставлении его позиций с концепциями зарубежных психологов. Понятия жизненного пути, ведущей линии жизни, жизненных целей и планов занимают важное место в работах Адлера. Но он оставляет в стороне вопросы, находящиеся в центре внимания Ананьева. Они касаются членения жизненного пути, событийного его содержания, детерминации поворотных пунктов. Основательную разработку проблема «хода (или движения) человеческой жизни» получила в работах Бюлер. Вопрос о стадийности был одним из центральных в ее теории. Вся жизнь человека она рассматривала как последовательность разных форм реализации присущего индивидууму стремления к самоисполнению. Начало собственного жизненного пути человека Бюлер связывала с моментом его самореализации путем продуктивной деятельности. В ее концепции движение жизни человека выступает как детерминированное заложенными в нем возможностями, динамичными тенденциями, способностями. Ананьев высоко оценивал многомерный подход Бюлер к психологической эволюции личности. Особенно его привлекало изучение биолого-биогра-

фического аспекта жизненного пути. В ее концепции, однако, не был реализован принцип социально-исторической обусловленности жизни личности.

Ананьев же подчеркивал, что человек, осуществляя свой жизненный путь, фундаментальным образом вписывает себя в общественно-историческое пространство своей эпохи, жизни страны. Для него историческое время есть «фактор первостепенной важности для индивидуального развития человека. Все события этого развития (биографические даты) располагаются относительно к системе измерения исторического времени» [5, с. 154]. В наши дни такие положения формулируются многими представителями мировой психологической мысли как выводы из масштабных эмпирических исследований и входят в основание их теорий. Тезис Ананьева о том, что лишь новейшая психология обнаруживает глубокое проникновение исторического времени во внутренние механизмы индивидуально-психологического развития, образует одну из важных тенденций поступательного движения современной психологической теории. Детерминация появления новых структур личности, изменения ее организации в результате вхождения человека в новые «социальные воды» эмпирически показана в генетической теории личности Эриксона. Но этот ученый исследовал влияние изменений лишь самых общих условий человеческого существования на последовательность личностных новообразований.

В отличие от него, современный немецкий психолог Х. Томе, сочетающий лонгитюдный и психобиографический методы, показал на огромном эмпирическом материале, как преломляются в переживаниях и поведении людей конкретно-исторические изменения жизни общества. Предельно наполненной личными событиями, неизгладимыми впечатлениями оказалась жизнь людей в переломные кризисные эпохи – в период первой и второй мировых войн, в годы пришествия к власти нацистов, во времена экономического кризиса и «экономического чуда». В новейших исследованиях, выполненных под руководством Х. Томе и У. Лер [24] и касающихся представленности в менталитете жителей ГДР факта объединения Германии, интересную конкретизацию получает вывод Ананьева о неоднозначном влиянии на сознание людей исторических событий. Обнаружилось, что у многих граждан ГДР сложилось представление о жителях ФРГ как о людях с чувством превосходства, общение с которыми будет затруднительным. У некоторых групп представителей восточных областей социальный «поворот» (Wende) породил новые «темы» бытия, т. е. новую направленность жизни, иные ценностные ориентации; у других изменилась структура «тем». Были и такие, у которых «поворот» не вошел в число значимых событий. Исследования сознания людей в нашем кризисном обществе начинают проводиться и отечественными психологами [12, 17, 18].

Ананьев, анализируя жизненный путь, выделяет в нем периоды подготовки, старта, стабилизации, первой кульминации (или «пика»), временного спада, второй кульминации (или подъема), за которой следует усиление инволюционных процессов и финиш. Ученый предупреждает, что проблема стадийности жизненного пути очень трудна ввиду многомерности жизни человека и что выделенные им стадии более характерны для судьбы субъекта деятельности. Но вместе с тем в состав каждой стадии вплетены изменения статусов и ролей, возникновение новых ценностных ориентаций, обретение человеком новых идеалов, переосмысливание субъективных отношений к миру и т. д. Хорошо известны слова Ананьева о том, что определить моменты смены стадий можно лишь путем сопоставления сдвигов по многим параметрам социального развития человека – гражданского состояния, экономического положения, семейного статуса, согласованности или разобщенности социальных функций, осуществленности или неосуществленности жизненных планов и т. д. [5, с. 161–162]. Но трудной оказывается и психологическая расшифровка каждой из стадий, особенно «подготовительной». Как указывает Ананьев, функцию подготовки выполняют институты обучения и воспитания. Они определяют цели формирования у человека цен-

ных для общества и индивида свойств, помогающих ему стать субъектом общественного поведения и профессиональной деятельности. С этих позиций Ананьев полностью присоединяется к учению А. С. Макаренко о необходимости социального проектирования личности. Поскольку же личность, как пишет Ананьев, всегда конкретно-исторична и выступает продуктом своей эпохи и жизни страны, то «проектирование» должно ограничиваться рамками конкретного периода жизни общества. Однако мысль Ананьева сумела подняться над шаблонами педагогики и идеологии того времени. Выдвинутое им положение весьма актуально для наших дней. Оно гласит, что необходимо подготавливать людей будущего, которые обладали бы весьма пластичной организацией, были бы готовы к изменениям в мире, к активному творческому преобразованию действительности [5, с. 98]. Это положение, однако, недостаточно для определения основного содержания раннего периода жизни человека. Подготовка к самостоятельной жизни, которая осуществляется институтами обучения и воспитания, – лишь часть тех необычных жизненных миров, в которых дети и подростки приобретают свой уникальный опыт.

Многие психологи справедливо подчеркивают, что для обозначения личностных новообразований на ранних стадиях жизненного пути в науке не существует адекватных понятий, поэтому они прибегают к терминам, заимствованным из психологии взрослости. Но дело не столько в чертах личности или характера. Задача заключается в выявлении *своеобразного строения жизненных миров подрастающих людей*. В их «вселенной» мельчайшие грани окружающего наполнены одинаково высокой значимостью. Поэтому поразительная детализированность восприятия не мешает видеть мир физиогномически, целостно. Как же меняется образ мира у человека на разных стадиях жизни? Эта проблема по-существу обозначена Ананьевым. Характеризуя внутренний мир человека, он выделяет в нем «сюжеты», «портреты», «пейзажи» и т. п. В их содержании окружающая действительность представлена так, как ее переживает субъект. В состав образа мира входит и «субъективная картина жизненного пути». В наши дни отечественные психологи весьма содержательно начинают разрабатывать проблему «образа мира» [12, 17, 18]. Она является частью более обширной проблематики «жизненных миров» людей, находящихся на разных уровнях их личностного развития и разных фазах жизненного цикла. Очень интересны работы, раскрывающие своеобразие образов мира у представителей разных профессий (Е. А. Климов).

Характеризуя жизненный путь, Ананьев стремится выделить некоторые целостные его качества, определяемые устойчивыми свойствами субъекта индивидуальной истории. К таким свойствам относится талант – единство способностей и воли. Поэтому есть основания говорить о мере талантливости жизненного пути (см. также [15]). Конечно, предстоит еще выделить критерии талантливости жизни, определить связь талантливости со степенью удовлетворенности ею. Предстоит выяснить, как соотносятся идеи о талантливости жизни с учением Фромма об искусстве жить. Вклад в проблему выявления целостных качеств жизни внесен К. А. Абульхановой. В качестве важнейшей характеристики стратегии жизни она выделяет меру ее этичности [1, с. 244, 245].

Ананьев со своими сотрудниками выявляет не только общие закономерности психологического развития человека на протяжении жизненного пути. В числе немногих отечественных психологов он осуществил изучение периодов взрослости и старости. Несмотря на то, что многие исследования, касающиеся динамики познавательных процессов, связаны с определенным возрастом, взрослость выступает у Ананьева скорее как период социально-психологической зрелости человека. На этой стадии «история является не только фоном и канвой для узоров биографии, но и основным партнером в жизненной драме человека» [3, с. 125]. Появляющееся у личности «чувство истории» определяет, насколько события общественной жизни изменяют внутренний мир и общественное поведение человека. Стадия взрослости – это время наиболее интенсивного развития нравственных и эсте-

тических чувств. Отличающие этот период высокая активность и продуктивная деятельность противостоят инволюционным изменениям. Школа Ананьева стала центром изучения заключительного этапа жизненного пути. В геронтопсихологических исследованиях Б. Г. Ананьева, М. Д. Александровой и их учеников выявлены фазы геронтогенеза, раскрыта динамика творческой продуктивности в поздние годы, осуществлен индивидуальный подход к процессу старения [2]. Психологи обосновывают оптимистический взгляд на поздний период жизни. Даже достигнув финиша, человек, согласно Ананьеву, отнюдь не исчерпывает свои возможности [5, с. 161]. Эта позиция совпадает с положениями Фромма, который, подчеркивая безграничность потенциальностей развития личности, пишет: «Человек умирает прежде, чем успевает полностью родиться» [21]. Фромм в этом факте видит трагичность человеческого существования. Но не более ли трагичным стало бы осознание человеком своей полной исчерпанности? Незавершенность – скорее счастливый удел личности, условие ее продолжения в следующих поколениях.

Согласно Ананьеву, сохранность личности в поздние годы зависит от уровня ее социальной активности. Если человек не потерял живую связь с современностью, продолжает выполнять какие-то общественные функции, у него не происходит деформации личности. В наше время особую значимость обретает положение Ананьева о том, что даже в условиях общественных катаклизмов человек и в поздние годы выступает субъектом своих отношений с миром и может найти новые пути включения в жизнь общества. Как показывают современные геронтопсихологические исследования, содержательность жизни старых людей зависит во многом от их активности в качестве субъектов общения, стремящихся расширить масштаб своих связей с другими людьми. В настоящее время геронтопсихологическая проблематика находит свое продолжение в исследованиях, ведущихся на факультете психологии МГУ, в Институте психологии РАН и других научных центрах [7, 8, 11, 14].

Во всей своей целостности жизненный путь человека выступает как особая форма существования общественно-исторического процесса. В этом качестве он сильнейшим образом влияет на онтогенетическую эволюцию человека, его индивидуальные свойства. Общественные условия играют, по словам Ананьева, роль стимуляторов, стрессоров, депрессоров и катализаторов в функционировании физико-химических, физиологических, психофизиологических процессов. Жизненный путь может даже маскировать нейродинамический тип человека за счет его характера и творческой активности [5, с. 209]. В результате процесс онтогенеза все более индивидуализируется и вносит свой вклад и появление новой ипостаси человека – его индивидуальности. Возникновение феномена индивидуальности в процессе развития человека постулируется в концепциях ряда западных психологов. Так, Юнг выделяет два крупных периода в поступательном движении личности. Первый из них характеризуется преобладанием процессов социализации. Завершается он, как правило, тяжелым кризисом, который Юнг наблюдал у своих пациентов и в возрасте 38 лет пережил сам. Из мучительного критического состояния он вышел с ясным сознанием своего дальнейшего пути. После длительного перерыва начали быстро появляться его оригинальные труды, исчезли кошмары. Начался второй период жизни, который Юнг назвал индивидуацией и описал как процесс обретения личностью Себя, своей уникальности. «Механизм» индивидуации Юнг наименовал «трансцендентной» функцией. По мнению психолога, человек с ее помощью проникает в глубины личного и коллективного бессознательного, содержание которого извлекается на поверхность психической жизни и интегрируется с осознаваемым опытом. Индивидуация, таким образом, осуществляется целиком во внутреннем мире человека.

В концепции Ананьева интегративность также выступает как самое важное свойство индивидуальности: происходит синтез и гармонизация характеристик человека как индивида, личности и субъекта деятельности. Однако сам по себе процесс интеграции вряд

ли может быть достаточным условием появления индивидуальности. Необходимы множественные новообразования в пространстве личности и субъекта деятельности. Человек должен извлечь опыт из своего жизненного пути, отвергнуть как чуждые навязанные ему определенные позиции, взгляды. В результате прежняя организация его психической жизни разрушается. Но к этому времени у него уже оказываются сформированными рефлексивные характерологические свойства, с помощью которых он и начинает выстраивать свою индивидуальность. В процессе рефлексии происходит гармонизация замыслов и возможностей человека, его потенций и тенденций. Возникшая таким образом индивидуальность обладает, согласно Ананьеву, особой организацией. Центральную ее область занимает внутренний мир, который включает «Я» человека, его мировоззрение, ценностные ориентации и т. д. Его замкнутый контур регулирует все свойства человека и выступает психологическим барьером, определяющим, по Ананьеву, избирательное отношение субъекта к различным воздействиям. Замкнутая система «встроена», как выражается Ананьев, в открытую систему постоянного взаимодействия человека с окружением. Ведущей во взаимодействии является созидательная, творческая деятельность, которая реализует все великие возможности исторической природы человека [5, с. 329]. Иными словами, для Ананьева «трансцендентной функцией» выступает не погружение личности в бессознательное, а выход его за пределы себя путем созидания. Индивидуальность, как подчеркивает Ананьев, заключается в продуктах творческой деятельности, изменяющей окружающую действительность [5, с. 328].

Исключает ли, однако, созидательная активность необходимость проникновения субъекта в бессознательный пласт своей душевной жизни? Современные исследования интуиции, имплицитных теорий окружающего показывают, какую важную роль играют неосознаваемые процессы в выстраивании человеком всей своей жизни. Анализ решения Ананьевым проблем индивидуальности требует обсуждения некоторых дополнительных вопросов.

Индивидуальность, с точки зрения ученого, достаточно позднее образование в жизни человека. Означает ли этот факт, что личность, субъект деятельности до определенного момента лишены качества уникальности? Если растущий человек ординарен, «усреднен», он и в своем неповторимом жизненном пути воспримет лишь общепринятое, шаблонное. Ананьев отвергает такую позицию. Он убежден, что индивидуальностью в определенной мере с самого начала обладает каждый человек. Индивидуальность, по Ананьеву, это условие обучения и воспитания, но также и продукт педагогических воздействий.

В таком случае, какие стадии, предшествующие моменту порождения человеком уникального вклада в общество, можно выделить в становлении индивидуальности? Другой вопрос выступает как продолжение первого. В каком направлении продолжается развитие человека после обретения качества интегрированной и созидательной индивидуальности? Ананьев не успел наметить решение этих проблем. В какой-то мере о судьбе «индивидуальности» можно судить по результатам ее продуктивной деятельности или – шире – по особенностям генеративности, порождающей активности. Но, как справедливо заметил С. Л. Рубинштейн, человек, который полностью исчерпывает себя в том, что им создается, – неинтересен как личность. *Движение внутреннего мира субъекта опережает созданное им.* Проблема индивидуальности остается одной из самых значительных для детской и общей психологии, для науки о личности.

Итак, мы обсудили (хотя бы частично) оригинальную психологическую концепцию человека, разработанную Б. Г. Ананьевым. Человек в ней выступает системообразующим основанием предмета психологии. В статье обозначен основной способ введения Ананьевым человека в психологическую науку. Ученый наполнил научным содержанием образные, распространенные в психологии выражения такого типа: «черты характера (или, скажем, убеждения) буквально врастают в плоть и кровь человека». Ананьев подобные метафоры превратил в психологическую реальность. В целостности человека он выделил систему его

индивидуальных свойств – от биохимических до психофизиологических. Возрастные и гендерные их преобразования в жизненном цикле получили название «онтогенетической эволюции».

Ученый вычленил и другие формы бытия человека – в качестве личности, субъекта деятельности и индивидуальности. На основе многолетних масштабных теоретических и эмпирических исследований он вместе со своими сотрудниками и учениками обосновал факт взаимопроникновения и взаимовлияния индивидуального и личностно-субъектного, онтогенетической эволюции и жизненного пути человека. Основную систему координат для изучения человека Ананьев вначале разместил в конкретных социально-исторических условиях, в пространстве определенного общества, в жизни данной страны.

Ананьеву удалось показать, как эта конкретно-историческая действительность, многократно опосредуясь, обуславливает жизнь человека вплоть до уровня его онтогенетической эволюции. Но основания новой методологии начали намечаться им, когда он подступил к созданию теории индивидуальности человека: не только как интегрированного единства разных «ипостасей», но как создателя уникального вклада в развитие других людей, в поступательное движение общества. Этот вклад может быть очень невелик, но без него окажется незавершенной основа для крупных творений. Действительно же значительные вклады в общественную жизнь оказываются всегда значимыми для всего человечества. *Потенциальная соразмерность человека и мира становится действительностью его бытия.* В детерминацию жизни людей входят события, происходящие в пространстве всего человечества. Именно в этой «вселенской» системе координат обнаруживаются «великие возможности исторической природы человека». Можно предполагать, что жизнь в координатах мира обуславливает формирование у человека новой ипостаси, более масштабной, чем система «индивидуальности». Отдельным индивидуумом она переживается как чувство общности с жизнью всех людей на земле, как ответственность за их судьбы. Трудно найти обозначение для такого образования, интегрирующего жизнь людей с прошлым и будущим человечества. Может быть, адекватным здесь станут термины «всеобщность» и «трансцендентность».

Литература

1. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Наука, 1991.
2. Александрова М. Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии. Л., Изд-во ЛГУ, 1974.
3. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М.: Педагогика, 1980.
4. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
5. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
6. Анцыферова Л. И., Мамчур Е. А. Рецензия на книгу К. В. Уилкса // Философ. Науки, 1991. № 5. С. 183–186.
7. Анцыферова Л. И. Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? // Психол. журнал. Т. 15. 1994. № 3. С. 99–105.
8. Анцыферова Л. И. Поздний период жизни человека: типы старения и возможности поступательного развития личности // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 6. С. 60–71.
9. Асмолов А. Г. Историко-эволюционный подход в психологии личности. Дисс... докт. психол. наук. М., 1995.
10. Бехтерев В. М., Щелованов Н. М. К обоснованию генетической рефлексологии // Новое в рефлексологии и физиологии нервной системы. Т. I. ГИЗ, 1928.
11. Бороздина Л. В., Молчанова О. Н. Самооценка в возрасте второй зрелости // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1996. № 4.

12. *Знаков В. В.* Психологический портрет участника войны в Афганистане: в массовом сознании // Психол. журнал, 1991. № 6. С. 26–39.
13. *Климов Е. А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во МГУ, 1995.
14. *Краснова О. В.* Адаптация пожилых людей к современной социальной ситуации. Дисс... канд. психол. наук. М., 1996.
15. *Логинова Н. А.* Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопр. Психологии, 1985. № 1.
16. *Логинова Н. А.* Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978.
17. Психология личности в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 1993.
18. Российский менталитет (психология личности, сознания, представления). М.: ИП РАН, 1996.
19. *Рыбалко Е. Ф.* Проблемы индивидуального развития человека в трудах Б. Г. Ананьева // Вопросы психологии, 1977. № 6.
20. *Рыбалко Е. Ф., Кулешова Л. Н., Прохоренко Т. Н., Балакшина Ж. А.* Интеллектуальный потенциал в разные периоды жизни человека // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 1996. Вып. 2.
21. *Фромм Э.* Человек для себя // Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.
22. *Bandura A.* Social Foundations of Thought and Action // A Social Cognitive Theory. Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, New Jersey, 1986.
23. *Büehler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem. Leipzig. 1933.
24. *Thomae H.* Das Individuum und seine Welt. 3., erweiterte und verbesserte Auflage. Hogrefe. Verlag für Psychologie. Göttingen. Bern. Toronto. Seattle. 1996.

Глава 5. О теории личности в работах Курта Левина

Курт Левин является одним из ведущих представителей Берлинской школы гештальт-психологии. Он впервые с позиций гештальт-психологии занялся экспериментальным изучением различных сторон личности – мотивации поведения, потребностей, эмоций и т. п. Эти эксперименты, развернувшиеся с 1921 г. и регулярно публиковавшиеся в журнале «Психологише форшунг» – органе гештальт-психологии – образовали целый этап в истории психологии. Экспериментальные исследования вскрыли ряд особенностей динамики личности, не укладывающихся в рамки ассоциативной психологии, и убедительно доказали необходимость создания новой теории личности, которую и попытался создать Курт Левин. В настоящее время теория Курта Левина является одной из наиболее влиятельных теорий личности в американской психологии. Очень большое влияние эта теория оказала на гештальт-бихевиористическую систему Толмана, которая в своем последнем варианте принципиально ничем не отличается от теории К. Левина.

Несомненной заслугой К. Левина является создание интересной и важной проблематики экспериментального изучения личности, интенсивно разрабатываемой в настоящее время американской социальной психологией. Сюда относятся исследования влияния успеха и неудачи на поведение личности и изыскание средств устранения отрицательного влияния неудачи на уровень достижений личности, исследования условий принятия личностью извне поставленных целей, изучение влияния ближайших и отдаленных целей на уровень достижения личности и т. п.

Первым положением, которое Левин выдвинул против ассоциативной психологии, было положение о том, что ассоциации не являются движущей силой психической деятельности. Ассоциации, несомненно, существуют, но они не имеют внутри себя никакой движущей репродуцирующей силы и функционируют под влиянием систем напряжений, возникающих в результате физиологических и социальных потребностей. Второй член ассоциации актуализируется, по мнению Левина, не потому, что оказался оживленным первый член, но в силу появления потребности, на основе которой была образована данная ассоциация. Это положение Левин доказал экспериментальным путем [7], направив его против тезиса Аха о существовании детерминирующих и ассоциативно-репродуцирующих тенденций. Всякая тенденция репродуцировать, заключает Левин, есть детерминирующая тенденция, возникающая в результате инструкций или самоинструкций испытуемых, выполняющих функцию потребностей и создающих системы напряжений. В опытах Аха конфликт был не между репродуцирующей и детерминирующей тенденциями, но между двумя детерминирующими тенденциями.

Это положение Левина, направленное против механистического понимания ассоциаций, правильно отразило тот важный психологический факт, что всякая ассоциация образуется лишь на основе некоторой потребности индивида, которая вызывает определенную деятельность, направленную на удовлетворение этой потребности в широком смысле слова. Такими потребностями, как показали последующие эксперименты К. Левина, являются не только органические потребности: всякое намерение представляет собой некоторый род потребности и ведет к возникновению системы напряжения, которая вызывает деятельность, направленную на выполнение этого намерения, и разрядку напряжения.

Для изучения динамики взаимоотношения разных систем напряжения и различных форм деятельности Куртом Левином был проведен ряд экспериментов по следующей методике. Взрослым и детям предлагалось решить задачу, выполнить интересующее их задание. Когда испытуемый принимался за выполнение задания и увлекался своим занятием, его деятельность прерывалась экспериментатором и, в зависимости от цели исследования,

либо давалось иное задание, либо через некоторое время предоставлялась возможность вернуться к прерванной деятельности. Смысл этой методики заключался в следующем: намерение выполнить первое задание, по мысли Левина, создавало у испытуемых определенную потребность («квазипотребность»), вызывавшую систему напряжений, которая должна была разрядиться в деятельности, направленной на достижение поставленной в задании цели. В результате торможения деятельности напряжение не может разрядиться. Стремление его к разрядке должно проявиться, по предположению Левина, либо в возобновлении (при первой возможности) прерванной деятельности, либо в выполнении иной, замещающей деятельности. В опытах Овсянкиной [19, с. 302], действительно, было показано, что испытуемые, будучи прерваны экспериментатором, возобновляют деятельность и оканчивают задание без каких-либо указаний со стороны экспериментатора. Но будут ли возвращаться испытуемые к первоначальному заданию, если после перерыва им будет предложено выполнить иное задание, отличающееся от первого либо характером цели, либо способом достижения сходной цели? Эти вопросы исследовались в опытах Лисснер [15]. В качестве основных задач она предлагала испытуемым выполнить ряд заданий такого рода: выложить из цветных плиток фигуру человека; складывая лист бумаги, сделать модель корабля; вылепить из пластилина фигурку животного; перевести с французского на немецкий какой-либо текст и т. п. В замещающих задачах менялась либо цель, либо способ достижения сходной цели. Замещающие задачи подбирались как более легкие, так и равные по трудности основным. Например, когда испытуемый начинал лепить из пластилина фигурку какого-нибудь животного, его прерывали и просили облепить сверху пластилином металлическую фигурку животного (легкая задача), или вылепить изображение другого животного (задача равной трудности) или, наконец, вырезать фигурку животного из цветной бумаги (замещение способа выполнения). Эксперименты показали, что сама по себе тождественность основной и замещающей задач не играет существенной роли (после выполнения задания вырезать фигурку животного из цветной бумаги испытуемые возобновляют лепку фигурки из пластилина), зато большое значение имеет степень трудности задачи – чем труднее задача, тем больше ее замещающая значимость.

В ряде других экспериментов (Малер [17], Слиосберг [20], Дембо [2]) было показано, что чем сильнее потребность, тем труднее поддается она разрядке через другие формы деятельности, что замещающие действия часто возникают спонтанно при решении очень трудных задач и что действия в реальном плане имеют большую замещающую значимость, нежели действия в плане мышления и речи.

Этот цикл исследований и послужил основой для создания Куртом Левином своеобразной теории личности. Эта теория, однако, не объясняет, а лишь описывает экспериментальные факты, включая их в специфическую феноменалистическую систему понятий.

Основной метод описания психики, разработанный Куртом Левином, это метод графического наглядно-пространственного изображения «психического мира» – личности и ее окружения в их феноменальной данности самому субъекту в настоящий момент. Курт Левин посвящает много страниц защите этого графического метода, доказывая, собственно, очевидную и неоспоримую вещь, что графики и схемы в научном исследовании полезны и не могут быть заменены только лишь словесным описанием. Соглашаясь с этим, нельзя, однако, забывать основного: *что* и *как* изображается в схеме. Ведь графическое изображение – это определенный способ анализа явлений, требующий выбора специфических единиц анализа и способа связывания элементов анализа. В этом выборе «что» и «как» отчетливо проявились основные недостатки гештальт-подхода к психике: смешение объективной реальности и явлений психики (точнее, замена объективной реальности феноменальным миром, интроспективной данностью), отрицание роли практической деятельности субъекта,

направленной на внешнюю среду и формирующей психику и личность человека через активные изменения условий деятельности.

Эти черты проявляются сразу же при рассмотрении двух основных элементов схемы Курта Левина. Этими элементами являются личность и ее окружение, составляющие вместе так называемое жизненное пространство индивида. Но было бы ошибочно предполагать, что под окружением личности Курт Левин понимает объективную реальность, физический мир. Окружение – это феноменальный мир, который лишь частично напоминает объективный мир; этот последний называется Куртом Левиным «чуждой областью». Выделение «психологического окружения», разумеется, правомерно, если под ним понимать отражение настоящих или прошлых ситуаций. Это отражение может значительно различаться от индивида к индивиду, и два человека, находящиеся в физически одинаковых условиях, психологически могут быть в совершенно различных ситуациях. Но Курт Левин в своем анализе поведения человека то смешивает объективный мир с психологическим окружением, то полностью их разрывает, делая психологическое окружение, являющееся, по существу, отражением объективного мира, непреодолимой преградой между человеком и объективным миром. И «личность» и «психологическое окружение» являются лишь двумя частями психики человека, двумя частями психологического жизненного пространства.

В своем анализе структуры личности Левин использует понятия топологии – отрасли математики, части геометрии, исследующей свойства форм и взаимного расположения фигур, т. е. свойства, не зависящие от размеров. Топология, однако, не включает понятий расстояния и направления, играющих важную роль в психологии Курта Левина, и потому последний дополнил топологию годологией (от греческого *hodos* – путь) или наукой о путях, понимаемых не физически, а психологически.

Личность схематически изображается Левином в виде круга, включенного в эллипс – «психологическое окружение»; круг состоит из ряда областей или клеток. Рассматриваемые с точки зрения влияния извне, клетки группируются во внешние слои, имеющие общую границу с окружностью, и внутренние слои, менее проницаемые для влияния извне. По отношению к изменениям внутри личности различаются центральные слои, которые легко влияют на другие клетки и сами легко поддаются влиянию из разных областей личности, и периферические, менее доступные влияниям других клеток.

Кривые, ограничивающие отдельные клетки или области, изображают собой барьеры между этими областями. Эти барьеры могут быть толще или тоньше в зависимости от степени сообщаемости отдельных клеток. По своему содержанию отдельные области представляют собой потребности, квази-потребности, желания и стремления личности. Личности различаются по степени дифференциации структуры, а также по типу дифференциации: одни области могут быть сильнее развиты, чем другие. Кроме того, личностные характеристики определяются легкостью, с которой могут меняться структуры, а также степенью гибкости и мягкости психического материала.

Под влиянием различных потребностей вся система личности постоянно находится в состоянии напряжения различной силы. Это напряжение может распространяться из одной области личности на другие. В том случае, если удовлетворение потребности невозможно в одной из систем, напряжение, вызванное этой потребностью, может найти выход через другие системы (опыты Лиснер и Малер). Целью психологического исследования и является, по словам К. Левина, раскрыть подробную структуру, степень сопряженности разных областей личности. Это направление исследований развивается в наше время в американской социальной психологии. Что оно собой представляет, показывают следующие примеры. В одном из исследований, проведенных в южных Штатах, было найдено, что возрастание цен на хлопок сопровождается усилением линчевания и избиений негров. Отсюда автор заклю-

чил, что область расовой ненависти находится ближе всего к области экономических затруднений.

Психологическое окружение, в котором находится личность, также имеет, по теории Левина, более или менее дифференцированную структуру. Психологическое окружение – это, собственно, познавательное-феноменальное поле индивида. Однако было бы ошибочно предполагать, что это поле представляет собой отражение свойств предметов объективного мира. Напротив, каждая область психологического окружения изображает лишь возможные действия индивида с вещами или относительно вещей, через которые только и могут быть определены все вещи. «Для того чтобы представить жизненное пространство так, – пишет Левин, – чтобы ответить на вопросы динамики, необходимо в качестве крайних элементов конструкции использовать процессы (операции)» [10, с. 43–44].

Различные области могут быть более структурированными для индивида, иметь более четкую структуру, чем другие. Это хорошо знакомые области – области «свободы движения личности». В психологическом окружении могут быть области и совершенно неструктурированные: это области, о существовании которых человек знает, но содержание их ему неизвестно. Например, ребенок может знать, что имеются государственные учреждения, но ему неизвестно, что они собой представляют.

Совершенно парадоксальным образом на границе между личностью и психологическим окружением Левин помещает перцептуально-моторные системы человека [10, с. 177] (см. также [2, с. 110]). Таким образом, с точки зрения теории Левина, личность при помощи своих перцептуально-моторных систем взаимодействует не с объективной реальностью, но с собственным миром психики.

Рассматривая динамику поведения личности, Левин два элемента своей системы – личность и психологическое окружение – по существу сливает в единое целое – жизненное пространство, где движется геометрическая точка – человек. Такое слияние личности и психологического окружения происходит потому, что Левин все виды «психической энергии» выносит из личности в психологическое окружение. Личность превращается лишь в генератор энергии для жизненного пространства, в котором растворяется и личность, и объективный мир. Человек теперь превращается в совершенно пассивное существо, которое толкают «внешние», хотя и порожденные им же самим силы. Жизненное пространство, в котором движется личность, Левин называет годологическим пространством, в котором силы и их направления обозначаются векторами. Передвижения в годологическом пространстве Левин называет локомоциями. В определении локомоций, которое дает Левин, отчетливо проявляется то смешение физического и психического, которое является характерной чертой теории Левина. «Под «локомоцией», – пишет он, – здесь будет пониматься телесное, квазисоциальное или квазипонятийное изменение места в психическом жизненном пространстве» [8, с. 252] ... В годологическом пространстве, поясняет Левин, передвижения в одном и том же физическом направлении будут обозначаться различно, если цель этих передвижений будет различна. Путь, физически извилистый, изобилующий многими возвращениями назад, в годологическом пространстве изображается прямой линией, если это необходимый путь к цели. Например, в ситуации обходного пути, где индивид находится около цели, но для достижения ее должен удалиться от нее, чтобы обойти какое-либо препятствие, физическое удаление от цели психологически приближает к ней индивида и поэтому является прямым путем. Основные виды, локомоций – это все акты сознания: стремления, желания, акты воли, эмоции и т. д. Появление любого желания, стремления к какому-либо объекту, мечта о ком-то – все это локомоции в годологическом пространстве. Эти локомоции, по мысли Левина, определяются всей совокупностью психических сил, действующих на личность (а, вернее, внутри личности) в данное мгновение.

Движение в годологическом пространстве, по теории Левина, начинается с возникновения потребности, вызывающей состояние напряжения. Это положение Левин направляет против классического ассоциационизма, считавшего ассоциацию движущей силой психической жизни. Не отрицая существования ассоциаций, как связей психических явлений, Левин считает, однако что только существование систем напряжений обеспечивает функционирование ассоциаций. Мысль о том, что сами ассоциации не являются движущей силой психической деятельности, что в ее основе лежат потребности, несомненно, верна. Но для Левина эта верная мысль является лишь основой для развития положения о психической детерминации душевной жизни человека. Ведь потребности у Левина – это не биологические и социальные потребности, имеющие специфические физиологические механизмы, а чисто психические энергии, и именно эти «психические энергии, т. е. системы психических напряжений, которые происходят от давления воли или потребности, являются всегда необходимым условием появления психического явления» [9, с. 44]. Это состояние напряжения «заинтересовывается», по выражению К. Левина, определенным объектом, который приобретает в результате этого валентность, т. е. значимость, весомость для личности. Эти валентные объекты выступают как цели поведения. Казалось бы, что в этом случае Левин допускает в жизненное пространство объективную реальность, так как только реальные предметы могут удовлетворить потребности, но Левин, в соответствии со своей операционалистской установкой, целями считает не реальные объекты, а собственные действия человека. «Обычно, – пишет он, – является неправильным обозначать в качестве цели – сам материальный объект. Цель обычно есть действие или состояние, например, поедание яблока или обладание каким-либо объектом» [10, с. 110]. Наличие валентного объекта еще не вызывает, по словам Левина, локомоции. Движение возникает тогда, когда напряжение из области личности переносится в психологический объект и принимает характер «силы». «Силы», таким образом, существуют в психологическом окружении, а личность является лишь генератором напряжений, выносящихся за пределы личности и толкающих такую бессодержательную личность в разных направлениях по закону сложения векторов.

Чем меньше психологическое расстояние до цели, тем более возрастает сила, притягивающая личность к валентному объекту. Это положение Левин выводит из ряда экспериментов и пытается им объяснить факты, описанные в психологической и социологической литературе (например, заключенные в тюрьмах и других исправительных учреждениях, обычно спокойно переносившие свое положение, перед самым освобождением становятся мятежниками и устраивают побеги).

Направление силы стремления к цели зависит, по словам Левина, от степени структурированности поля, где находится цель. Если поле неструктурировано (т. е., проще говоря, у человека нет знаний об окружении и о возможных результатах собственных действий), то поведение человека будет заторможено даже при наличии потребности и валентного объекта. В таких ситуациях направление поведения легче детерминируется внешней силой. Замечено, например, что дети в первые дни посещения детского сада покорно выполняют все указания воспитательницы, а, освоившись с новой обстановкой, перестают слушаться. Левин указывает, что такой прием перенесения личности в неструктурированную область (при помощи дезинформации, неожиданной награды за одни поступки и неожиданного наказания за другие) является одним из эффективных приемов, помогающих сломить волю личности и добиться от нее нужных действий...

Свою теорию закономерностей передвижения в жизненном пространстве Левин пытается применить к анализу «социальных локомоций», в частности, к анализу проблем юношества, ибо с точки зрения Левина существенной чертой этого периода является наличие «социальной локомоции» – переход индивида из группы детей в группу взрослых. Это передвижение означает значительное переструктурирование окружения: отдаленные ранее обла-

сти приближаются к юноше, но они совсем не структурированы – юноше неизвестно, куда его могут привести те или иные собственные действия. Поэтому, говорит Левин, юноша с готовностью следует за теми, кто предлагает ему «определенную систему ценностей», т. е. так или иначе структурирует окружение юноши и вызывает разрядку напряжения. Характерные для юноши резкие переходы от одной крайности к другой Левин также объясняет слабой структурированностью окружения: передвижения, которые юноше, находящемуся в неструктурированном поле, кажутся лишь небольшим шагом, взрослый оценивает как локомотию через целый ряд областей и, следовательно, как значительное передвижение...

Препятствия, находящиеся на пути к достижению целей, называются в системе Курта Левина барьерами. Если эти барьеры оказываются непреодолимыми, то наступает или общее двигательное беспокойство человека, или явление «замещения», исследование которого занимает одно из центральных мест в работах школы Левина. Понятие «замещения» заимствовано Левином у Фрейда, где этим термином обозначался процесс переключения специфической энергии в другие сферы деятельности. Это понимание замещения как разрядки напряжения через какие-то другие системы сохранено и у Левина.

Исследованиями школы Левина, проведенными, в основном, на детях, установлено, что при частом блокировании целей непреодолимыми барьерами происходит потеря инициативности, развивается вялость, апатичность, снижается интеллект. Таким блокированием целей может быть запрещение взрослых продолжать ту или иную деятельность ребенка. Деятельность нужно переключать, а не просто прерывать, иначе развитию ребенка наносится значительный ущерб. Вопрос о влиянии блокирования целей на личность вырос в школе Левина в очень важную психологическую проблему «временной перспективы» личности, как одного из главных факторов, влияющих на формирование и поведение личности.

Левин дает следующее определение понятию временной перспективы: «Целостность взглядов индивида на свое психологическое будущее и свое психологическое прошлое, существующих в данное время, может быть названа временной перспективой» (19, с. 230). Ряд исследований указывает, пишет Левин, что для активной деятельности человека необходимо наличие отдаленных положительных целей, которые подчиняли бы себе ближайшие цели и определяли бы значение выполняемых в данный момент человеком действий. Наличие такой временной перспективы вызывает усиление энергии человека, делает его инициативным, обогащает его психику и способствует поддержанию высоких и устойчивых моральных принципов. «Действия, эмоции и, конечно, моральное состояние индивида зависят, в любой момент от всей его временной перспективы», – пишет Левин [11, с. 49]. Левин показывает, как пагубно влияет на личность человека, на его моральное состояние и даже на интеллект потеря временной перспективы, сопутствующая, как правило, длительной безработице [11]. Атмосфера безработицы распространяется и на детей безработного, у которых, в результате этого резко суживаются стремления и мечты. Приводя данные конкретных экспериментов, Левин заключает, что временная перспектива важна для морального состояния не только отдельной личности, но и различных общественных групп.

Однако такое понимание временной перспективы страдает существенным недостатком: Левин ничего не говорит о содержании перспективных целей... Важно, чтобы у человека была отдаленная положительная цель и ряд ведущих к ней частных целей. Главной же целью может быть личное обогащение, убийство мешающего человека и т. д. Важность самого характера целей не позволяет прямо соотносить временную перспективу с высокой моралью, как это делает Курт Левин. «Положительная временная перспектива, – пишет он, – временная перспектива, направляемая стоящей затраченного времени целью, является одним из основных элементов высокой морали» [11, с. 64]. На пути к достижению своей цели человек испытывает успех или неудачу, которые влияют на степень трудности выбира-

емых им затем целей. Этой проблеме, называемой проблемой уровня притязания, уделяется растущее внимание в современной психологии.

Нужно сразу же отметить, что успех и неудача, с одной стороны, и уровень притязания, с другой, являются тесно взаимосвязанными. Если уровень притязания зависит от прошлых успехов и неудач, то, в свою очередь, чувство успеха или неудачи зависит от уровня притязания личности. Уровень притязания определяется Куртом Левином как степень трудности цели, к которой стремится данный индивид [12]. Если цель, поставленная внешними обстоятельствами, будет слишком трудна, то человек, которому не удастся ее достигнуть, не будет испытывать чувства неудачи. При слишком легкой цели подобным же образом не возникает переживания успеха. Таким образом, уровень притязания определяет чувство успеха или неудачи, функционирующее в относительно узком диапазоне. Уровень притязания формируется у ребенка постепенно. Маленький ребенок испытывает лишь удовлетворение или неудовлетворение, но еще не имеет чувства успеха или неудачи. Поведенческим проявлением этого чувства и признаком возникновения уровня притязания Левин считает отказ от помощи взрослого. Притязание, как и чувства успеха и неудачи, Левин считает социально детерминированными. Наблюдения за детьми и специальные исследования показывают, что похвала и оценка, даваемые товарищами и взрослыми, вызывают у детей быстрый подъем притязания. Это позволяет сделать выводы, что «социальный компонент является важным для притязания, начиная с самых ранних этапов его развития» [13, с. 286]. Однако чувство притязания может возникнуть только тогда, когда цель внутренне принимается человеком. В работах Левина особенно подчеркивается важность выяснения условий личностного принятия цели. Этот вопрос впервые получил разработку в работе Хоппе [5], который ввел понятие «включения Я» и «уровня притязания». Только при личностном принятии цели возникают переживания успеха и неудачи, влияющие на уровень притязания. Исследования, проведенные на студентах, показали, что уровень притязания хорошо успевающих студентов несколько выше их прошлых достижений. Более вариabельным оказывается влияние неудачи. Неуспевающие студенты имеют или чрезмерно высокие, или, напротив, слишком низкие уровни притязания.

Причину такой вариabельности действия неудачи можно искать в некоторых личностных, сформировавшихся в прошлом опыте качествах человека; такие качества выделяются в работе Аткинсона [1]. У одних людей формируется качество личности, которое можно назвать мотивом избежать неудачи; этот мотив начинает преобладать над мотивом достигнуть удачи. Такие люди, будучи принуждены социальными обстоятельствами выбирать себе определенную цель, будут выбирать или самую трудную, или самую легкую цель. Выбор самой легкой цели понятен – возможность неудачи сводится к нулю. Выбор же самой трудной цели объясняется тем, что неудача здесь простительна и не может уязвить самолюбие человека. Люди, выбирающие крайности, заключает автор, различны лишь фенотипически, но имеют один и тот же генотип. В ряде исследований выбор крайностей и резкие скачки от одного уровня притязания к другому связываются с невротическим состоянием личности.

В общем, исследователи приходят к выводу, что лица с истерическими симптомами имеют обычно низкий уровень притязания, ниже их прежнего уровня выполнения. В противоположность этому, психастеники ставят себе непомерно трудные задачи [4; 18].

В США был разработан специальный тест, сходный с «тестом тематической апперцепции» (ТАТ), с помощью которого оценивается «потребность к достижению». Пользуясь этим тестом, Аткинсон [1], а также Мак-Клеланд [16] провели эксперименты с пятилетними детьми. В этих экспериментах дети должны были набрасывать кольца на колышек, вбитый в землю. Результаты показали, что дети, имевшие низкие показатели в тесте достижения, становились или около самого колышка, или так далеко, что успех был просто невозможен. В то же время дети с высокой мотивацией к достижению располагались на среднем рассто-

янии. От подобного рода экспериментов Мак-Клеланд переходит в область социальной психологии, применяя полученные результаты к анализу поведения крупных промышленников; здесь, по его словам, требуются не совершенно безопасные и не в высокой степени спекулятивные мероприятия, но действия, связанные с умеренным риском [16].

Необходимо отметить, что вопрос о влиянии успеха и неудачи на уровень притязания в школе Левина ставится слишком узко и упрощенно. С точки зрения выводов, делаемых последователями Левина, становится непонятным, как же возможна выработка настойчивости у человека, когда, несмотря на многократные неудачи, он продолжает добиваться и добивается намеченной цели, не теряет при неудаче веры в свои силы, сохраняет «уровень притязания». Невьясненным остается в исследованиях Левина отношение между «уровнем притязания» и степенью энергичности поведения. Ведь хорошо известно, что существуют люди, обладающие высоким «уровнем притязания», но ничего не делающие. Левин такого рода случаи объясняет тем, что переживание успеха возникает не только при достижении цели, но и при приближении к ней и даже при простой постановке социально одобряемых целей. Поэтому, например, рассказывает Левин, в Индии в письмах приняты такого рода подписи: «Доктор философии, провалившийся».

Ряд исследований показывает, что действие успеха и неудачи на поведение личности зависит от того, каково соотношение успехов и неудач в деятельности человека. Так, в экспериментах Турека и Хауелла [21] было обнаружено, что наиболее сильное стремление к достижению целей показала та группа, у которой за тремя неудачами последовал успех. Парадоксальным образом у испытуемых с четырьмя последовательными успехами сила стремления к достижению цели оказалась не выше, чем у испытуемых с четырьмя последовательными неудачами. Таким образом, влияние успеха и неудачи на личность оказывается сложнее, чем это представляется в школе Левина. В этой связи надо отметить, что одним из основных пороков теории Левина является ее замыкание в кругу «переживаний». Хотя Левин и говорит о познавательной структуре психологического окружения, он при анализе фактов исключает роль познания как важнейшего фактора в детерминации поведения человека. В действительности, человек не просто переживает успех или неудачу, но и имеет определенное, более или менее полное знание о причине успеха или неудачи. В научных исследованиях, например, неудача может принести знание, что выбранный метод исследования неверен, что нужно идти другим путем и т. п.

В системе Левина просто не хватает средств для научного анализа фактов. Какими средствами, например, эта теория могла бы объяснить выработку настойчивости? Как объяснить, что ряд неудач не снижает ни энергии человека, ни его «уровня притязания?» Слабость теории К. Левина заключается именно в том, что она исходит из уже сложившегося «психологического мира» личности, ни происхождения, ни закономерности формирования которого неизвестны.

В школе К. Левина, в разных областях как общей, так и прикладной психологии, проведен ряд исследований, результаты которых можно использовать для разработки очень важной проблемы определения условий, влияющих на постановку и выполнение целей. Такого рода исследований проведено немного, а сам Левин не пытался использовать эти данные в систематическом виде. Однако этот материал представляет интерес с точки зрения характеристики социологической направленности исследований школы Левина.

1) На принятие и степень трудности цели влияет принадлежность индивида к той или иной социальной группе. Если общая цель группы («групповой стандарт») не слишком высока, то и личность в такой группе ставит себе цели ниже своих способностей [3]. Власть групповых целей над личностью настолько сильна, что при необходимости изменить цели одной личности приходится добиваться изменения целей всей группы. На первый взгляд, кажется, что изменение целей всей группы является делом несравнимо более

трудным, нежели изменение целей отдельной личности. Однако исследование показывает, что изменение целей отдельного человека, как правило, оказывается очень нестойким, если стандарт группы остается неизменным, даже если индивид практически не общается со своей группой. Для внедрения новых стандартов и целей также необходимо воздействовать на коллектив, группу и добиваться того, чтобы было принято коллективное решение о выборе определенной формы поведения. Только в этом случае, как показывают эксперименты, получаются стойкие результаты. В одном из таких экспериментов было, например, решено изменить поведение мастеров на одном из заводов. В цехе, где проводился опыт, существовало 9 разрядов с тремя уровнями заработной платы в каждом разряде. Каждые шесть месяцев мастера оценивали умение рабочих, и рабочие получали заработную плату в соответствии с этой оценкой. Было замечено, что мастера переоценивали рабочих высших разрядов и недооценивали тех, кто имел низшие разряды, так что рабочие с высшими разрядами всегда получали максимальную заработную плату, а низкоразрядники – минимальную. Иначе говоря, на оценку мастера влияло не только качество работы, но и степень трудности этой работы. Все мастера в опытах были разбиты на три группы. В первой группе велась дискуссия на тему, почему рабочие высших разрядов всегда получают максимальную зарплату. В конце дискуссии участники приходили к правильному выводу. Второй группе подробно разъяснялось, в чем суть неправильной оценки. Разъяснение иллюстрировалось графиками и схемами. Третья группа была нейтральной. В результате оказалось, что лишь мастера первой группы смогли правильно оценивать работу, остальные продолжали принимать во внимание трудность задания, а не только качество выполнения [14].

В других экспериментах, проведенных в военное время, целью было увеличить потребление населением ливера. Снова оказалось, что если группа принимает определенное решение, то члены группы, хотя они больше не общаются, продолжают длительное время выполнять это решение. В противоположность этому индивиды, лишь прослушавшие лекцию о питательности этого сорта мяса и возможности приготовления из него разнообразных блюд, почти не изменили своих обычных пищевых привычек [6].

2) Вторым условием, влияющим на принятие цели, является знание, что такая цель достижима и что человек делает хотя бы небольшой прогресс в движении к ней. Такой вывод делается на основании экспериментов, один из которых, например, заключается в следующем. В сельской местности на юге США была организована новая фабрика. Сразу после организации была выделена экспериментальная группа работниц. После недельной тренировки, когда их продукция достигла 20–25 % нормы, работницам было сказано, что через 10–12 недель они должны научиться выработать требуемую норму. Но к этому времени ни одна из работниц завода еще не давала требуемого количества продукции. В результате через 14 недель уровень продукции достиг лишь 66 % нормы. Вторая экспериментальная группа состояла также из новых работниц, но была сформирована тогда, когда на заводе было уже значительное количество опытных работниц, выполняющих норму. Этой группе, кроме сообщения нормы, на каждую неделю ставилась конкретная цель. В результате у этой группы через 14 недель норма оказалась перевыполненной [11].

3) Третьим фактором, обеспечивающим принятие той или иной цели, является включение данной цели в какую-то более общую цель, уже личностно принятую индивидом. Левин указывает, что хороший пропагандист никогда не будет пытаться просто навязывать человеку те или иные цели или формы поведения, чуждые личности. Он должен доказать, что желательные ему цели являются необходимым средством достижения личностью значимых целей, высоких идеалов человека.

Эту общую закономерность необходимо учитывать и при воспитании детей. Если ребенок не желает выполнять какое-либо действие, нужно включить это действие в качестве под-

чиненной части в другое, имеющее привлекательную для ребенка цель. Так, дети, не любящие арифметики, с увлечением считают, когда начинают играть в продавца и покупателей.

Разумеется, выделенные здесь условия принятия цели очень неравноценны, но нахождение хотя бы некоторых из этих условий очень важно и оправдывает изложение этого небольшого материала.

Вообще, целый ряд экспериментальных исследований, проведенных в школе Левина, имеет и научный, и практический интерес. Ведь как ни пытался Левин в своих теоретических рассуждениях представить дело так, что весь процесс происходит в замкнутом мире человеческой психики, где духовная личность (правда, с весьма земными потребностями) взаимодействует со своим «психологическим окружением» (кстати, удовлетворяя свои потребности реальными объектами), в действительности оказывалось, что реальный человек активно взаимодействует с реальным миром, и в экспериментах выяснились закономерности этого реального взаимодействия, имеющие практическую ценность.

Литература

1. *Atkinson J. W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // *Psychological Review*, vol. 64, N 6, 1957.
2. *Dembo T.* Der Ärger als dynamisches Problem // *Psychologische Forschung*, Bd. 15, Heft. 1 und 2, 1931.
3. *Festinger L.* Wish, expectation and group standards as factors influencing level of aspiration // *Journal of abnormal and social Psychology*, vol. 37, N 2, 1942.
4. *Himmelweit H. T.* A comparative study of the level of aspiration of normale and neurotic persons // *British Journal of Psychology*, vol. 37, part 2, 1947.
5. *Hoppe F.* Erfolg und Misserfolg // *Psychologische Forschung*, Bd. 14, Heft 1 und 2, 1931.
6. *Levi J. and Butler J.* Lecture vs. group decision in changing behavior // *Group dynamics*. / Ed. D. Cartwright and A. Zander. New York, 1953.
7. *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association // *Psychologische Forschung*, Bd. 1, Heft 3 und 4, 1922.
8. *Lewin K.* Der Richtungs-begriff in der Psychologie // *Psychologische Forschung*. Bd. 19, Heft 3 und 4, 1934.
9. *Lewin K.* A dynamic theory of personality. New York and London, 1935.
10. *Lewin K.* Principles of topological psychology. New York. 1936.
11. *Lewin K.* Time perspective and morale // *Civilian morale*. / Ed. G. Watson, Boston. New York etc, 1942.
12. *Lewin K.* Field theory and learning // *The 4-st Yearbook of the National Society for the Study of Education*, part 11, 1942.
13. *Lewin K.* Field theory in social science. // *Selected theoretical papers*. / Ed. D. Cartwright. Tavistock publications. New York, 1952.
14. *Lewin K.* Studies in group decision // *Group dynamics* / Ed. D. Cartwright and A. Zander. New York, 1953.
15. *Lissner K.* Die Entspannung von Bedürfnissen durch Ersatzhandlungen // *Psychologische Forschung*, Bd. 18, Heft 3–4, 1933.
16. *McClelland D. C.* Some social consequences of achievement motivation. // *Nebraska symposium on motivation*. / Ed. M. R. Jones. Lincoln, University of Nebraska Press, 1955.
17. *Mahler W.* Ersatzhandlungen verschiedenen Realitätsgrades // *Psychologische Forschung*, Bd. 18. Heft 1 u 2, 1933.
18. *Miller D. R.* Responses of psychiatric patients to threat of failure // *Journal of abnormal and social psychology*, vol. 46, 1951.

19. *Ovsiankina M.* Die Wiederaufnahme unterbrochener Handlungen // Psychologische Forschung. Bd. 11, 1928.

20. *Sliasberg S.* Zur Dynamik der Ersatzes in Spiel – und Ernstsituation // Psychologische Forschung, Bd. 19, Heft I und 2, 1934.

21. *Turek E. V. and Howell R. J.* The effect of variable success and failure situation on the intensity of need for achievement // Journal of social Psychologie, vol. 49, Second Half, 1959.

Глава 6. Проблема психологической активности и научное наследие Анри Валлона

Недавно научная общественность отметила столетие со дня рождения Анри Валлона – выдающегося представителя генетической психологии, оригинального мыслителя, крупного общественного деятеля.

Центром научных интересов А. Валлона были проблемы психического развития человека в онтогенезе. Особенно блестящие страницы вписаны им в психологию раннего детства. На материале изучения психики ребенка в процессе его становления как личности Валлон разработал важные методологические принципы общей психологии, пытаясь творчески применить философию диалектического материализма к решению проблем психологической науки. Он боролся против упрощенного понимания диалектического материализма, нередко отождествлявшегося его противниками с вульгарным материализмом. В работе «Метафизические или диалектические основы психологии» [1] А. Валлон доказывал, что диалектико-материалистический подход никак не отрицает реального существования психических явлений, наоборот, он предполагает рассмотрение психики как реальности, обладающей только ей одной присущими законами, которые и должен вскрыть психолог. Острой критике в психологии А. Валлон подвергал позиции позитивизма. Опираясь на работы А. Леона – представителя психологии труда во Франции, показавшего, какие трудности методологического порядка возникают перед психологами в этой области, А. Валлон особенно подчеркивал тяготение к позитивизму в сфере прикладной психологии, необходимость формирования и здесь диалектико-материалистической методологии. Ссылаясь на свой собственный опыт, А. Валлон разъяснял, что элементы диалектико-материалистического подхода могут стихийно формироваться психологом-исследователем, поскольку изучаемая им действительность, сам предмет его изучения исключительно диалектичны. Но осознание собственных философских позиций и усмотрение их связи с целостной научной высоко развитой философией, философией диалектического материализма, способствует, согласно А. Валлону, поднятию методологии психологии на качественно новый уровень, делает ее более адекватной исследуемому объекту.

Выступая против эмпиризма и фактологии в психологии, А. Валлон постоянно подчеркивал, что не существует фактов самих по себе: «сама постановка опыта включает факт в объяснительную систему» [2, с. 26]. Даже простое наблюдение предполагает некоторую теоретическую систему отсчета, определяющую выбор явлений и то или иное отношение к ним. Наблюдение, по его словам, предполагает некоторое упорядочивание явлений, подразумевающее определенную теорию [с. 27].

Труды А. Валлона принадлежат к числу тех, к которым хочется вновь и вновь возвращаться при возникновении новых проблем: им теоретически обобщен огромный, тщательно собранный эмпирический материал, что позволило А. Валлону выдвинуть оригинальные положения, многие из которых обретают особую актуальность на современном уровне психологической науки.

Одной из наиболее оригинальных, наименее исследованных в научном наследии А. Валлона и почти не разработанных в психологии проблем является проблема психотонической активности человека и ее развития в онтогенезе.

До сих пор психологи, обращающиеся к изучению деятельности человека как основному способу его существования, выделяли в ней побудительно-регулирующую и собственно исполнительную часть, которая, представляя собой некоторую систему действий и движений, образует кинетический аспект деятельности. Выражается он в локомоциях, движениях глаз, мануальных операциях, речевых движениях и т. д. Но кроме такой, широко

развертывающейся в пространстве, кинетической деятельности в жизни человека огромное место занимает иной вид активности – тонической, требующей не меньшего напряжения, нежели двигательно-моторная активность, и не меньшей сложности психических регулирующих механизмов. Эта активность проявляется в установках всего тела человека, органов чувств и висцеральной системы, в его позах, например: рабочие позы, а также позы внимания, ожидания, тревоги, напряженности, настороженности, покоя, смущения, робости, раздумья и т. д. В специфике поз, в динамике их смены отчетливо проявляются психодинамические характеристики и личностные свойства человека. Достаточно вспомнить позу человека, испытывающего напряжение в социальных ситуациях: охватывая себя руками, прижимая их к телу, он как бы отгораживается ими от других, а ноги прячет под стул. Совсем иные позы у человека, уверенного в себе и доверительно относящегося к социальному миру, – свободное спокойное положение его тела, чуть откинута в сторону рука с полуоткрытой ладонью создают впечатление не только открытости человека миру, но и приближенности его к своим собеседникам³. Конечно, человек может произвольно регулировать динамику своих поз, но все это требует большого напряжения.

В пострурально-тонических установках человека – в симультанном, до предела сжатом виде – содержится будущая кинематика его действий. В этих установках отчетливо выражается эмоционально-аффективное отношение личности к событиям. Важно при этом подчеркнуть, что тоническая активность захватывает всю висцеральную систему индивида, настраивает так или иначе работу всех органов, определяет степень напряженности их функционирования.

Без специального выделения этого тонического аспекта реальная предметная деятельность человека (в том числе в том аспекте, в каком она анализируется в психологии) оказывается как бы повисшей в воздухе, бесплотной: перед нами оказывается деятельность сама по себе, а не действующий человек. В данном случае совсем не помогают ссылки на то, что человек, конечно, подразумевается при исследовании деятельности, а исследователь вправе абстрагироваться от одного из ее аспектов. Такая абстракция отсекает существенные звенья деятельности: процесс размещения динамической предварительной модели деятельности в поструральных установках человека, выделение функциональных запасов организма для осуществления и продолжения деятельности, эмоциональную предуготовленность действий и т. д. Ведь все существо человека, реализующего деятельность, функционирует, подчиняясь высшим психологическим принципам организации деятельности.

При постановке проблемы психотонической активности следует выделить вопрос о необходимости вычленения двух видов поз или поструральных установок человека: внешних, наблюдаемых извне, и «внутренних», которые представляют собой не выявляющиеся вовне тоническо-аффективные состояния мышечной и висцеральной системы. Лишь у ребенка внешние и внутренние позы едины. У взрослого же человека может происходить их значительное, иногда драматическое рассогласование: свободная расслабленная внешняя поза нередко скрывает высокий гипертонус «внутренней позы» индивида.

Психологическое исследование тонической активности человека включает ряд важных теоретических и методологических вопросов: о социальной обусловленности психотонической активности, специфике ее предметной отнесенности, месте в системе разных форм активности индивида, связи с преобразующей деятельностью и общением.

Попробуем найти в работах А. Валлона ответы на некоторые из этих вопросов. Анализ его трудов показывает, что именно он сделал попытку заложить основы психологии тонической активности и вскрыть закономерности ее формирования в раннем детстве.

³ Конечно, человек может произвольно регулировать динамику своих поз, но все это требует большого напряжения.

А. Валлон выделяет сам процесс постуральной активности, выражающейся в пластической аффективно-постуральной лепке средствами организма некоторой модели объекта деятельности, причем эта модель включает и диспозиции субъекта к определенной деятельности, направленной на этот объект, и желания, намерения человека. Механизмами такой активности служат перераспределение мышечного тонуса разных частей тела и преднастройка всех внутренних органов, а также органов чувств для действия в определенной ситуации. Результаты тонической деятельности А. Валлон называет установками, позами, аттитюдами, раскрывая их сложнейшее строение, опирающееся на многочисленные синергии различных систем организма.

Исследования показывают, что А. Валлон занялся психологией тонической активности, по крайней мере, по двум причинам. Прежде всего он чувствовал потребность ввести в психологию реального чувственно-конкретного человека. Занимаясь исследованием действий, он увидел необходимость подвергнуть психологическому исследованию и ту «почву», из которой вырастают действия, – телесную непрерывность существования человека, которая может выступить в качестве специфического предмета психологического исследования, ибо сама входит в психологическую организацию индивида, сама выступает как один из способов (как и деятельность) существования психического. Теоретическая обработка собственных эмпирических исследований психического развития ребенка с первых дней его существования привела А. Валлона к такому пониманию природы психического, которое намного опередило существовавшие в 30–40-х годах теории. По его мнению, ребенок весь, целиком развивается как психологическое существо, т. е. физиологические процессы, клоническая активность, движения висцеры, работа внутренних органов и органов чувств, мозг ребенка развиваются как части единой психической организации. Это важнейший методологический аспект работ А. Валлона не нашел своего продолжения, но отнюдь не ускользнул от внимания его учеников. Анализируя разработку А. Валлоном проблемы сознания в психологическом плане, Ф. Мальрие [3] указывает, что А. Валлон понимал сознание не как комплекс психических состояний, а как «действие», в котором принимает участие все тело, включая центральную нервную систему, вегетативную и мышечную. В соответствии со способом участия тела в общей организации сознания (точнее, с нашей точки зрения, было бы говорить о психической организации индивида) А. Валлон выделяет эмоциональное, сенсорное, проективное, символическое сознание и т. д.

Разрабатывая психологию тонической активности субъекта в генетическом плане, А. Валлон раскрывает, как в действенно-аффективном взаимоотношении ребенка с предметным и социальным миром все его существо становится насыщенным этой предметностью и социальностью, которые и составляют важнейшие характеристики психики человека.

У А. Валлона были и иные основания, чтобы обратить самое пристальное внимание на постуральную активность индивида и попытаться создать психологию этой формы активности человека. Основания эти заключались в необходимости найти – в противовес концепции Ж. Пиаже – в человеке автономные структурные основания его эмоционально-аффективной жизни. Как известно, Ж. Пиаже аффективность рассматривает в основном как энергетический аспект кинетической, или двигательно-моторной деятельности, практического, дооперационального и операционального интеллекта. Он неоднократно подчеркивал, что у чувств не может быть своих особых структур, лишь интеллектуализируясь, они организуются структурно. А. Валлон же утверждает, что у эмоций существуют свои особые структуры, взаимоотношение которых со структурами предметных действий весьма сложно и устанавливается оно в ходе онтогенеза постепенно. Указывая на фундаментальное родство эмоций с органическими и постуральными функциями индивида, А. Валлон постулирует: «Тонус служит материей аффективной жизни», – и далее поясняет, что «эмоция, – каковы

бы ни были ее нюансы, всегда имеет в качестве фундаментального своего условия варьирование тонуса жизни организма и его различных частей» [4, с. 55].

Одним из первых вопросов, которому А. Валлон придает методологическое значение, выступает у него отношение тонической и клонической активности, т. е. предметной моторно-двигательной деятельности. Обращаясь к филогенезу, А. Валлон констатирует, что на низших его уровнях, например у амебы, существует тождественность между изменениями внутренней организации и формы организма, с одной стороны, и локомоциями – с другой, между движениями висцеральными и теми, которыми животное осуществляет связь с условиями своего существования. Деятельность по реализации внешних отношений и постуральная активность, как констатирует А. Валлон, имеют общее начало, но потом они расходятся. Между ними постепенно формируются отношения и антагонизма, и взаимодополнения. Сходный процесс А. Валлон наблюдает и в онтогенезе человека.

Для ясного понимания идеи А. Валлона по этому вопросу выделим два типа взаимодействия живого существа, наделенного психологической организацией, с окружающим миром. Основным результатом первого типа взаимодействия выступает изменение под влиянием действий индивида, внешних условий его деятельности – вещей и связей между вещами. Происходящее под влиянием такой деятельности изменение самого деятеля является побочным. Результатом же второго типа взаимодействия служит прежде всего изменение самого действующего существа, а преобразование внешнего мира оказывается вторичным по отношению к нему. Этот второй тип взаимодействия индивида и его окружения необходим в таких условиях, с которыми индивид не может справиться своими действиями. Он представлен главным образом эмоционально-аффективной активностью. Чтобы показать ее направленность внутрь, на сам организм, воспользуемся примером из работ А. Пьерона, на которые опирается А. Валлон. Рассмотрим поведение краба, клешня которого оказалась придавленной или зацепившейся за что-либо. В обычных условиях краб пытается высвободить клешню. Но в условиях смертельной опасности, при виде спрута, он деформирует себя, отрывая собственную клешню. Теперь он воздействует на себя и этим меняет всю ситуацию. Таков результат эмоционального типа поведения. Эмоциональное действие может быть направлено на всю висцеральную систему или на отдельные внутренние органы индивида, если оно является единственным способом выхода из ситуации или ее изменения⁴.

Таким образом, эмоционально-тоническая активность одной стороной обращена на самого субъекта (как особый способ воздействия им на самого себя), другой – к внешнему миру, ибо выступает как приспособление всего индивида к тем формам деятельности, которые направлены на преобразование внешних ситуаций. Формирование такой установочной функции тонической активности образует важный аспект психического развития ребенка.

Состояние аффекта как бы захватывает всего человека, весь его организм, его психическую организацию. У взрослого такое преобладание недифференцированной тонической функции наблюдается редко, у малыша, как показывают исследования А. Валлона, такая генерализованная аффективно-тоническая функция в первые недели его жизни преобладает. Возбуждение, возникающее от внешних или внутренних воздействий, захватывает всего ребенка и аккумулируется в спазматических состояниях его организма. Однако подобные явления, часто возникая произвольно, препятствуют формированию у ребенка

⁴ Напомним в этой связи любопытные опыты Стэвика (E. L. Stevick) [5]. Анализ обобщенных отчетов испытуемых об условиях и психологических следствиях возникновения эмоции гнева помог Стэвику установить, что этот аффект проявляется в ситуации, когда на пути человека в качестве препятствия находится другой человек. Просьбы, убеждения, уговоры не помогают освободить «дорогу» – возникает эмоция гнева. В результате мешающий человек начинает восприниматься как помеха, вещь-преграда, с которой можно обращаться, как с неодушевленным неудобным предметом. Изменив эмоцией себя, свое восприятие мира, человек изменил всю ситуацию, т. е. заменил отношение «личность – личность» на отношение «субъект – объект».

предметных действий, мешают его психическому развитию. Следовательно, генерализованное эмоционально-тоническое состояние должно, согласно А. Валлону, во-первых, частично редуцироваться, во-вторых, образовать единую систему с предметно-направленными действиями, образами восприятий и представлений, которые как бы дробят, дифференцируют аффективно-тоническое состояние путем выработки специфических установок для различных сенсомоторных и перцептивных актов⁵. Тем самым, поясняет А. Валлон, движения, которые связывают сенсорику (*sensibilite*) индивида с объектами, заглушают тонические волны, возникающие в организме от полученных впечатлений.

У взрослого человека, по словам А. Валлона, в обычном состоянии лишь в рудиментарной форме сохраняются те спазматические типы аффективно-тонических реакций на раздражения, которые характерны для ребенка. Таковы переживания, связанные с щекочущими раздражениями некоторых областей тела, например ступней ног. При длительном действии они вызывают глобальную реакцию всего организма – смех, слезы, спазмы. Антагонизм аффективно-тонической и перцептивно-двигательной активности отчетливо проявляется в этом случае: рука человека, пробегающая привычно и свободно по собственному телу, не вызывает реакции щекотки. Тормозящим влиянием образа собственного действия и раздражаемой поверхности тела объясняет А. Валлон трудность для человека вызвать аффективные реакции щекотания у себя самого. Генетически ранние формы реагирования могут, по мнению А. Валлона, сохраниться также у некоторых взрослых в аффектогенных ситуациях.

Разные способы функционирования тонической активности в структуре личности были положены А. Валлоном в основу намеченной им, но не получившей детальной разработки эмоциональной типологии людей, которая включает четыре типа. Первые два А. Валлон именуется собственно эмоциональными, другие получили название сентиментального и страстного типа. Первый, собственно эмоциональный тип характеризуется полной захваченностью аффективно-тонической волной, переходящей в спазм всего существа человека. Сознание при этом настолько заполняется органическими ощущениями, что может произойти обморок. Второй эмоциональный тип склонен к самосозерцанию, в результате эмоциональное возбуждение выливается в выразительные жесты, позы и голосовые реакции. Различие этих типов А. Валлон объясняет преобладанием гипер– или гипотонуса. Первый эмоциональный тип характеризуется гипертонической активностью, спастическими состояниями организма, а у второго преобладает гипотоническая активность, дающая возбуждению свободный выход в выразительные движения. В отличие от эмоциональных типов у сентиментальных людей воздействующие на них эмоциогенные ситуации вызывают различные образы. Возникающие при этом эмоции, насыщаясь и питаясь образами, как бы угасают в них, тормозятся и обретают иное качество, они становятся чувствами, которые переживаются совсем иначе, чем эмоции, поскольку эмоциональное напряжение снимается. От эмоционального и сентиментального типов А. Валлон отличает тип человека страстного, у которого образы цели впитывают в себя эмоции и начинают господствовать над аффективной жизнью. Эмоционально заряженная цель, как разъясняет А. Валлон, превращает эмоцию в страсть. Страстный человек прекрасно владеет своей аффективностью, умело использует различные обстоятельства для достижения поставленных целей. Однако в тех редких случаях, когда аффективность человека страстного достигает высокого напряжения, может, по словам А. Валлона, возникнуть настоящий эмоциональный шквал.

⁵ В процессе психического развития в результате овладения предметными действиями, ходьбой, игровой деятельностью у индивида, по мнению А. Валлона, формируется много разновидностей тонуса: тонус мышцы, находящейся в состоянии покоя; тонус ортостатический, обеспечивающий вертикальное положение тела человека; тонус равновесия; тонус эксплозивный (взрывающийся), осуществляющий подготовку движений; тонус усилия; тонус, поддерживающий выполнение движений; тонус кататонический, способствующий сохранению позы, и т. д.

Выдвинутая А. Валлоном типология эмоциональности человека, опирающаяся на богатый фактический материал, очень интересна. Она обретает современное звучание, переключаясь с усиленно разрабатываемой в настоящее время концепцией стресса, или психической напряженности. Исследование поведения человека в ситуации стресса позволило выделить две группы людей, по-разному реагирующих на стрессовые ситуации. Представляется, что эти группы во многом сходны с выделенными А. Валлоном эмоциональными типами.

В работах А. Валлона представления о механизмах, лежащих в основе эмоциональных типов, получают определенную разработку применительно к характеристике различных эмоций. Так, в основе ряда отрицательных эмоций типа печали, меланхолии, состояния угнетенности, как доказывает А. Валлон, находится отнюдь не расслабленность, а наоборот, гипертония эмоционально-тонической активности. Характерное для состояний печали торможение двигательных и умственных действий способствует, согласно А. Валлону, аккумуляции тонуса. Для положительных эмоциональных переживаний, эмоций радости характерно, по словам А. Валлона, свободное переливание тонической деятельности в деятельность сенсомоторную, осуществляющую практическое отношение субъекта к внешнему миру.

Предложенная А. Валлоном типология эмоционально-тонической активности вызывает ряд методологических вопросов, среди которых наиболее важными представляются следующие. Насколько эти типы являются природно обусловленными и в какой мере на них влияют процессы обучения и воспитания ребенка? Как связан тип человека страстного с эмоциональными типами? Могут ли изменяться эмоциональные типы? Несомненно, что ведущей характеристикой страстного человека, в валлоновском понимании, выступает наличие устойчивых перспективных целей и сильной мотивации. Каковы же природные предпосылки формирования такого типа личностей? Какие компенсаторные и дополнительные механизмы необходимы, чтобы из любого эмоционального типа можно было сформировать человека страстного? А. Валлон не раскрывает связи между выделенными им типами, лишь относительно первых трех типов он указывает, что вначале они сосуществуют в каждом ребенке, а лишь позднее дифференцируются.

Продолжая дальнейший анализ взглядов А. Валлона на психологию тонической активности, следует подчеркнуть, что он сумел избежать методологически ошибочного ее толкования как чисто формально-динамической характеристики психической деятельности. С первых дней жизнь ребенка, согласно Валлону, начинает насыщаться предметным и социальным содержанием, выступая как особый способ отображения внешних ситуаций, окружающих вещей и людей. Постуральные установки, включающие и установки внутренних органов, воспроизводят в своеобразной форме особенности, свойства, конфигурации воспринимаемых объектов. По словам А. Валлона, именно через посредство поз, установок, аттитюдов у ребенка впервые возникает чувство (*sentiment*)⁶ тех ситуаций, которые навязываются ему извне. Все существо ребенка, его организм становится «моделью противостоящих сил внешнего мира и объектов моторной деятельности» [4, с. 148]. Интересна мысль Валлона о пластичности, динамичности таких моделей, которые поддерживаются изменяющимися системами компенсаторных механизмов. Очень рано объектом подражательно-тонической активности ребенка становится человек, общающийся с ним. Теперь уже хорошо известно, что лицо взрослого (или даже схематическое изображение лица, маска) вызывает наиболее длительную фиксацию взгляда новорожденного. Однако А. Валлон выделяет и исследует еще одну специфическую и очень раннюю форму ответа ребенка на присутствие взрослого – так называемую реакцию *de prestance*. Этот термин иногда переводят как реакцию осанки или выправки. Точнее содержание этого понятия может быть

⁶ Под словом «*sentiment*» А. Валлон понимает единство предметного и эмоционального отображения ситуаций.

передано как чувство присутствия иного, взрослого человека, выражающееся в особой позе ребенка. Чувствительность к взгляду или присутствию другого человека выступает, по словам А. Валлона, как одна из самых ранних у новорожденного. Развиваясь, младенец очень быстро приспосабливает пластику своего тела к позам взрослого, а позднее начинает как бы моделировать своим телом социальное окружение. Имитационной аффективно-тонической активности ребенка А. Валлон придает огромное значение, считая ее на более поздних стадиях развития личности ребенка механизмом порождения представлений и умственного плана действий.

Именно в вопросе о происхождении представлений обнаружилось значительное расхождение между взглядами А. Валлона и Ж. Пиаже, который не отрицает роли подражания в формировании представлений, однако подражание он связывает с моторно-двигательной активностью ребенка относительно объекта, а А. Валлон – с постурально-тонической, считая, что приспособительная деятельность, направленная на достижение практического результата, не может породить представлений. Они, по его словам, должны быть продуктом особой имитирующей активности, цель которой – порождение модели объекта. Это и есть повторение объекта в позах ребенка, в перераспределении мышечного напряжения различных участков его тела. Один из историков психологии Тран-Тонг (Tran-Thong) [6], сопоставляя взгляды на происхождение представлений этих двух крупнейших психологов, приходит к справедливому, по нашему мнению, заключению, что они не исключают, а дополняют друг друга: в концепции Ж. Пиаже исследованию подвергнуто «оперативное» представление, а в теории А. Валлона – пластическое, изобразительное. Мысль о существовании разных по своему генезису и способу функционирования представлений предполагается продуктивной, но, разумеется, лишь дальнейшие исследования могут содержательно раскрыть различие разнообразных форм (и уровней) умственных образов. Для нас же в данном контексте важно подчеркнуть идею А. Валлона о том, что в «продуктах», результатах постурально-тонической активности человека – в его установках, в постурально-аффективной настройке – отображается предметный и социальный мир, и отображения эти оказываются наполненными желаниями, влечениями, эмоциями субъекта, т. е. предметность, в широком смысле слова, вписывается, врежется в природу человека, входит в способ функционирования всего его существа.

При исследовании эмоционально-тонической активности ребенка в новой – социальной системе связей А. Валлон выявляет те ее особые качества, которые она обретает в процессе общения ребенка со взрослым и другими детьми. В системах социальных взаимоотношений эта активность выступает как средство освоения и воспроизведения социального мира в индивидуальности ребенка и как способ воздействия на других для достижения желаемых результатов. Взгляды А. Валлона на эмоции как на средство воздействия индивида на других и посредством других уже неоднократно анализировались в нашей психологии. Поэтому скажем лишь несколько слов об этом аспекте учения А. Валлона.

Казалось бы, что генерализованная аффективно-тоническая реакция ребенка должна очень быстро смениться дифференцированными тоническими установками, столь необходимыми для организации эффективного его взаимодействия с предметным миром. Но в действительности первые формы тонической аффективности оказываются весьма стойкими. Происходит это потому, что, по мнению А. Валлона, эти реакции преобразуются в особую форму поведения, выступающую в качестве воздействия на социальное окружение ребенка. Однако постепенно и в этой области генерализованные реакции уступают место дифференцированным формам мимического общения ребенка со взрослым. А мимика, поясняет А. Валлон, есть также постуральная функция, функция аккомодации, адаптации, стоящая на службе потребностей в аффективных взаимоотношениях между людьми. У ребенка, утверждает А. Валлон, во втором полугодии путем подражания начинает формироваться

чисто человеческая мимика. Продолжая развивать свои идеи относительно подражательного воспроизведения в пластике тела, а следовательно, и в мимике противостоящих объектов, А. Валлон рассматривает аффективно-тоническую активность лица ребенка, повторяющего мимику взрослого, как средство узнавания другого через себя и себя через другого. Понимание тонической активности как основы аффективной жизни получает развитие в положении А. Валлона о том, что именно через воссоздание в себе игрой мышечного тонуса той гаммы поз, которая отвечает эмоциональным состояниям взрослого, ребенок осваивает мир человеческих эмоций и грамматику невербального общения людей.

Осваиваемые, воспроизводимые в форме индивидуального существа ребенка, выработанные в обществе эмоциональные позы, установки – способы не только выражения, но и существования его желаний, влечений, потребностей – дробят недифференцированную, синкретическую аффективную жизнь ребенка. Индивид, пишет А. Валлон, учится у общества выражать свои желания и, следовательно, познает в них именно социализированный аспект. Следует, однако, добавить, что богатство аффективной жизни человека, палитра эмоционально-тонических состояний несравненно богаче социально маркируемой их части. В психологии все время происходят открытия новых, не имеющих наименования, переживаемых, но невербализуемых эмоциональных состояний, распознаваемых обществом лишь в результате их социальных последствий в усложняющихся общественных условиях.

Все виды деятельности человека и его «живое созерцание» вырастают, как из своего основания, из психотонической активности человека. А. Валлон называет эту активность аффективно-постуральной, или установочной активностью. При этом «позы», о которых он говорит, следовало бы скорее именовать «внутренними позами»: перераспределение мышечного тонуса всех систем организма служит способом существования отношений и намерений субъекта, часто не получающих выражения вовне и даже маскируемых внешними позами.

Заслуга А. Валлона заключается в постановке проблемы психотонической активности и в раскрытии того, как в ходе онтогенеза происходит дифференциация, дробление на множество граней различных установок, «поз» первоначально недифференцированного функционирования аффективно-тонических систем организма в результате предметной деятельности и общения с ближайшим социальным окружением развивающегося индивида.

Литература

1. *Wallon H.* Fondements metaphysiques ou fondements dialectiques de la psychologie? – *La nouvelle critique*, 1958, № 100.
2. *Валлон А.* Психическое развитие ребенка. М., 1967.
3. *Malrieu Ph.* Le problème de la conscience dans la psychologie d'Henri Wallon. – *La Pensee*, 1950, № 30.
4. *Wallon H.* Les origines du caractère chez l'enfant. Les préludes du sentiment de personnalité. Paris. 1949.
5. *Stevick E. L.* An Empirical Investigation of the Experience of Anger. In: *Duquesne Studies in Phenomenological Psychology*, v. 1, 1971.
6. *Tran-Thong.* Stades et concept de stade de développement de l'enfant dans la psychologie contemporaine. Paris, 1967.

Глава 7. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы)

В психологической науке изучение соотношения морального сознания и морального действия постоянно приводило к противоречивым результатам: во многих случаях оказывалось, что не только дети, но и взрослые, хорошо знающие нормы нравственности и уверенные в необходимости их соблюдать, попадая в нетривиальные обстоятельства, ведут себя не в соответствии с этими нормами и оправдывают аморальное поведение других людей. В то же время действия субъектов, воспринимавшиеся окружающими как нравственные, при ближайшем рассмотрении оказывались лишены морального содержания.

Значительный вклад в решение данной проблемы внес Лоуренс Колберг (1927–1987): вместе со своими сотрудниками он создал стадиальную теорию нравственного развития. Заняться этим вопросом его побудил лично значимый факт собственной биографии. В его жизни был период, когда он переживал кризис идентичности и старался определить свою позицию по отношению к нормам общества. Испытывая себя в разных занятиях, Лоуренс нанялся моряком на Торговый флот Великобритании. В это время началась вторая мировая война, и торговые корабли, выполняя и свои прямые обязанности, начали контрабандно перевозить из Европы в Палестину евреев. Подобный факт заставил Колберга задуматься над вопросами расхождения между нормами права и нормами морали, над иерархией человеческих ценностей. Этой проблеме он и посвятил свою интенсивную научную жизнь. Он выдвинул гипотезы о том, что мораль развивается на протяжении всей жизни человека, что ее развитие имеет стадиальный характер и что можно выработать метод, выявляющий критерии уровней морального *сознания* человека. Прежде всего он установил, что само по себе прекрасное знание норм морали и согласие с ними не являются индикатором высокой нравственности. Люди могут быть убеждены, что «красть – дурно», «говорить неправду – плохо», «взятое обязательство нужно выполнять» и т. п., но в определенных условиях они ведут себя в противовес осознаваемым моральным правилам.

Для исследования морального сознания Колберг создал девять дилемм, в содержании которых сталкивались нормы права и нормы морали, высшие и более низкие ценности человека и т. д. Эти дилеммы даны в приложении к данной статье. Здесь мы кратко опишем лишь одну из самых распространенных дилемм – дилемму III. Она такова: перед персонажем – Хайнцем – возникла ситуация выбора: украсть у аптекаря лекарство, за которое фармацевт заломил неслыханную цену, но без которого жена Хайнца умерла бы, или не совершать противоправный поступок и обречь жену на смерть. Эту, как и другие дилеммы, Колберг предлагал для решения не только в США, но и во многих других, в том числе азиатских странах. Большинство участников эксперимента отвечало, что Хайнц должен украсть лекарство. Следовательно, казалось бы, они признавали, что значимость человеческой жизни значительно выше, нежели значимость собственности. Но оказалось, что столь прямой вывод отнюдь не всегда правомерен. Таиландские дети, например, были уверены, что Хайнц должен украсть лекарство, но при расспросах свой ответ мотивировали тем, что в противном случае Хайнцу придется потратить очень большую сумму на похороны жены. Некоторые из респондентов-американцев, утвердительно отвечая на вопрос дилеммы, изменяли свое мнение, если речь шла о чужом умирающем человеке. Следовательно, для них высшей ценностью была не жизнь человека, а именно жизнь близкого, любимого человека. Для того чтобы полностью выявить моральное содержание ответа и определить уровень (стадию) развития

нравственности, Колберг дополнительно к дилеммам разработал три формы структурированного интервью (см. в Приложении).

Основной результат своих исследований Колберг получил путем длительного лонгитюдного исследования, проведенного в США [2]. Его выборка состояла из 60 человек мужского пола в возрасте от 10 до 40 и более лет. Дилеммы предлагались участникам эксперимента сначала в средней школе, затем в колледже, далее в ВУЗе и, наконец, в разные периоды работы по специальности. Более короткие лонгитюды Колберг и его сотрудники проводили во многих других странах, в разных городах в сельских местностях. Полученные данные показали, что с возрастом уровень морального развития растет. Но этот рост происходит отнюдь не автоматически. Операции морального мышления каждой стадии *конструируются* самим субъектом по тем же принципам, которые, как подчеркивал Пиаже, лежат в основе построения операционального интеллекта.

Разрабатывая вслед за Пиаже когнитивно-развивающую (cognitive-developmental) теорию, Колберг доказывает, что в своем сформировавшемся виде система нравственных «операций» обладает такими же свойствами обратимости и уравновешенности, которые свойственны логико-математическим и физическим суждениям (или операциям). Обратимость моральных «операций» достигается в результате развития у субъекта способности становиться на точку зрения других участников морального конфликта. Поэтому в психологическом плане справедливость определяется Колбергом (как и Пиаже) в виде структуры межличностных интеракций. По словам Колберга, его концепция требует, чтобы человек систематически принимал позицию каждого другого до тех пор, пока решение не возникнет как полностью справедливо сбалансированное [1, с. 308].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.